А.П. ФОМЧЕНКО

Русские поселения в Туркестанском крае

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. НИЗАМИ

А. П. ФОМЧЕНКО

РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

в конце XIX—начале XX в.

(СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1983

В монографии вскрываются причины переселений русского и украинского крестьянства в Туркестанский край, исследуется вопрос о развитии капитализма в русских поселениях Туркестана и анализируются социально-экономические последствия переселенческого движения. Особое внимание уделяется революционному движению крестьянской бедноты, зарождению и укреплению дружбы между русскими и местными трудящимися.

Для преподавателей и студентов исторических факультетов вузов, а также всех интересующихся историей Средней Азии.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
проф. *Зияев Х. З.*
Рецензенты:
доктор исторических наук *Чабров Г. Н.*,
кандидат исторических наук *Кравец Л. Н.*

Ф $\frac{0505020000-2311}{М\ 355\ (04)-83}$ 15—83

©Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1983 г.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение объективно-прогрессивных итогов присоединения Средней Азии к России было и остается одной из важнейших проблем в марксистско-ленинской исторической науке. Частью этой проблемы является вопрос о крестьянской колонизации Туркестана, ее результатах и значении для среднеазиатских народов.

История крестьянского переселения в советской исторической науке до сих пор изучена недостаточно. Отсутствуют также специальные исследования о русских поселениях в Средней Азии, не уделялось также должного внимания изучению объективно-прогрессивных последствий крестьянской колонизации, выявлению корней зарождения дружбы и классовой солидарности трудящихся России с широкими народными массами изучаемого региона.

Настоящая монография призвана содействовать восполнению в определенной мере указанного пробела на основе литературных, архивных и других материалов.

Теоретической и методологической основой исследования являются труды основоположников марксизма-ленинизма. К. Маркс и Ф. Энгельс дали ответ на многие вопросы истории нашей страны. Особое внимание они уделяли вопросам постепенного разложения феодально-крепостных отношений, развитию капитализма, особенно после реформы 1861 г., назреванию предпосылок революции, ее характеру и перспективам.

В историографии исследуемой нами проблемы особая роль отводится работам В. И. Ленина, в которых дается научный анализ разработанного им аграрного вопроса, главного вопроса назревавшей в России буржуазно-демократической революции, переросшей затем в социалистическую. В. И. Ленин всесторонне характеризует колониальную и переселенческую политику царизма в Туркестане, процесс возникновения и развития капитализма в сельском хозяйстве России, Сибири и в Средней Азии и т. д. Ленинские работы по аграрному и переселенческому вопросам дают ключ для правильного понимания причин и результатов русского переселения в Туркестанский край.

Роль В. И. Ленина в разработке аграрно-крестьянского вопро-

са освещена в ряде работ известных советских историков-аграрников[1].

Большую помощь при подготовке монографии оказали работы дореволюционных авторов, в которых в какой-то мере критически отражена переселенческая политика царизма. С этой точки зрения представляют интерес труды Н. Васильева, Т. Седельникова, А. Комарова, П. Румянцева[2].

В дореволюционной литературе делались также попытки вскрыть причины переселенческого движения. Так, в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. вышли в свет две работы экономиста И. А. Гурвича — «Экономическое положение русской деревни» и «Переселение крестьян в Сибирь», получившие положительную оценку В. И. Ленина. Автор этих книг сумел дать глубокий анализ классового расслоения русской деревни и показать связь переселений с разложением крестьянства[3]. Утверждая, что Россия грядущих дней будет иметь своим базисом крестьянскую буржуазию, земледельческий пролетариат и капиталистическое сельское хозяйство, И. А. Гурвич не видел, однако, каким путем произойдет ломка старых земельных отношений, как будет совершена аграрная революция.

О том, что авангардная роль будет принадлежать русскому пролетариату, гениально предсказал В. И. Ленин еще в конце XIX в. Он предвидел, что построение социалистического общества возможно лишь в союзе пролетариата с трудовым крестьянством под руководством Коммунистической партии.

На рубеже XIX—XX вв. развернулась ожесточенная полемика вокруг аграрного вопроса, аграрного перенаселения и связанного с ним переселенческого движения. Либеральные народники Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов, Николай-он (Н. Д. Даниэльсон) и другие в оценке экономической и социальной жизни крестьянства выступали с позиций догматизма. Они не видели существенных изменений в жизни крестьянства, вызванных вторжением капитализма в земледелие, затушевывали процесс классовой дифференциации крестьянства. Появление избыточной рабочей силы в деревне они объясняли тем, что капи-

---

[1] Першин П. Н. Аграрная революция в России. М., 1966; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967; Анфимов А. М. В. И. Ленин о российском крестьянстве.— В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970; Воронович А. А. Аграрная программа партии в трудах В. И. Ленина. М., 1971; Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. М., 1978 и др.

[2] Васильев Н. Кочевники Туркестана. Самарканд, 1890; Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). Спб., 1907; Комаров А. А. Правда о переселенческом деле. Спб., 1913; Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910.

[3] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 175.

тализм лишает крестьянина возможности заниматься различными промыслами. Как отмечал В. И. Ленин, народники не доказали капиталистического характера перенаселения в России по той причине, что не ставили его в зависимость от развития капитализма в земледелии[4]. Этим объяснялись все их ошибки, в том числе и утопические проекты сохранения общины и т. д. Легальные марксисты П. Б. Струве, С. Н. Булгаков и другие объясняли перенаселение действием «стихийной силы размножения», в результате чего население увеличилось настолько, что производство не могло удовлетворить его потребности.

Точку зрения легальных марксистов и либеральных народников разделяли меньшевики. Их крупнейший аграрник П. П. Маслов утверждал, что перенаселение связано с «абсолютным увеличением населения». Представители партии эсеров вслед за народниками причину «оскудения» крестьян видели в «малоземелье». А. В. Пешехонов, например, писал, что оно началось в результате реформы 1861 г. и последующего роста сельского населения, поэтому крестьяне вынуждены были искать пути «отчуждения рабочей силы на сторону». Ликвидацию малоземелья он предлагал провести при помощи уравнительного землепользования, для чего государство должно было выкупить частновладельческие земли. В его предложениях чувствовалось стремление к компромиссу между кадетской идеей выкупа земли и эсеровской «социализацией»[5].

Таким образом, для всех буржуазных и мелкобуржуазных теорий характерно то, что они отрицали капиталистический характер перенаселения деревни и связывали проблему излишней рабочей силы со стихийным стремлением людей к размножению.

В. И. Ленин в работах по аграрному вопросу, опровергая мальтузианский взгляд на причины бедствия трудящихся, показал, что возникновение аграрного перенаселения было связано с развитием капитализма в сельском хозяйстве, с процессом «раскрестьянивания», и указал пути ликвидации перенаселенности деревни. Для этого требовалось преобразование капиталистического общества в социалистическое[6].

Критикуя контрреволюционные партии, возлагавшие большие надежды на переселение крестьян, В. И. Ленин писал: «Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос»[7].

Исключительно большое значение перенаселению крестьян на окраины в деле ликвидации «малоземелья» в Центральной России и поднятия благосостояния оставшихся на родине крестьян

---

[4] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 488.

[5] См.: Иванов Е. П. Отечественная историография аграрного перенаселения.—«Вопросы истории», 1971, № 12, с. 31—42.

[6] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 139.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 325.

придавали идеолог переселенческой политики князь А. И. Васильчиков, либеральный народник С. Н. Южаков, буржуазный экономист и статистик А. А. Исаев[8].

Иного мнения о значении переселений придерживался известный буржуазный экономист и статистик, один из лидеров кадетской партии А. А. Кауфман[9]. Он справедливо указывал, что на окраинах России мало пригодных для переселения земель, что этим нельзя вылечить «малоземелье» русского крестьянства. Однако из этого он делает ошибочный вывод: поскольку нельзя переселить миллионы семей в Сибирь и Туркестан, необходимо принудительно отчуждать частновладельческие земли в Европейской России за выкуп. В. И. Ленин, разоблачая кадетскую аграрную программу, подчеркивал, что у кадетов «не на крепостнически классовый характер русских латифундий переносится центр тяжести, а на возможность примирения классов, удовлетворения мужика без обиды помещика, одним словом, на возможность пресловутого «социального мира»[10]. В. И. Ленин связывал развитие земледелия с освобождением народа от самодержавия и капитализма.

Первые работы по переселенческому вопросу, вышедшие в свет после Октябрьской революции, были написаны, за некоторым исключением, с буржуазных позиций. Среди них можно назвать книги А. А. Ярилова, И. Л. Ямзина и К. П. Вощинина[11]. Они так же, как и ранее упомянутые авторы, усматривали в переселении средство разрешения аграрного кризиса в Европейской России, средство наделения землей крестьян-переселенцев. Их оценка аграрной политики царизма носила чаще всего апологетический характер.

Правильное понимание сути переселенческой политики и ее последствий возможно лишь на базе марксистско-ленинского анализа данного вопроса. Вместе с тем необходимо отметить и тех ученых, которые, не будучи марксистами, сумели на основе тщательного изучения конкретного материала сделать правильные наблюдения и объективные выводы по некоторым аспектам этой проблемы. К таким ученым следует отнести акад. В. В. Бартольда. В его труде «История культурной жизни Туркестана»[12] содержатся верные высказывания о характере переселенческой политики царизма и объективно-прогрессивных последствиях

---

[8] Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. I—II. Спб., 1876; Южаков С. Н. К вопросу о земледельческой будущности русской черноземной полосы. Спб., 1881; Исаев А. А. Переселение в русском народном хозяйстве. Спб., 1891.

[9] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Спб., 1905.

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 226.

[11] Ярилов А. А. Колонизация и использование природных богатств как основные предпосылки дальнейшего развития России. Вып. V. М., 1921; Ямзин И. Л. и Вощинин К. П. Учение о колонизации и переселениях. М.—Л., 1926.

[12] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. 2, ч. 1. М., 1963.

крестьянской колонизации. Однако в целом В. Бартольду не удалось отразить сущность колониальной политики царизма. Он обошел молчанием вопрос, какой именно способ производства навязывал царизм порабощенным народам Средней Азии. Рост крестьянской колонизации в начале XX в. В. Бартольд объяснял только усилением обрусительной тенденции в политике царского правительства, не беря во внимание социальные условия в России.

В дореволюционной русской историографии не ставился вопрос о классовом направлении политики царского правительства, так же как не освещались проблемы внутреннего развития среднеазиатских государств, что затрудняло выяснение причин сравнительно быстрого присоединения Средней Азии к России и его прогрессивного значения.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции наступил новый этап в изучении среднеазиатской проблемы. Советские историки, и в частности М. Н. Покровский, правильно освещали социальные основы политики самодержавия и ее антинародный характер. Однако Покровский, как и ряд других авторов, односторонне подходил к данной проблеме. Заостряя внимание на колониальных устремлениях царизма, они не смогли показать объективно прогрессивных последствий присоединения народов Казахстана и Средней Азии к России[13]. В 20—30-х годах в трудах ряда авторов, в том числе Т. Рыскулова и А. В. Шестокова, русское переселение рассматривалось лишь как зло, поскольку хозяйство переселенцев ошибочно считалось сплошь кулацким[14].

В 50—70-х годах ученые сосредоточивают усилия на изучении внутреннего развития среднеазиатских государств, обращают преимущественное внимание на раскрытие всесторонних связей России с Казахстаном и Средней Азией. В коллективных работах по истории национальных республик и монографиях советских историков И. С. Брагинского, С. А. Раджабова, В. А. Ромодина, В. Я. Непомнина, Е. Б. Бекмаханова, Б. Д. Джамгерчинова, А. В. Пясковского, Н. А. Халфина, А. М. Аминова, А. Х. Бабаходжаева, Д. Давлетова, А. Ильясова, Б. В. Лунина и др. подробно освещаются как реакционные, так и прогрессивные стороны присоединения Средней Азии к России[15].

---

[13] См.: Покровский М. Н. Дипломатия и война царской России в XIX столетии. М., 1920; «Историк-марксист», 1929, № 11.

[14] См.: Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962, с. 112.

[15] Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России.—«Вопросы истории», 1953, № 8; Непомнин В. Я. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России.—«Известия Академии наук УзССР», 1954, № 1; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Джамгерчинов Б. Д. Важный этап из истории киргизского народа (к столетию присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1957; Пясковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России.—«Вопросы истории», 1959, № 8; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы

Состоявшаяся в 1959 г. в Ташкенте объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии и Казахстана к России, показала, что этот исторический феномен следует рассматривать с учетом внутренних и внешних факторов, а также того важного факта, что в результате принятия российского подданства народы этого региона приобщались к общероссийскому революционному движению[16]. Одновременно участники сессии отметили рост национально-колониального гнета, реакционный характер колониальной политики русских помещиков и капиталистов, существование двух России — России Николая I, Победоносцева, Столыпина и России революционно-демократической, России Герцена и Чернышевского, России В. И. Ленина. Именно с этих позиций рассматривало вопрос о присоединении Казахстана и Средней Азии подавляющее большинство историков в 50—70-х годах.

Серьезное изучение истории сельского хозяйства и аграрных проблем Туркестана началось с середины 20-х годов. Наряду с трудами, написанными видными специалистами старшего поколения с буржуазно-либеральных позиций[17], вышли в свет первые работы историков и экономистов, стремившихся осветить историю и проблемы сельского хозяйства с марксистско-ленинской позиции. Среди них книги Г. Скалова, П. Г. Галузо, Е. Зелькиной, В. Лаврентьева и других[18]. Хотя их авторы, и особенно Е. Зелькина, не были свободны от ряда ошибок, иногда принципиального характера[19], многие из этих трудов и сейчас не утратили своего значения, служа ценным подспорьем в работе нового поколения историков Средней Азии.

В 40-е годы были опубликованы работы, посвященные истории Октябрьской революции в Средней Азии и Казахстане, в которых отводится определенное место социально-экономическим предпосылкам революции, исследуются отдельные стороны аграрных отношений в Туркестане, освещается переселенческое движение

XIX в.). М., 1965; Аминов А. М., Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972; Лунин Б. В. У истоков великой дружбы. Ташкент, 1972 и др.

[16] Материалы научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959.

[17] Юферов В. И. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925; Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. М., 1926 и др.

[18] Скалов Г. Основной декрет о земле и земельные вопросы в Туркестане. Ташкент, 1922; Галузо П. Г. Туркестан — колония (очерки истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). М., 1929; Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу Средней Азии. М., 1930; Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии). Л., 1930 и др.

[19] См.: Аминова Р. Х. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920). Ташкент, 1963, с. 28—29; Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1969, с. 5—13.

в Среднюю Азию и влияние переселений на поземельные отношения[20].

Итоги научно-исследовательских работ о развитии Средней Азии и Казахстана в колониальный период были подведены научной сессией, состоявшейся в Ташкенте в 1954 г. Сессия указала на недостаточную исследовательскую работу историков и экономистов национальных республик «в части выявления развития капиталистических и товарно-денежных отношений и изменения экономики страны под воздействием капиталистической России»[21].

Более полное исследование предыстории Октябрьской революции началось в конце 50-х годов. Большое значение в активизации исследований аграрного строя в республиках Средней Азии и Казахстана имела проходившая в мае 1960 г. в институте АН СССР сессия научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции[22]. В 1960—1970-е годы были изданы монографии И. Джалилова, С. И. Ильясова, Б. Сулейменова, Р. Х. Аминовой, А. М. Юлдашева[23]. Большое внимание аграрному вопросу уделяется и в исследованиях, посвященных подготовке и победе Великой Октябрьской революции в Средней Азии и Казахстане[24]. Но наиболее близка к рассматриваемой теме монография С. И. Ильясова. В ней основное внимание уделяется формам собственности на землю, государственной ренте, землеустройству и землепользова-

---

[20] Ким М. П. Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане.— «Вопросы истории», 1947, № 10; Зима А. Г. Киргизия в период Великой Октябрьской социалистической революции.— «Известия Киргизского филиала АН СССР». Вып. VII. Фрунзе, 1947; Шарова П. Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии.—«Исторические записки», 8, 1940.

[21] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, с. 5.

[22] См. материалы сессии, опубликованные в кн.: Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1960.

[23] Джалилов И. Основные черты земельного права дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1960; Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1963; Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начале XX вв. (1867—1907). Алма-Ата, 1963; Аминова Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане. Кн. 1. Ташкент, 1964; Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Ташкент, 1969.

[24] См.: Житов К. Е. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1957; Иноятов Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. М., 1958; Додонов И. К. Победа Октябрьской революции в Туркестане. Ташкент, 1958; Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, 1959; Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961; Росляков А. А. Большевики Туркестана в борьбе за власть Советов. Ашхабад, 1961; Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959; Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967; Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября (под ред. К. Е. Житова и Х. З. Зияева). Ташкент, 1973 и др.

нию старожильческих и самовольческих русских поселков. Автор рассматривает социально-экономические отношения под углом зрения исследования роли и влияния государственной собственности на землю, но не уделяет внимания вопросам дифференциации крестьянства и классовой борьбы. Между тем анализ социально-экономического положения народов Средней Азии и, в частности, крестьян-переселенцев играет большую роль в деле понимания потенциальных возможностей трудящихся края.

Имеет непосредственное отношение к изучаемой теме и работа П. Г. Галузо «Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг.[25], в которой с позиций разграничения определений военно-феодального и капиталистического империализма царской России обстоятельно исследованы аграрные отношения и классовые расслоения национального и переселенческого крестьянства в Семиреченской и Сырдарьинской областях Туркестанского края.

В книге главное внимание уделяется политическим и экономическим предпосылкам объединения многонационального крестьянства Казахстана с российским крестьянством для их совместной борьбы против царизма, империалистической буржуазии и местных феодалов за свое национальное и социальное освобождение.

Автор резко и с полным основанием осуждает колониальный характер российского империализма, но недостаточно объективно оценивает последствия крестьянской колонизации. Нами в работе использованы некоторые данные, относящиеся к сельскому хозяйству переселенцев Семиречья. Вместе с тем отдельные положения П. Г. Галузо являются дискуссионными[26].

Среди исторических трудов, посвященных переселению русских крестьян на окраины России, видное место занимает книга А. Турсунбаева[27], построенная на соблюдении ленинского указания о том, что капитализму предстояло выполнить в Туркестане — «колонии чистейшего типа» «двойную миссию — разрушительную и созидательную». Материал, привлеченный автором, показывает диалектическую взаимосвязь этих двух процесссов в аграрных отношениях Казахстана.

В монографии А. Б. Турсунбаева исследуются многие аспекты крестьянской колонизации Казахстана, объективно раскрываются результаты (как положительные, так и отрицательные) присоединения края к России, обстоятельно рассматривается вопрос о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве Казахстана.

Представляют научный интерес и вышедшие в последнее время

---

[25] Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965.

[26] См.: Дахшлейгер Г. Ф. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. 1973. с. 39—62.

[27] Турсунбаев А. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.

монографии М. Бабаханова и А. А. Сапелкина[28], в которых исследуются вопросы развития социально-экономических отношений в узбекском ауле, киргизском кишлаке и отчасти в переселенческой деревне. Известно, что Средняя Азия миновала капиталистический способ производства, но первые шаги в развитии капиталистических отношений были сделаны в период существования империализма в России, в условиях колониальной эксплуатации края. В указанных работах на основании убедительных фактов показан этот процесс.

М. Бабаханов характеризует, с одной стороны, прогрессивный процесс экономического сближения различных районов Туркестанского края, с другой — Туркестана с Россией. Значительное место в книге уделено вопросу зарождения и формирования пролетариата края как составной части российского пролетариата, но почти ничего не говорится об участии трудящихся Туркестана в революционных событиях.

В работе А. А. Сапелкина специальная глава посвящена революционной борьбе киргизских и русских трудящихся в конце XIX— начале XX вв. В ней справедливо подчеркивается, что национально-освободительная, антиимпериалистическая и антифеодальная борьба трудящихся дореволюционной Киргизии являлась составной частью революционного движения в Российской империи.

Интерес представляют также исследования, посвященные переселению русских крестьян в Среднюю Азию и его влиянию на земельные отношения в Киргизии. Среди них работы М. Т. Айтбаева, О. Мусабекова, А. Г. Зимы, А. Ф. Лачко, К. Забирова, Д. О. Айтмамбетова и других авторов, внесших определенный вклад в изучение аграрных отношений и социально-экономических и культурных последствий переселения русских крестьян в Семиречье[29].

Вопросы истории присоединения Средней Азии и Казахстана к России и в настоящее время остаются предметом идеологической борьбы. Буржуазная историография не отказалась в своих устремлениях очернить развитие советской исторической мысли

[28] Бабаханов М. Предпосылки революционного союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом. Душанбе, 1975; Сапелкин А. А. Аграрные отношения в Киргизии в начале XX века (1900—1917 гг.). Фрунзе, 1977.

[29] Айтбаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов (по материалам Иссык-Кульской области Киргизской ССР). Фрунзе, 1957; Мусабеков О. От патриархально-феодальных к социалистическим аграрным отношениям. Фрунзе, 1968; Зима А. Земельная политика царизма в Киргизии.—«Труды Киргизского госпединститута». Т. 2, 1947; Лачко А. Ф. Из истории общественно-экономических отношений у киргизов в конце XIX — начале XX вв.—«Труды института языка и литературы Киргизского филиала АН». Вып. 3, 1952; Забиров К. Влияние русского переселенческого движения на земельные отношения в Киргизии (1888—1905).—«Ученые записки истфака Киргизского госуниверситета». Вып. IV. Фрунзе, 1958; Айтмамбетов Д. О. Влияние России на хозяйственное и культурное развитие Киргизии.—«Вопросы истории», 1971, № 4.

от прямых искажений взглядов советских ученых, обвиняя их в замалчивании колониального гнета в национальных окраинах Российской империи[30]. Фальсификаторы категорически отрицают дружеские отношения между русским и другими народами нашей страны, их трудовые, экономические и культурные связи в прошлом, их совместную освободительную и революционную борьбу против социального и национального гнета, а всю дореволюционную историю отношений народов многонациональной России сводят к войнам, взаимным столкновениям, национальной розни. При этом они умалчивают тот факт, что советская историография отнюдь не скрывает, а дает емкую оценку национально-колониальному гнету, одновременно показывает сближение трудящихся масс русского и других народов Средней Азии, осознавших общность интересов в труде и борьбе против царизма, против «своих» феодалов. Советская историческая наука дала достойную отповедь фальсификаторам истории Средней Азии и Казахстана. Показательны в этом отношении книги Х. Ш. Иноятова, К. Н. Новоселова, Д. А. Рзаева, А. Б. Турсунбаева, Г. А. Хидоятова, А. Нусупбекова и Х. Бисенова[31].

Многие аспекты крестьянского переселения в Среднюю Азию и Казахстан в самых общих чертах освещены в «Истории СССР», а также в коллективных работах по истории советских республик Средней Азии и Казахской ССР. Специально вопросами переселения крестьянства в Туркестанский край занимались П. Д. Верещагин, А. П. Геллер, П. А. Шмачков, А. И. Гинзбург, Н. Касымов, Н. Н. Канода[32].

Наряду с другими литературными источниками, автор использовал наиболее ценные статьи и заметки публицистического характера из газет, издаваемых до революции в Ташкенте, Верном, Асхабаде («Туркестанские ведомости», «Русский Туркестан», «Семиреченские областные ведомости», «Асхабад», «Закаспийское обозрение»), из журналов («Вопросы колонизации», «Турке-

[30] См.: Хидоятов Г. Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972.

[31] Иноятов Х. Ш. Ответ фальсификаторам истории Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; Новоселов К. Н. Против буржуазной фальсификации истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Рзаев Д. А. О фальсификаторах истории Средней Азии. Фрунзе, 1962; Турсунбаев А. Б. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата, 1963; Нусупбеков А., Бисенов Х. Фальсификация истории и историческая правда. Алма-Ата, 1964; Хидоятов Г. А. Правда против лжи. Ташкент, 1964.

[32] Верещагин П. Д. Переселенческая политика царизма в Сырдарьинской области Туркестанского края. М., 1950; Геллер А. Б. Переселенческая политика царизма и колонизация Казахстана в XX веке (1900—1916 гг.) по материалам бывшей Семиреченской области. Автореферат канд. дисс. Л., 1954; Шмачков П. А. Крестьянская колонизация Средней Азии (1867—1917). Автореф. канд. дисс. М., 1964; Гинзбург А. И. Переселенческий вопрос в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1966; Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходженском уезде. Душанбе, 1968; Канода Н. Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX — начало XX вв.) Ахшабад, 1973.

станское сельское хозяйство», «Красный архив»), в которых содержатся данные о социально-экономическом развитии края и материалы о русских поселениях в Туркестане.

Документальной базой монографии явились материалы государственных и ведомственных архивов СССР, а также публикации документов, мемуарная литература.

Среди привлеченных источников следует выделить материалы Переселенческого управления и Главного управления землеустройства и земледелия, хранящиеся в центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391). Документы этого фонда, большинство которых впервые вводятся в научный оборот, содержат богатейшие сведения по всем вопросам переселения и землеустройства — различные положения комиссий с объяснительными записками, материалы обсуждения этих проектов, материалы ревизий, различные указания, инструкции и переписка высших органов власти, генерал-губернаторов и военных губернаторов, отчеты заведующих переселением и землеустройством, начальников переселенческих пунктов, статистические справки и «поселенные бланки» русских поселений Туркестанского края и т. д.

В Центральном государственном военно-историческом архиве (Москва) содержатся материалы военного министерства Российской империии — Главного штаба (фонд 400), в ведении которого находилось Туркестанское генерал-губернаторство. В архивохранилище имеются данные, касающиеся непосредственно переселений в Туркестан и образования русских крестьянских поселений. Сведения эти содержатся в ежегодных отчетах туркестанского генерал-губернатора, представлявшихся в министерство, а также в переписке между военным министерством, Советом Министров и Министерством земледелия.

Основная документация была почерпнута из фондов Центрального государственного архива УзССР:

Ф. 1— Канцелярия туркестанского генерал-губернатора. В нем содержатся документы, характеризующие колониальную политику царизма, в частности аграрную; проекты «всеподданейших» отчетов туркестанских генерал-губернаторов и военных губернаторов областей Туркестанского края; переписка по вопросу об установлении правил колонизации края, о поисках мест для русских поселенцев, об отводе им земельных участков и их водворении, выдаче пособий и предоставлении других льгот; о порядке образования волостей и русских поселков, об организации в них органов сельского управления и суда, о состоянии русских поселений и т. д.;

Ф. 16— Управление переселенческим делом в Сырдарьинском районе, организованное в 1906 г. Оно занималось главным образом исследованием земельного фонда и работами по образованию поселков в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях. Изучение этого фонда дает представление о происходящей диф-

ференциации в среде переселенцев, их занятиях и взаимопомощи, существовавший между переселенцами и коренным населением, которая развивалась вопреки официальному правительственному курсу разжигания антагонизма. Материалы содержат также интересные фактические данные о землевладении и землепользовании местного и переселенческого населения, о беззакониях со стороны некоторых чиновников Переселенческого управления, о тяжелом экономическом положении переселенцев-самовольцев;

Ф. 7— Управление земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае; ф. 17— Сырдарьинское областное правление; ф. 18— Самаркандское областное правление; ф. 19— Ферганское областное правление; ф. 163— Заведующий водворением переселенцев в Ферганской области; ф. 25— Управление начальника Андижанского уезда Ферганской области. Все эти фонды дополняют и уточняют материалы основных фондов Центрального государственного архива УзССР. В них содержатся сведения для «всеподданейших» отчетов, готовые отчеты губернаторов о состоянии области и обзоры области. По этим документам мы можем судить о пороках правительственной организации переселения. Большую ценность представляют материалы фондов, отражающие состояние русских поселений и поселенцев, революционное брожение среди них, данные по вопросам ирригации, водопользования и землепользования, по земельным спорам из-за воды, а также статистические сведения о сельском хозяйстве переселенцев, развитии здесь хлопководства, пчеловодства и других отраслей. Указанные фонды дают представление об устройстве переселенцев в Ферганской долине и Голодной степи.

Кроме того, нами использован материал Центрального государственного архива Казахской ССР. Довольно подробно изучен ф. 19 Заведующего переселенческим делом в Семиреченской области. Аппарат этого учреждения был образован 14 января 1906 г. До его создания с 14 февраля 1905 г. до 14 января 1906 г. вопросами устройства переселенцев ведала «Партия по образованию переселенческих участков». Материалы фонда состоят из указаний Главного управления землеустройства и земледелия, Переселенческого управления, Семиреченского областного правления, отчетов заведующего переселенческим делом в Семиреченском районе, протоколов совещаний ведомственных учреждений области и т. д. Значительную часть фонда представляют материалы о землеустройстве переселенцев, их экономическом состоянии, о возникновении хуторов, а также материалы, свидетельствующие о борьбе местного населения с царской администрацией за землю. В фонде содержатся сведения о переходе казахского и киргизского населения к оседлому образу жизни.

Автором привлекались также материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае, туземного и русского старожильческого хозяйств в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева.

Они ценны тем, что содержат богатые данные для характеристики классового расслоения и появления капиталистических отношений в русских поселениях края.

В нашем распоряжении имеются «обзоры» областей Туркестанского края (обычно цифрового характера) и материалы ревизии К. К. Палена, которые мы сопоставляем с обследованиями Переселенческого управления.

«Обзоры Семиреченской области» начали издаваться с 1882 г. и выходили регулярно до 1913 г., «Обзоры» по Сырдарьинской области публиковались ежегодно с 1885 до 1895 г., затем в 1904 и 1906 гг. и с 1908 по 1913 г. Часто вместо «обзоров» статистической комиссией ежегодно с 1891 по 1907 г. выпускались «Материалы для статистики Сырдарьинской области». По Самаркандской области автор использовал «обзоры» за 1905—1908 гг., по Ферганской — за 1912—1913, по Закаспийской области — за 1882—1890, 1890—1896 гг. и за 1911 г.

К более квалифицированным и достаточно полным статистическим источникам относятся Первая всеобщая перепись населения 1897 г., Всероссийские сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг., обработка результатов которых была закончена после Великой Октябрьской социалистической революции, а также Всероссийская перепись 1920 г.

Хронологические рамки настоящей работы ограничены концом XIX— началом XX вв. (1867—1917 гг.). Следует отметить, что *вопросы присоединения Средней Азии к России и тем более* его предпосылки нами не освещаются, поскольку они в значительной степени исследованы в трудах дореволюционных и советских историков.

Мы считаем необходимым лишь подчеркнуть, что в ходе завоевания Средней Азии царизмом было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, находившееся в ведении военного министерства. В его состав вошли вся территория бывшего Кокандского ханства и часть отобранных в пользу России земель Бухарского и Хивинского ханств. Оставленные в урезанной части Средней Азии эти ханства, будучи лишь номинально самостоятельными, по существу находились в колониальной зависимости от царской России. Общая земельная площадь Туркестанского генерал-губернаторства, или Туркестанского края, без Хивы и Бухары, составляла 1 493 090 кв. верст, с населением, по данным переписи 1897 г., 5 280 983 чел. В его состав входило пять областей: Сырдарьинская, Семиреченская, Ферганская, Самаркандская и *Закаспийская*.

Весь период с начала переселения (1867 г.) до 1917 г. можно условно разделить на четыре этапа, различающихся между собой характером социально-экономических и политических условий и соотношениями классовых сил в стране.

Первый этап (1867—1897 гг.). Это было время, когда правительство отрицательно относилось к переселению. Главной зада-

чей царизма на данном этапе являлось закрепление присоединенной территории путем привлечения в край лишь состоятельных русских крестьян на льготных условиях.

На втором этапе (1897—1905 гг.) происходило усиление крестьянской самовольческой колонизации края. Правительство в связи с ростом крестьянского движения в стране вынуждено было перейти к политике поощрения переселений.

Третий этап (1906—1911 гг.) характеризовался массовым выселением «беспокойного» крестьянства из Европейской России на окраины в связи с революцией 1905—1907 гг. и столыпинской аграрной политикой. По мнению правительства, переселение должно было способствовать ликвидации земельного голода и, следовательно, ослаблению революционного движения в России.

Четвертый этап начался после принятия Закона 19 декабря 1910 г. Это был этап так называемого «нового курса», рассчитанного на создание в Туркестане «крепких» хозяйств, которые в будущем явились бы опорой царской власти в крае. Этот этап характеризовался громадным ростом обратного движения переселенцев на родину и полным крахом правительственной переселенческой политики.

Глава первая

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В КОНЦЕ XIX В.

Причины крестьянского переселения

В процессе присоединения Туркестана к России царское правительство наряду с социально-политическими и экономическими мерами проводило политику колонизации, т. е. заселения крестьянами-переселенцами территории этого края.

Переселение сотен тысяч русских, украинских, белорусских крестьян в Сибирь, Казахстан и в Среднюю Азию было вызвано целым рядом социально-экономических причин, обусловлено самим ходом развития российского капитализма. Проблема переселения непосредственно вытекала из аграрной политики, проводимой в центре страны.

Россия в пореформенный период по-прежнему оставалась страной крупнейшего в мире помещичьего землевладения. По данным земельной переписи 1877 г., в руках дворян находилось 73,1 млн. десятин, т. е. более 3/4 всей частновладельческой земли. Причем все эти земли были сосредоточены в руках 28 тыс. владельцев крепостнических латифундий, на долю каждого из них приходилось в среднем 2 227 десятин[1]. Даже к 1905 г., несмотря на значительное сокращение к этому времени дворянского землевладения (в связи с переходом значительной части земель к другим сословиям), у дворянства сохранилось около 62% всей площади частного землевладения.

Господство дворянского землевладения сочеталось с острым малоземельем крестьян, ограбленных при «освобождении» и придавленных тяжестью выкупных платежей и налогов. Дело в том, что после реформы 1861 г. помещики получили право производить так называемые «отрезки», т. е. отрезать в свою пользу часть земли, которую крестьяне обрабатывали до реформы. В черноземных губерниях доля таких «отрезков» равнялась более 1/5 всех крестьянских земель, а в некоторых губерниях у них отняли до 1/3 и даже до 2/5 земли[2].

В результате реформы значительная часть крестьян (дворовые, солдаты т. д.) остались без земли. Только около 500 тыс. крестьян получили дарственные наделы (наделы без выкупа), составлявшие 1/4 положенного им максимального надела, установленного Положением от 19 февраля 1861 г. Но при этом они ли-

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 60—62.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

шались прав на получение остальной 3/4 надела, которая сохранялась за помещиком.

Следует отметить, что наделение землей было рассчитано не на наличную душу, а на ревизскую. Поэтому часть населения мужского пола, родившаяся в последние три года после переписи 1858 г., не была наделена землею. Вот почему наделы оказались намного меньше, чем были определены Положением от 19 февраля 1861 г. Между тем сельское население России быстрыми темпами увеличивалось. С 1863 по 1897 г. оно возросло на 48,5%[3].

Мало того, что у крестьян была отрезана значительная часть земли, их наделы были обложены чрезмерно высоким выкупным платежом, явившимся наследием крепостного права. Наделы эти были оценены по выкупу в среднем на 48,4%, т. е. были дороже рыночных цен 60-х годов. Кроме выкупной суммы, крестьяне должны были выплачивать ежегодно 6% роста по ссуде и 0,5% на расходы по выкупной операции[4]. В результате, когда выкупные платежи были прекращены, крестьяне уже уплатили за наделы 2,5 млрд. руб., почти в 5 раз дороже, чем они на самом деле стоили[5].

Таким образом, корни переселенческого движения следует искать в тех аграрных отношениях, которые сложились в России после отмены крепостного права в 1861 г.

К началу XX в. крестьянский вопрос в России крайне обострился. По данным комиссии (так называемая «Комиссия Центра»), утвержденной 16 ноября 1901 г., по обследованию благосостояния сельскохозяйственного населения, с 60-х годов значительно уменьшились размеры среднего душевого крестьянского надела. Так, если в 1861 г. они составляли 4,7 дес., в 1880 г.—3,5, то в 1900 г.—2,6 дес. на мужскую душу. Комиссия констатировала также сокращение надела по всем категориям крестьян и во всех районах[6].

Показательны в этом отношении сводные данные о распределении надельной земли в Европейской России, приводимые В. И. Лениным в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»[7]:

Группы дворов	Дворов	Десятин	В среднем на 1 двор дес.
До 5 дес.	2 857 650	9 030 333	3,1
5—8 »	3 317 601	21 706 550	6,5

[3] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 565.
[4] Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937, с. 158.
[5] Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. I. М., 1974, с. 102.
[6] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. Спб., 1903 (табл. IX).
[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 63.

Всего до 8 дес.	6 175 251	30 736 863	4,9
8—15 дес.....	3 932 485	42 182 923	10,7
15—30 ».....	1 551 904	31 271 922	20,1
Свыше 30 ».....	617 715	32 695 510	52,9
Итого в Европ. России	12 277 355	136 887 238	11,1

Отсюда видно, что к концу XIX в. из общего количества (12 277 355) дворов больше половины (6 175 251) надельных дворов имели в среднем по 4,9 дес. на один двор. Если считать, что каждая семья в среднем состоит из 5 душ, то, следовательно, больше половины крестьянских дворов имели земли не больше десятины на душу. А если предположить, что для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве необходимо не менее 15 дес., то получим 10,1 млн. крестьянских дворов, стоящих ниже этого уровня, и имеющих 72,9 млн. дес. земли, т. е. примерно столько же, сколько 30 тыс. крупнейших землевладельцев.

Таким образом, данные, приведенные В. И. Лениным, свидетельствуют о том, что 50,3% крестьянских дворов не были обеспечены землей. Однако та часть земли, которую все же получили крестьяне после реформы, была несравненно худшего качества, чем помещичья. Это подтверждают исследования земской статистики.

Помещики переселяли бывших крепостных на так называемые «песочки». В результате помещичьего межевания крестьяне были полностью или частично лишены таких необходимых угодий, как луга, леса, выгоны, скотопрогоны и водопои. В наследство от реформы крестьянам (кроме малоземелья) достались чересполосность, дальноземелье, а часто неразмежеванность их наделов с помещиком. В большинстве случаев крестьяне, получая землю при «освобождении», оказывались в западне у «своего» помещика, т. е. их земли вклинивались между помещичьими так, что, как говорили крестьяне, даже «куренка некуда выпустить». «Эта горькая крестьянская правда...,— писал В. И. Ленин,— лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению. Нечего и говорить, что эта особенность есть чистейшей воды крепостничество, как по своему происхождению, так и по влиянию на способ организации помещичьего хозяйства»[8].

Выводы В. И. Ленина подтверждаются показаниями самих крестьян. В архиве Переселенческого управления (в Ленинграде) содержатся документы, свидетельствующие о малоземелье крестьян, недоброкачественности земельных угодий, неудобстве

[8] Там же, с. 66.

их расположения, отсутствии лугов, о недостатке скота, удобрений и происходящем вследствие этого истощении почвы.

Мы приведем лишь один из этих документов. «Разве это жизнь здесь у нас,— пишут крестьяне деревень Хвощиной и Ходковой Орловской губернии,— работаешь, работаешь и полопать тебе вволю не приходится, а о другом прочем и не думай. Народу все прибывает, а земли все столько же, да и та год от году родит хуже — изводится, а удабривать нечем... Ни пить, ни есть ни у кого и податься некуда. Кругом все господская земля, а наша-то — вона где: за две версты, да и много ли ее? Одни штрафы да обработки в печенку нам въелись, а не отрабатывать нельзя, потому земля наша дальняя, малая, скотине гулять негде. Теперь то и знай, плати за все барину: и за аренду плати, и за выпас скота работай, а чуть забредет скотина куда, штраф подавай. На господ только и ломим горбом, а не себе пользу приносим»[9].

Обращаясь к вопросу крестьянского землепользования, можно определенно сказать, что основная причина переселенческого движения крылась в крестьянском малоземелье, в тех производственных отношениях, которые сложились в сельском хозяйстве царской России. Необходимо при этом учитывать и низкий уровень производительных сил крестьянского хозяйства: господство трехпольного севооборота, отсталость сельскохозяйственной техники, отсутствие у большинства крестьян рабочего скота и вытекающая отсюда примитивная обработка, низкий урожай хлебов с частыми засухами и недородами.

Главную причину сельскохозяйственной отсталости России В. И. Ленин видел в отработочной системе. Суть ее состояла в том, что крестьяне обрабатывали помещичьи земли своим инвентарем, при почти полном отсутствии вложений капитала со стороны владельца-помещика[10].

Для того, чтобы судить о хозяйственном положении крестьянских надельных дворов, обратимся к исследованию «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства»[11], в котором подчеркивается несоответствие доходности наделов продовольственным потребностям крестьян. Так, 70% крестьянского населения в 50 губерниях Европейской России не могут покрыть даже продовольственные потребности семьи, 20% лишь покрывают последние, но не могут удовлетворить потребности своего скота нормальным количеством кормовых средств и только 9% имеют от земли свыше установленной нормы — 26,5 пудов на душу.

Малоземелье и чересполосность, недостаток выгонов и сенокосных угодий — все это вынуждало крестьян брать землю в

[9] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 6, д. 994, л. 2—3.

[10] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 77.

[11] Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства (под ред. А. И. Чупрова и А. С. Постникова). Т. I—II. Спб., 1897.

аренду у помещиков, казны и уделов на любых условиях. Вненадельная аренда достигла наибольших размеров к концу 80-х — началу 90-х годов XIX в., когда, по подсчетам проф. Н. Карышева, в 50 губерниях Европейской России крестьяне арендовали 49,8 млн. дес. земли[12]. Как отмечает Н. А. Рожков, за арендуемую землю крестьяне выплачивали ежегодно 300 млн. руб.[13]

Часть земли (не менее половины) арендовала сельская буржуазия, организующая капиталистическое земледелие. Однако большинство дворов прибегало к аренде из нужды. Погоня крестьян за помещичьей землей вызывала быстрый рост цен на нее. В течение 25 лет после реформы арендные цены в черноземной полосе поднялись на 200—300%[14].

Наряду с денежной арендой, была широко распространена и аренда из доли урожая (аренда отработочная), при которой крестьяне за пользование помещичьей землей выполняли ряд работ в помещичьем хозяйстве своим инвентарем. В этом случае арендуемая земля обходилась гораздо дороже, чем при денежной аренде, поскольку крестьянский труд при такого рода сделке ценился несравненно дешевле, чем при условии свободного найма. Кроме того, крестьянину приходилось отрабатывать свой долг в самую горячую страдную пору.

Только крайняя нужда заставляла маломощное крестьянство арендовать землю. Отработки, испольщина, краткосрочность арендного договора — все это служило лишь средством сохранения крепостнических отношений или, говоря словами В. И. Ленина, аренда земли крестьянами являлась «крепостническим способом приобретения рабочих рук для барина»[15].

Стремясь расширить свои земельные участки, крестьяне практиковали иногда покупку земли. Однако площадь купленных ими земель была весьма незначительна. Проф. Каблуков определял купленную крестьянами землю на 1 января 1896 г. в 3,2 млн. дес., или 2,45% общей площади надельных земель[16]. Покупка земель проводилась с 1883 г. посредством Крестьянского поземельного банка, который обслуживал в первую очередь зажиточных крестьян. Из отчета банка видно, что среди единоличных покупок преобладали крупные, а среди покупок крестьянскими обществами и товариществами средний размер покупки на душу находился в прямой зависимости от размера собственной земли покупателей. С 1883 по 1896 г. поземельный банк выдал ссуду

[12] Карышев Н. А. Крестьянские вненадельные аренды. Итоги экономического исследования России по данным земельной статистики. Т. II. Дерпт, 1892, с. VII.

[13] Рожков Н. А. Как идет крестьянское аграрное движение в России. Спб., 1906, с. 9.

[14] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Изд. Канцелярии Комитета Министров. Спб., 1900, с. 136.

[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 85.

[16] Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1899, с. 112.

для приобретения 2 411 725 дес. земли. Это едва превышало 2% всей надельной земли[17].

Как отмечал В. И. Ленин, размеры частного крестьянского землевладения с 1877 по 1905 г. возросли с 5,8 млн. до 13,2 млн. десятин[18]. Это количество может показаться значительным, но оно не могло облегчить земельной нужды крестьян, ибо покупки мелких участков, особенно в земледельческих областях, были недоступны беднейшему крестьянству из-за чрезмерно высоких цен[19].

Покупателем помещичьих земель в основном было кулачество. Из 7,5 млн. дес. земли, приобретенной крестьянами в личную собственность, «от 2/3 до 3/4 находится в руках ничтожного меньшинства зажиточных дворов»[20]. Более того, земля, купленная крестьянскими обществами и товариществами, постепенно переходила в руки состоятельных крестьян. «Ошибочно было бы думать, что земля, покупаемая или арендуемая обществами, распределяется иначе, чем при индивидуальной покупке или аренде. Факты говорят обратное... Крестьяне делят арендуемые или покупаемые земли не иначе, как «по деньгам»[21], т. е. по мощности отдельных крестьян.

Следовательно, покупка земель не могла уничтожить существовавшее малоземелье и безземелье для основной массы русского крестьянства. Наоборот, приобретение земли наиболее зажиточными слоями крестьянства способствовало при существовавших условиях появлению кулаков, которые в свою очередь также эксплуатировали крестьянское население. Если земля и попадала к малоземельному крестьянину, то она служила лишь средством его закабаления, поскольку высокая плата за нее часто превышала доход с купленной земли.

Все увеличивающиеся обременительные условия земельной ренты и недоступность большинству крестьян покупки земли вынуждали их обращаться к разным видам промыслов и заработкам. По подсчетам А. Анфимова, в конце XIX в. в Европейской России насчитывалось до 23 млн. лишних рабочих рук в деревне, из которых рекрутировались огромные массы неземледельческих рабочих и кадры сельскохозяйственного пролетариата[22]. Однако не всегда предложение рабочих рук на рынке труда отвечало спросу на них. В. И. Ленин установил, что к концу XIX в. в Рос-

[17] Батуринский Д. А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925, с. 38.

[18] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 60.

[19] Если в 1861 г. десятина земли в среднем стоила 14 руб. 60 коп., то в 1901—1904 гг.— уже 108 руб., т. е. цена земли возросла в 7,5 раза, а по некоторым районам в 10—13 раз. См.: Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1976, с. 325.

[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 93.

[21] Там же, с. 94.

[22] См.: Анфимов А. М. В. И. Ленин о российском крестьянстве.—В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970, с. 105.

сии насчитывалось около 4,2 млн. неземледельческих и около 3,6 млн. земледельческих наемных рабочих[23]. Все это усиливало процесс аграрного перенаселения в российской деревне. В результате происходила не столько пролетаризация, сколько пауперизация крестьянства, что, по утверждению В И. Ленина, вело к вымиранию населения деревни.

Все эти факторы толкали огромную массу крестьян на переселение. В 1900 г. в официальном издании Комитета министров отмечалось: «По имеющимся данным, можно с очевидностью заключить, что в значительном большинстве случаев причины выселений имели чисто экономический характер, выражавшийся в *несоответствии доходности крестьянских земель потребностям* земледельческого хозяйства и затруднительности добывать себе заработок на стороне»[24].

Крайне тяжелое положение основной массы крестьян еще больше усугублялось непрерывным ростом государственных, земских и мирских сборов, отнимавших у крестьян свыше 120 млн. руб. в год. К ним прибавлялись косвенные налоги на предметы потребления. Только винная монополия ежегодно вытягивала у крестьян около 1 млрд. руб. В некоторых губерниях налоги превышали в пять и более раз доходность земли, что привело к большой задолженности крестьянских хозяйств. По официальным данным, в 50 губерниях Европейской России с 1870 по 1900 г. недоимки с одной десятины надельной земли выросли с 37 коп. до 1 руб. 07 коп., т. е. почти в три раза, а в отдельных районах и того более[25].

Общая сумма крестьянских недоимок в 1875 г. составила 29 млн. руб., а в 1900 г.—119 млн.[26] Платежи основной тяжестью *ложились на более мелкие хозяйства*. В. И. Ленин писал, что «у безлошадного и однолошадного крестьянина (т. е. *у трех пятых* всего числа крестьянских семей в России) подати и повинности во много раз превышают не только чистый денежный, но и чистый валовой доход»[27].

Дореволюционная деревня не была однородной по своему классовому составу. В ней под влиянием капитализма шло расслоение крестьянства. По переписи 1897 г., из 125,6 млн. чел. населения России 97 млн., или 77,2%, приходилось на сельскохозяйственное. Удельный вес помещиков в этой группе был весьма незначительный, основную массу составляли крестьяне. Однако в крестьянстве, как классе, наблюдалось уже значительное расслоение: около 48,5 млн. (50%) пролетариев и полупролетариев; около 29,1 млн. (30%) беднейших и мелких хозяев и членов их семей и около 19,4 млн. (20%) зажиточных мелких хозяев и членов их семей[28].

[23] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 111.
[24] Колонизация Сибири.., с. 131.
[25] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 2, д. 1401, л. 41—42.
[26] См.: Трапезников С. П. Указ. раб., с. 101.
[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 98.
[28] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 502—503.

В руках кулачества находилось от 2/3 до 3/4 купчей земли и от 50 до 80% всей арендованной крестьянами земли, более половины всего числа имеющихся лошадей и т. д. Бедняков и середняков, кроме помещиков и кулаков, разоряли ростовщики, которые за пуд хлеба, занятого весной крестьянином-бедняком, брали с него осенью вдвое — втрое больше. Так, «патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права,— писал В. И. Ленин,— отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску»[29].

Правовые пережитки крепостничества — принудительная община, круговая порука, ограничения крестьян в правах по сравнению с другими сословиями, безграничность по отношению к ним административного произвола — все это также самым тяжелым образом отражалось на крестьянском хозяйстве.

С каждым годом положение многомиллионных масс крестьянства становилось невыносимее. Помещичий гнет усугублялся капиталистической эксплуатацией и произволом со стороны сатрапов самодержавия. Эволюция аграрных отношений развивалась в направлении дальнейшего упадка крестьянской жизнедеятельности, разорения и обнищания деревни.

Если после аграрной реформы более половины всех крестьян (почти 22 млн. душ обоего пола) вышли на «свободу» с мизерными земельными наделами, то к 1905 г. из всего 85-миллионного крестьянского населения не менее 70 млн. душ были малоземельными и безземельными. Из них: 16 401 тыс. крестьян имели от 0,23 до 0,9 дес. и 53 599 тыс.— от 1 до 1,75 дес. земли на душу[30].

Свидетельством оскудения русской деревни было также прогрессирующее падение обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим и продуктивным скотом. Если в 1860 г. на 100 душ сельского населения приходилось 30 лошадей, 41 гол. рогатого скота и 88 овец, то в 1900 г., соответственно, 23, 36, 55 голов. В 1905 г. безлошадных хозяйств было 29%, однолошадных —30, двухлошадных —22 и только 19%— многолошадных хозяйств[31].

Следовательно, господство дворянского землевладения, острое малоземелье и нищета основной массы крестьянства, ограбленного при «освобождении» и подавленного тяжестью выкупных платежей и налогов, разорение и экспроприация среднего крестьянства, кабальная аренда и отработки, хронические неурожаи и голодовки — все это заставляло крестьян покидать родные места и переселяться за Урал в надежде найти там землю и лучшую жизнь. При таком совершенно невыносимом положении «русский мужик,— писал В. И. Ленин,— готов бежать не только в Сибирь, но и на край света»[32].

---

[29] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210.
[30] Трапезников С. П. Указ. раб., с. 99.
[31] Там же.
[32] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 325.

Вместе с тем такие известные исследователи в области переселенческого дела, как Ю. Южаков и К. Вощинин искали причины переселения крестьян не в их бедственном положении, а в «природе русского крестьянства», в его «охоте к перемене мест», в бродячих инстинктах, «свойственных натуре русского человека»[33].

Особенно остро стоял вопрос о переселении крестьян из черноземных губерний, где наивысшая плотность населения и наименьшая надельность земель (высокий процент бывших помещичьих крестьян и небольшие наделы) усиливали малоземелье крестьянских хозяйств. Достаточно отметить, что в черноземной полосе высшая норма надела по разным губерниям составляла от 2 до 4 дес. на ревизскую душу, а низшая — от 2 200 кв. сажень до 2 дес. Именно здесь встречались отрезки, достигавшие половины, а в отдельных имениях даже 3/4 дореформенного крестьянского землепользования. Причем наделы эти были обложены чрезмерно большими налогами.

Кроме того, в нечерноземных губерниях (центрально-промышленных, северных и западных) крестьяне имели возможность зарабатывать посторонними промыслами и ремеслами, развитию которых способствовали как естественные богатства (лесные площади в северных губерниях и обилие в них рек и озер), так и близость некоторых из рассматриваемых губерний к крупным промышленным центрам. Крестьяне же черноземной полосы такой возможности почти не имели. К тому же крестьяне нечерноземной полосы могли рассчитывать на увеличение размеров посевной площади за счет казенных и удельных земель (занимавших до 44% всей площади), арендование которых, по общему правилу, представлялось для крестьян более выгодным, нежели арендование земель частновладельческих[34].

Положение крестьян черноземной полосы было настолько тяжелым, что, по сведениям статистика Ю. Янсона, «в 3/4 этой полосы бывшие помещичьи крестьяне не в состоянии обеспечить себе насущного хлеба на своих наделах»[35]. Вот почему самый высокий процент переселенцев приходился именно на черноземные губернии. В этих земледельческих районах кабальные крепостнические отношения в сельском хозяйстве были выражены особенно ярко. Здесь преобладала отработочная система, т. е. полукрепостническая система помещичьего хозяйства. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Падение крепостного права создало *такие условия, при которых... население бежало во все стороны* из этого насиженного местечка крепостников-последышей»[36].

[33] См.: Южаков Ю. Д. Итоги двадцатилетнего управления нашим Туркестанским краем. Спб., 1891; Вощинин К. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. Итоги и перспективы. Спб., 1912, с. 3—4.

[34] Колонизация Сибири.., с. 146.

[35] См.: Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Спб., 1891.

[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 227.

Стремление крестьян наиболее заселенных губерний черноземной полосы к переселениям становилось особенно интенсивным в неурожайные годы. Так, после неурожая 1891—1892 гг. во многих губерниях этой полосы значительно увеличилось число переселенцев. В Черниговской губернии, например, количество душ обоего пола со 152 в 1890 г. возросло до 3 965 в 1891 г. и достигло к 1896 г. 36 198 человек[37].

Из центральной земледельческой полосы население уходило в промышленные губернии, в столицу, на южные и восточные окраины Европейской России. Усилилось заселение степных районов Заволжья и Приуралья, а позже и Степного Предкавказья. За 1863—1897 гг. население всей Европейской России увеличилось на 53,3%, а южных и юго-восточных районов — на 92%[38].

В. И. Ленин в статье «Еще о переселенческом деле» подчеркивал, что до 1912 г. первое место по переселению принадлежало губерниям черноземной полосы Европейской России. От 3/4 до 4/5 всего числа переселенцев шло из малороссийских и среднечерноземных губерний. С 1912 г. началась волна переселений из Поволжья в связи с начавшимся здесь голодом[39].

Значительная часть переселенцев направлялась в Среднюю Азию. В основном (86,3%) это были выходцы из южной и средней черноземной полосы Европейской России — Полтавской, Черниговской, Киевской, Харьковской, Екатеринославской, Воронежской, Курской, Тамбовской и других губерний, т. е. из тех районов, где крестьяне были наиболее ограблены помещиками после «освобождения» 1861 г.[40]

По социальному составу переселенцы XIX в. отличались от переселенцев XX в. До 1906 г. основная масса переселенцев принадлежала к среднеобеспеченным хозяйствам, еще рассчитывавшим на восстановление и расширение своего хозяйства; беднейшее крестьянство пока составляло меньшинство. «Из районов выселения,— *писал В. И. Ленин в 1899 г.,— идет главным образом* крестьянство *среднего достатка*, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства»[41]. Батраки переселялись довольно редко. Были в числе переселенцев и кулаки, искавшие на окраинах лучших условий для приложения своих капиталов, но количество их было незначительным, что объяснялось, с одной стороны, их малочисленностью в деревне, а с другой — более благоприятными для них условиями быта на родине.

Анализ экономического положения переселенцев на местах их выхода подтверждает указанные выше выводы как по отношению

---

[37] Колонизация Сибири.., с. 144.
[38] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 565.
[39] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 153—154.
[40] Шарова П. Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии. Исторические записки, 8. М., 1940, с. 6.
[41] Ленин В. И. Полн. собр, соч., т. 3, с. 175.

к общей массе всех русских переселенцев XIX в., так и к большинству переселенцев, прибывших в Туркестанский край. Относительно же переселенцев XX в. факты свидетельствуют, что среди них бедноты было значительно больше, чем в XIX в.

Данные обследования 116 русских поселков в Туркестанском крае, основанных в 1906—1909 гг., показывают, что половину переселенцев составляли разорившиеся крестьяне-бедняки, имевшие у себя на родине до 10 и более дес. посева. В то же время 23,3% падает на заведомо бедняцкие слои крестьянства (до 2 дес.)[42].

К таким же заключениям приводят и сведения подворного исследования 18 переселенческих поселков, созданных в Чимкентском уезде Сырдарьинской области: 67% всех хозяйств засевало на родине до 10 дес., 11%— свыше 10 дес., около 25% переселенческих семей были безземельными или же имели весьма скудные наделы — до 1 дес.[43]

Важно также отметить, что подавляющее большинство крестьян на местах выхода занимались хлебопашеством в собственном хозяйстве (82,3%); из-за ограниченных размеров надельной земли больше половины переселенцев на родине прибегало к аренде, причем исключительно на арендованных землях хозяйства имели 23,5% крестьян; преобладающей формой землепользования являлась общинная (87,2%)[44]

Таким образом, развитие крестьянского хозяйства упиралось не только в помещичье землевладение, но и в общинное землепользование — эту искусственно сохранявшуюся в интересах фиска *устаревшую форму землепользования.*

Вышеприведенные статистические данные свидетельствуют о том, что преобладающий тип переселенца следует искать в крестьянине-земледельце, для которого обработка надельной или арендной земли составляла один из главных, а иногда и единственный источник существования. В то же время по материальному обеспечению *он заметно выделялся над наиболее обездоленными* группами сельского населения. Последнее подтверждается рядом исследований о сибирских переселенцах, проведенных в конце 80— начале 90-х годов XIX в.[45]

В пореформенный период в связи с развитием капитализма постепенно изменялся социальный состав переселенцев. Росло число бедняцких элементов. В условиях приспособления поме-

---

[42] Галузо П. Г. Туркестан — колония (очерки истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). М., 1929, с. 102.

[43] Скрыплев П. А. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. II. Русские селения в Чимкентском уезде Сырдарьинской области. Ташкент, 1909, с. 15—17.

[44] Там же.

[45] См.: Станкевич А. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию за 15 лет. Т. I. Спб., 1895; Кауфман А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенные земли Томской губернии. Спб., 1896.

щичьих хозяйств к рынку и возрастания цен на землю безземельные и малоземельные крестьяне потеряли возможность увеличить свой надел путем купли и аренды земли. Для них переселение на окраины было одной из форм поисков средств существования. Их гнала в Сибирь и Туркестанский край помещичья кабала, стремление возродить на новом месте мелкое крестьянское хозяйство. Чем быстрее развивался капитализм в земледелии и усиливались связанные с ним социальная дифференциация и экспроприация крестьянства, тем интенсивнее шел отлив части населения в города и переселение на окраины. Но возможности свободной колонизации сдерживались многочисленными крепостническими пережитками. Вот почему В. И. Ленин считал необходимым условием свободной колонизации окраины аграрный переворот в центре Европейской России[46].

Занимаясь вопросами переселенческого движения, мы не ставили перед собой задачу рассмотрения аграрной проблемы во всей ее полноте, а остановились лишь на ее основных чертах, прежде всего на земельной нужде, ставшей центром тяжести русской аграрной проблемы.

Законодательство по переселенческому вопросу

Переселение включало в себя многие жизненно важные для крестьянских масс вопросы: их выход из мест выселения, следование на новые места, водворение в новых районах, землеустроительные и землеотводные работы, образование переселенческих участков, гидротехническое и дорожное строительство в заселяемых местностях и т. д. Как же отнеслось царское правительство к крестьянскому переселенческому движению в пореформенный период?

Защищая интересы дворянского землевладения, нуждавшегося в дешевой рабочей силе и выгодных арендаторах, царское правительство в угоду помещикам стремилось затормозить переселение крестьян; оно вело борьбу с «вредной подвижностью и бродяжничеством в сельском хозяйстве», как свидетельствуют официальные документы того времени.

Реформа 1861 г. не сняла с крестьян запрещения переселений, лежащего на них при крепостном праве. Продолжала действовать ст. 947 «Уложения о наказаниях», по которой агитация за переселение каралась как уголовное преступление тюремным заключением сроком от двух недель до трех месяцев[47].

Для получения разрешения на переселение крестьянину необходимо было прежде всего добиться выхода из общины. Для этого, согласно статье 130 Общего положения, он обязан был сдать находившийся в его пользовании участок земли, уплатить

[46] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 68.

[47] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 2, доп. Спб., 1871, с. 286.

все подати и частные долги, представить «приемный приговор» от того общества, куда он переходит. Для крестьянина-собственника, обязанного взносам выкупных платежей, необходимо было к тому же «уплатить половину долга, причитающегося по выкупной казенной ссуде за участок, состоящий в его пользовании, в случае, если общество примет на себя ручательство за выплату остальной половины»[48]. Только после этого выходящему из общества крестьянину волостной староста выдавал увольнительное свидетельство. Затем приемный приговор и увольнительное свидетельство с просьбой крестьянина переселиться на казенные земли направлялись в Казенную палату[49].

Однако большинство прошений крестьян об их переселении на государственные земли отклонялось царским правительством. Исключение составляли Алтайский округ, в котором находились громадные владения Удельного ведомства, и Дальний Восток, где заселение разрешалось по военно-политическим соображениям.

Но несмотря на запретительные меры, переселение в пореформенный период с каждым годом принимало все большие размеры. По данным Министерства государственных имуществ, переселенческим движением только внутри Европейской России с 1861 по 1881 г. было охвачено 262 тыс. чел.[50] Даже требование Министерства внутренних дел «принять все меры к предупреждению таких самовольных переселений крестьян, чтобы крестьяне не были допускаемы до распродажи их имущества, совершаемой ими ранее, чем они получат окончательное право на выход из общества»[51] не могло приостановить массовое самовольное переселенческое движение. Крестьяне распродавали свое имущество и уходили в другие, малонаселенные губернии и на окраины России, не увольняясь из общества.

Но на новых местах переселенцев ждали еще большие трудности, чем на родине. Основываясь на законоположениях, признающих право на отвод казенной земли только за весьма ограниченным числом лиц, администрация не разрешала «самовольцам» водворяться ни на казенных землях, ни на землях кочевников. Она не признавала возможным без разрешения вопроса в законодательном порядке отводить под поселения и громадные территории в Сибири, принадлежащие царю (так называемые «кабинетные земли»). «Не имея возможности ни приписаться там, где они поселились, ни образовать из себя новые сельские общества,— читаем в «Объяснительной записке сведущих людей»,— переселенцы живут часто по паспортам, полученным с родины, часто без всяких видов, частью по необходимости приписываются к городам в мещане, или к волостям, на положении безземельных

[48] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 2445, л. 35, и посл. Правила об увольнении крестьян из сельских обществ.
[49] Там же.
[50] ЦГА УзССР, ф. И-1, д. 2415, л. 153.
[51] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д.2270. Циркуляры Министерства внутренних дел от 4 мая 1868 г. и 15 сентября 1879 г.

крестьян, или, наконец, к сельским местностям без права участия в их земельном наделе, а сами живут далеко от этих обществ — на землях частных лиц»[52]. Были случаи, когда самовольцев задерживали в пути и препровождали на прежнее место жительства[53].

Вместе с тем необходимость заселения окраин требовала от правительства, вынужденного считаться с фактами самовольных переселений, издания определенного переселенческого закона. В той степени, в которой переселение было неизбежно, правительство стремилось его регламентировать, подчинить своей воле, чтобы не нанести ущерба помещичьим и общегосударственным интересам.

Поворот в переселенческой политике наметился на рубеже 70—80-х годов, под влиянием укрепления в стране капиталистических отношений во время второй революционной ситуации в России. Волнения крестьянских масс и нависшая угроза «черного передела» вызвали тревогу в «верхах» за судьбы крупного землевладения и заставили правительство обратиться к переселенческому вопросу, разрешением которого оно надеялось смягчить земельный голод крестьян. Первыми забили тревогу земские учреждения. В 1880 и 1881 г. некоторые из них (Воронежское, Орловское, Тульское, Псковское, Черниговское, Курское, Полтавское) ходатайствовали об облегчении переселения безземельных и малоземельных крестьян на казенные земли.

Воронежское земство писало губернатору, что в «сельском населении... живет и питается вера в то, что рано или поздно земля будет крестьянской. Что такая вера живет у бывшего крепостного, есть факт. Никакими писанными актами разрушить эту веру невозможно». Выход из создавшегося положения авторы записки видели в переселении «избытка» населения в другие местности. Аналогичные соображения высказывались и в других земствах[54].

В этой связи 10 июля 1881 г. были утверждены разработанные Министерством государственных имуществ «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли». Право на переселение получили безземельные и малоземельные крестьяне, владевшие не более 1/3 высшего надела, определенного Положением 19 февраля 1861 г. Согласно «Временным правилам» был облегчен выход крестьян из общины: переселенцам не вменялось в обязанность предоставление «приемного приговора» от нового общества, их задолженность по недоимкам переводилась на новое место жительства и т. д.

Однако царское правительство, не заинтересованное в массовом переселении крестьян, оговаривало, что «увольнение из сельского общества не должно было превышать половины наличного числа душ»[55]. Переселение разрешалось лишь с дозволения минист-

[52] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 2415, л. 154.
[53] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 2, д. 689, л. 104.
[54] См.: Брусникин Е. М. Переселенческая политика царизма в конце XIX века.—«Вопросы истории», 1965, № 1, с. 29.
[55] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 1, д. 4, л. 7.

ров внутренних дел и государственных имуществ. Права крестьян на устройство на новом месте также были ограничены. Участки должны были отводиться лишь в краткосрочное пользование (от 6 до 13 лет), размером не более 8 дес. на мужскую душу. При этом администрации приписывалось действовать «без особой огласки». Не случайно поэтому «Временные правила» не были опубликованы. Этот документ, явившийся первой попыткой регулирования крестьянских переселений, представлял собой яркий пример правительственных колебаний в переселенческом вопросе. Несмотря на официальное признание переселений, царское правительство по-прежнему делало все возможное, чтобы удержать рабочую силу на местах. Если в начале 80-х годов (в период второй революционной ситуации) многие местные учреждения заявили о необходимости предоставления свободы переселения крестьян и облегчения их условий передвижения на новые места, то в последующие годы, когда царизм перешел к открытой политической реакции, об этом не могло быть и речи. Помещиков пугала перспектива большого отлива сельского населения из внутренних губерний. В связи с этим подготовка переселенческого закона затянулась на восемь лет.

Только 13 июля 1889 г. был утвержден и действовал до 1904 г. новый переселенческий закон. В него вошли основные положения разработанных ранее «Временных правил», имевшие ряд ограничений. Так, крестьянам по-прежнему запрещалось переселяться по своему усмотрению, их ходатайства о переселении могли быть отклонены администрацией под предлогом отсутствия свободных земельных участков, переселение допускалось с предварительного разрешения министров внутренних дел и государственных имуществ. «Лица, предпринявшие переселение без сего разрешения,— отмечалось в «Положении»,— возвращаются в места приписки распоряжениями административных властей». Министрам поручалось давать разрешение на переселение только лицам, «заслуживающим уважения», и направлять их туда, где «имеются свободные участки казенной земли, предназначенной для заселения». В свою очередь местные власти должны были представлять сведения «об имущественном и хозяйственном положении просителей», а также обстоятельные заключения по этому поводу.

На новом месте земельные наделы отводились на мужскую душу «в размере, определяемом условиями земледелия и производительностью почвы». Поскольку в Законе 1889 г. не оговаривались размеры участков переселенцев, это право предоставлялось местным властям. Казенные земли выделялись переселенцам «прямо в постоянное (бессрочное) пользование», которые «не могут ни отчуждаться, ни обременяться долгами». Законом устанавливался и порядок землепользования, который мог быть общинным либо подворным. Это зависело от «приговора» собрания переселенцев-мужчин.

Следует подчеркнуть, что Законом впервые предусматривалась выдача лицам, получившим разрешение на переселение, путевых пособий и ссуд на «обзаведение» хозяйством, а также предоставлялись льготы по отбытию повинностей на новых местах[56].

В практике переселенческого дела большинство губернских и уездных по крестьянским делам присутствий еще до издания Закона 1889 г. придерживалось правила отказывать в выдаче разрешений тем крестьянам, которые не имели достаточных собственных средств на переселение или могли арендовать земли у помещиков, хотя бы и на крайне невыгодных условиях. После 1889 г. этот порядок, подтвержденнный рядом циркулярных разъяснений, сохранялся. Крестьяне, имевшие после продажи своего имущества менее 125—300 руб., т. е. именно те, которые больше всего бедствовали, как правило, получали отказ на свои прошения[57].

Однако отсутствие разрешений не могло остановить крестьян. По данным официальной статистики, на основании правил Закона, до 1892 г. Министерство внутренних дел выдало разрешение на переселение в разные местности 17 289 семьям; за это же время за Уралом поселилось 28 911 семей. В 1892 и 1893 гг., когда выдача разрешений была временно приостановлена под предлогом отсутствия подготовленных участков для переселения, за Урал устремилось 145 635 чел[58]. По определению А. Кауфмана, «самовольные» переселения в начале 90-х годов составляли от 60 до 85% всего переселенческого движения за Урал, не говоря уже о таких районах, как Кубань, где переселение было почти исключительно «самовольным»[59].

Министерство внутренних дел в своих циркулярах неоднократно напоминало губернаторам, что «самовольные переселенцы» должны отдаваться под суд и что местная администрация «не только вправе, но и «обязана» не останавливаться в случае необходимости «перед немедленной задержкой и возвращением самовольно отлучившихся в места выхода»[60].

Однако с 1895 г. отпала необходимость в выселении самовольцев, когда царь на заседании комитета Сибирской железной дороги высказался за поощрение колонизации Сибири. Это нашло отражение и в утвержденных 15 апреля 1896 г. новых правилах о переселении крестьян в Сибирь. При Министерстве внутренних дел было образовано Переселенческое управление, которое должно было руководить переселенческим делом в России и облегчить подготовительной комиссии, состоящей при Комитете Сибирской

---

[56] Полное собрание Законов Российской империи. Собр. третье, т. IX, 1889. Спб., 1891, с. 535—538.

[57] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 1, д. 16, 18, 19, 30 и другие с ходатайствами крестьян разных губерний.

[58] Ленский Н. Самовольные переселенцы и переселенческое законодательство.—«Вопросы колонизации», 1914, № 14, с. 115.

[59] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Спб., 1905, с. 31.

[60] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 1, д. 49, л. 174.

железной дороги, «разработку всей совокупности предложений по переселенческому вопросу»[61].

Это были первые значительные шаги по пути к разрешению свободного переселения крестьян в Сибирь и Туркестанский край. Тем не менее правительство окончательно не отказалось от политики ограничения массового движения крестьян на окраины империи. Руководствуясь постановлением от 15 ареля 1896 г., принятым Комитетом Сибирской железной дороги, администрация лишала переселенцев, не имеющих проходного свидетельства удешевленного проезда по железной дороге, льгот по отбыванию воинской повинности и устраивала их по возможности лишь на неподготовленных участках.

Следовательно, во второй половине XIX в. царизм шел неохотно по пути признания крестьянских переселений. Отсюда и то враждебное отношение к переселениям, которым пронизано законодательство рассматриваемого периода.

Необходимо подчеркнуть, что хотя крепостническая по своему характеру переселенческая политика самодержавия «эпохи контрреформ» наиболее полно выражала чаяния поместного дворянства, она вместе с тем шла вразрез с интересами русской буржуазии, для которой было важно ускорить экономическое развитие колоний как поставщиков сырья и потребителей фабричной продукции. С ростом капитализма и усилившимся безземелием крестьянства России преграды, чинимые переселению, постепенно устранялись. Подъем крестьянского движения в первые годы XX в. заставил самодержавие пойти на пересмотр традиционного, крепостнического дворянского курса в переселенческой политике, сделать новый шаг по пути капиталистической эволюции России.

Начало крестьянской колонизации Туркестана

Переселение крестьян в Туркестан регулировалось в основном теми же законодательными актами, что и в Сибири, но здесь оно имело свои особенности, обусловленные местными условиями.

Туркестанский край, где еще приходилось подавлять вспышки сопротивления со стороны местного населения, требовал более осторожного подхода, чем давно уже присоединенная к России и малонаселенная Сибирь. Приходилось считаться и с оседлым земледельческим населением, освоившим в далеком прошлом пригодную к обработке землю — и богарную, и искусственно орошенную.

Вопрос осложнялся также тем, что использование не освоенных местными жителями земель было возможно лишь при условии больших и дорогостоящих предварительных работ по орошению. При отсутствии же свободных орошаемых земель царская адми-

[61] Ленский Н. Самовольные переселенцы и переселенческое законодательство.—«Вопросы колонизации», 1914, № 14, с 116.

нистрация считала, что колонизации (особенно в Фергане) «следует положить решительные преграды.., дабы не возбудить против русских туземное население Ферганы, и без того находящееся в состоянии хронического брожения»[62]. Опасения возможного восстания долгое время определяли переселенческую политику царизма в Средней Азии. Удерживала правящие круги от захвата у коренного населения орошаемых земель под переселенческие поселки и боязнь сокращения хлопковых посевов.

В связи с этим царское правительство вынуждено было создавать переселенческие поселки на свободных, т. е. на неорошенных землях.

Процесс колонизации Туркестана проходил почти одновременно с его присоединением. Прежде всего колонизации подверглась Семиреченская область. Позднее, и в несколько иной форме, ею были охвачены Сырдарьинская, Ферганская, Самаркандская и Закаспийская области. Что касается Бухарского эмирата и Хивинского ханства — государств, находившихся под протекторатом России, то на них колонизация не распространилась. Здесь обосновались различные группы неземледельческого русского населения.

Строительство и эксплуатация в конце XIX в. на территории Бухарского эмирата Закаспийской железной дороги способствовали возникновению целого ряда русских городских поселений: Чарджуй (Чарджоу), Новая Бухара (Каган), Керки, Термез и др. По переписи 1897 г., в эмирате насчитывалось 12 150, а к 1917 г.— до 50 тыс. русских подданных, не считая военнослужащих[63]. Русские поселения вблизи Хивы образовывались преимущественно на отторгнутой от нее правобережной части Амударьи, где был создан так называемый Амударьинский отдел, вошедший в Сырдарьинскую область Туркестанского края.

В 60—90-х годах усилилось политическое господство царизма в Туркестане. Вся политика царского правительства в деле колонизации целиком подчинялась его военно-стратегическим планам в Средней Азии. Восстание дунган, кульджинский вопрос, англо-русское соперничество — все это заставило его ускорить дело закрепления своих позиций в этих районах. «Для упрочения нашего владычества на всем этом огромном пространстве,— писал генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель военному министру 19 июля 1864 г.,— лучшее и даже единственное средство заключается в водворении оседлого народонаселения вдоль протяжения вновь проектируемой границы»[64].

В Семиречье крестьянской колонизации предшествовала казачья колонизация, начало которой было положено в 1847 г. основанием станиц Сергиопольской и Капальской (впоследствии города Сергиополь и Капал). В 1867 г. в Семиреченской области было

[62] История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947, с. 341.
[63] Фомченко А. П. Русские поселение в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958, с. 12.
[64] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 27, д. 466, л. 4.

создано Семиреченское казачье войско из 14 казачьих станиц и выселков с населением 14 413 душ обоего пола[65].

Основывая казачьи поселения, царское правительство стремилось тем самым укрепить границы империи. Однако этот опыт оказался неудачным, поскольку казачество, отжившее свой век как военная сила, не годилось и для колонизационных целей.

В конце 60-х годов, наряду с продолжавшейся казачьей колонизацией, правительством был взят курс на крестьянскую колонизацию Семиреченской области. В 1867 г. Кауфман поручил военному губернатору области Колпаковскому «ознакомиться с изысканием мест под новые казачьи и крестьянские поселения». Уже в январе 1868 г. Колпаковский в рапорте Кауфману писал о необходимости поселить по 50 семей крестьян в Токмаке, Пишпеке и на Иссык-Куле[66]. Отдавая предпочтение крестьянской колонизации перед казачьей, он писал: «Русское казачье население не далеко подвинуло культуру страны... Казак не имеет возможности вести правильно хозяйство, потому что он от времени до времени отрывается от своих занятий к военной службе»[67]. Объясняя далее преимущества крестьянской колонизации, Колпаковский подчеркивал, что «крестьянская колонизация... потребует весьма незначительных затрат для казны и несравненно меньшего, чем казачья, земельного надела, и потому дозволяет водворение вдвое и втрое бо́льшего населения на одинаковом пространстве»[68].

Составленный Колпаковским план колонизации Семиреченской области предусматривал создание в пяти уездах области 34 крестьянских сел на 1345 дворов и 47 мелких поселений при станционных пикетах на 470 дворов. Всего предлагалось водворить 1815 крестьянских семей[69].

В связи с тем, что в русском законодательстве еще отсутствовали общие правила, определяющие порядок переселения крестьян и устройства их на новых местах, Колпаковский в 1869 г. представил генерал-губернатору Кауфману на утверждение «Положение об устройстве в Семиреченской области сельских поселений», согласно которому на каждую мужскую душу предполагалось отводить 30 дес. удобной земли, из них 15 дес. поступало в запас с учетом естественного прироста населения. Для переселенцев, устроившихся при пикетах на почтовых трактах, предусматривалось увеличение надела на каждую мужскую душу по 15 дес. Новоселы к тому же освобождались от всех податей и повинностей, в том числе и рекрутской на 15 лет, а те, которые водворялись при пикетах,— на 25 лет. Кроме того, им выделялись ссуды в размере до 100 руб. на семью[70].

[65] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 260/910, д. 42, л. 23.
[66] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 47, д. 467, л. 1.
[67] ЦГА УзССР, ф И-1, оп. 16, д. 2257, л. 4—6.
[68] Там же.
[69] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 3. д. 880, л. 61.
[70] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане. Спб., 1910, с. 9.

Несмотря на то, что проект Колпаковского не был утвержден в законодательном порядке, переселенцы устраивались согласно этому положению. В дальнейшем, в связи с переселением дунган и уйгуров из Китая, норма надела переселенцам из России была уменьшена: в 1876 г.— с 30 до 17, в 1883 г.— с 17 до 10 дес. Срок освобождения от денежных податей и повинностей уменьшился до трех лет, а в последующее трехлетие переселенцы облагались налогами в половинном размере. Проектируемые поселения должны были составлять особое сельское общество, управляемое старостой, сходом и сельским судом. Форма землепользования устанавливалась общинная без указания на право выкупа участка в собственность[71].

С 1870 г. началось постепенное отмежевание земельных наделов на местах, отводимых под поселения. С этой целью командующий войсками военного округа командировал в распоряжение губернатора военных топографов. Отвод земель под поселения производился под надзором уездных поземельных комиссий, возглавляемых уездными начальниками. Места выбирались с таким расчетом, чтобы ими связать существовавшие в области казачьи и городские поселения. Уже к 1876 г. были заселены 22 крестьянских поселения[72].

Администрация края была заинтересована в скорейшем заселении пригодных для земледелия районов. «Увеличение русских поселений,— писал Колпаковский,— будет содействовать обрусению края и постепенному слитию его с коренными русскими губерниями. Постоянное соприкосновение с русскими поселениями и выгодами цивилизованной жизни, без сомнения, приведет со временем к переходу и киргизов к оседлой жизни. Заселение Семиреченской области облегчит и колонизацию Сырдарьинской, отдаленной от остальных частей России обширными пустынями и приобретающей по заселении Семиреченской области удобный через эту последнюю путь для переселенцев»[73].

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман и губернатор Семиреченской области Колпаковский вместо того, чтобы возвращать крестьян на родину, чего требовали царские законы, воспользовались этим процессом для колонизации края.

В Семиреченской области процесс колонизации проходил интенсивнее, чем в других областях Туркестана. Объяснялось это тем, что в Семиречье царское правительство свободно распоряжалось землями кочевников, не считаясь с их нуждами. Разумеется, такой способ занятия земель и образования поселков приводил к столкновению с казахами и киргизами. Вот почему в первые годы при изъятии земель администрация края и области проявляла некоторую осторожность, опасаясь, что растущее недовольство со стороны местного населения может создать небла-

[71] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 2, д. 1905, л. 3.
[72] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 3, д. 880, л. 61.
[73] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 2257, л. 5.

гоприятную политическую обстановку на среднеазиатских границах. По этой причине Кауфман, поручая Колпаковскому изыскать места для крестьянских поселений, требовал отнестись «с необходимым вниманием к хозяйственным нуждам кочевников». Колпаковский, в свою очередь, приказывал уездным начальникам «выбирать места для русских поселений на главных путях сообщения или вблизи них, не занятых под пашнями туземцами». В случае изъятия обработанных или орошенных земель вознаградить их «отводом других смежных по возможности мест»[74].

Переселенческое движение не укладывалось в рамки намеченного плана колонизации. Слухи о богатом крае с мягким климатом и плодородными землями сразу же привлекли в Семиречье большое число переселенцев. До 1883 г., когда Семиречье на некоторое время было отделено от Туркестана, в области успело образоваться 29 крестьянских поселков, где проживало 15 тыс. чел.[75]

С 1883 по 1889 г. Семиречье входило в состав вновь образованного Степного генерал-губернаторства. В это время правительством принимаются меры не столько для развития, сколько для стеснения крестьянской колонизации. На Семиречье был распространен Закон от 13 июля 1889 г. о запрещении переселения. В голодный 1891 г. Степное генерал-губернаторство также было исключено распоряжением министра внутренних дел из района переселения до выяснения результатов предлагаемого обследования казачьих земель. В 1895 г. крестьянская колонизация была вообще приостановлена «до землеустройства туземцев». И хотя число селений за этот период почти не увеличилось (в 1895 г. их было 32), однако значительно возросло количество душ (в 1895 г.—35 569). Это намного превышало население в казачьих станицах, в которых в том же году насчитывалось 26 194 души[76].

В 1892 г., несмотря на различные запреты, самовольно переселились в Туркестанский край 1792 семьи, спасаясь от голода на родине. Более половины из них разместились в Пишпекском уезде, образовав два самовольческих поселения (Петровское и Николаевское) на арендованных у киргизов по частным распискам землях[77]. Эти поселки были официально признаны и землеустроены администрацией только в 1902 г. К тому времени насчитывалось 34 поселка, где проживало 43 295 чел. Семиреченская область была официально закрыта для переселения до 1910 г.

Но еще до запрещения переселений (1896 г.) из 32 кресть-

---

[74] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 2257, л. 55—56.

[75] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. 2, ч. 1. М., 1963, с 322.

[76] Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, с. 206.

[77] Шкапский О. А Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. Спб., 1906, с. 66.

янских поселений в Северной Киргизии имелось 16 крестьянских поселков, в которых насчитывалось 17 315 душ обоего пола. Только в Пржевальском уезде насчитывалось шесть поселков, образованных в 60—70-х гг., в которых проживало 7 918 чел.: Теплоключенка (бывшее Аксуйское военное укрепление), Сазановка (ныне Ананьево), Преображенское (Тюп), Сливкино (Покровка), Джергес (Новоконстантиновка), Ойтал (Алексеевка). В Пишпекском уезде цепь русско-украинских поселков располагалась по Ташкентско-Верненскому тракту, которая на реке Чу через пос. Кара-Балты продолжалась по Сырдарьинской области. К 1895 г. здесь насчитывалось десять поселков с населением 9 397 чел. В 60—70-х гг. были основаны Большой Токмак, с. Покровское, или Малый Токмак, Михайловское (ныне Карабулак), Мелководное, Беловодское, Новотроицкое (Сукулук), Лебединовское; в 1882 г.— Дмитриевское (Иссыката), а в 1893 г.— Георгиевское и Ивановское. Остальные 16 поселков были образованы в Лепсинском (8 поселков), Верненском (6) и Капальском (2 поселка) уездах.

Колонизация Сырдарьинской области началась значительно позже, если не считать нескольких казачьих поселков, которые из стратегических соображений были созданы здесь в конце 40-х годов XIX в.

В 1870 г. Кауфман поручил военному губернатору Сырдарьинской области «озаботиться приисканием удобных мест для основания русских колоний по долинам Чу, Таласа и других рек в пределах Аулиеатинского и Чимкентского уездов»[78]. Водворение переселенцев, как указывалось в пояснительной записке Кауфмана к проекту Положения об управлении Туркестанским краем (1873 г.), должно было идти по двум направлениям: по линии от Оренбурга до Ташкента, и от Ташкента через Верный на Семипалатинск. Насколько вторая намеченная полоса оказалась реальной для образования здесь русских поселений, настолько неудачными были попытки устройства русских поселков вдоль почтового тракта от Оренбурга до Ташкента. Причину этого следует искать в различии природных условий местности: крайне неблагоприятных для земледельческой культуры в безводной полосе и, наоборот, в хорошо орошенных склонах Александровского хребта (ныне хр. Киргизский Ала-Тоо) и Таласского Ала-Тоо, имеющих все необходимое для развития крестьянского хозяйства.

Первый поселок на территории Сырдарьинской области — Кара-Балты — был основан в 1874 г. на границе с Семиреченской областью. Следует подчеркнуть, что до 1891 г. переселенческое движение в область было незначительным, что подтверждается как числом образованных здесь поселков (20), так и количеством водворенных переселенцев (7 702 чел.) Но уже с 1891 г. картина совершенно меняется. Начавшийся в России в 1891—1892 гг. из-за

[78] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 2270, л. 30.

неурожаев голод заставил массу крестьян двинуться в поисках новых мест; часть их через Оренбург по колесному тогда еще пути, по почтовому тракту, открытому в 1865 г., направилась в Туркестан. В результате наплыва переселенцев в области в 1891—1893 гг. было образовано 22 новых селения, хотя большинство новоселов разместилось по старым деревням. В 1895 г. по области насчитывалось 45 русских земледельческих поселков, в которых проживало 15 330 жителей[79], а к 1900 г.—48 поселков с 20 тыс. чел.[80]

Наиболее успешно процесс колонизации проходил в трех уездах области: Чимкентском, Ташкентском, Аулиеатинском, в последнем особенно, куда еще в 1869 г. было решено направить избыток переселенцев из Семиречья. Однако первые русские поселения в Аулиеатинском уезде — Михайловка и Чалдывар — были основаны в 1875—1876 гг., Дмитриевка (ныне г. Талас) — в 1877 г. В 80-х годах здесь появилось еще 8 поселков (Покровское, Николаевское, Мерке, Александровское, Кузьминское, Каменское, Шаповаловское, Подгорное) и в 90-х годах —7 поселков (Бурное, Луговое, Грозное, Степное, Ключевое, Головачевское, Гродеково). К 1887—1897 гг. относится основание 18 старожильческих поселков в Чимкентском уезде (Каменная Балка, Георгиевское, Дорофеевка, Ванновское, Тамерлановка и др.). Русские поселения в большинстве своем располагались вдоль почтового тракта, разветвляющегося в Чимкенте на две линии: Оренбургскую и Верненскую.

Образование в Ташкентском уезде в конце XIX в. 10 русских поселений было связано с работами по орошению. Первым здесь был основан пос. Никольский (1881 г.) в пригороде Ташкента, затем на Искандер-арыке возникло с. Троицкое (1886 г.), ныне включенное в городскую черту г. Чирчика; из 4 140 дес. орошенной земли 1 340 дес. отошли к поселку, остальная осталась у местного населения, занятого на строительстве канала. Примерно к 1884 г. относится и создание Русского Чиназа на берегу Сырдарьи, при впадении в нее притока р. Чирчик. Вначале это был рыбацкий стан ссыльных уральских казаков, который после их ухода в низовье Сырдарьи заселили отставные солдаты, занимавшиеся в основном рыбной ловлей и охотой.

В голодный 1892 г. в Ташкентском уезде возникло еще 6 поселков, три из них (Черняевское, Кауфманское и для немцев из Саратовской губернии с. Константиновское) были устроены по Оренбургскому тракту, недалеко от Ташкента, на восстановленном канале Ханум; остальные поселки располагались в разных местах: с. Богородицкое около станции Вревской (ныне Алмазар) Среднеазиатской железной дороги, с. Успенское под Ташкентом

[79] Всеподданнейший отчет по Туркестанскому генерал-губернаторству с 1889—1891 годы. Спб., 1895, с. 50—51.

[80] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 275, л. 5—6. Всеподданейший отчет о состоянии Сыр-Дарьинской области за 1898 и 1899 годы.

и с. Самарское — на левом берегу р. Чирчика, недалеко от Чиназа. К ним прибавились в 1894 г. с. Солдатское и в 1899 г.,— пос. Искандер-Волынский.

Что касается Казалинского уезда, то там не было русских земледельческих поселков. Он был признан неудобным по качеству почвы (солонцеватость) и плохому состоянию оросительной системы. В Перовском уезде почвенные условия были благоприятнее, но разливами Сырдарьи затоплялась пригодная для земледелия местность; условия для орошения были также затруднены (полив чигирями). Вот почему колонизация и здесь не имела успеха. Образованные в Перовском уезде в 1886 г. два поселка (Александровское и Ново-Астраханское) впоследствии были упразднены и вновь восстановлены лишь в 1895 г. К 1912 г. к ним прибавились поселки Скобелево и Джулек[81].

В Амударьинском отделе (правобережная часть современной Каракалпакской АССР) были основаны два русских селения: Первоначальный и Нукус. Оба они были населены бывшими уральскими казаками-старообрядцами. Кроме того, часть уральцев была поселена в Петро-Александровске (ныне г. Турткуль), созданном в 1874 г. По данным переписи 1897 г., всего в отделе насчитывалось 3 340 чел. русского населения, в том числе 1024 чел. в сельской местности. Желание переселенцев обосноваться на Амударье не могло быть удовлетворено, поскольку администрацией было сделано распоряжение «не пропускать на Амударью не только переселенцев, но даже ходаков»[82]. Мотивировалось это отсутствием здесь свободных и удобных земель.

В Самаркандской области были основаны два поселка: Сретинский (1886 г.) в Дальверзинской степи и Федоровский (1899 г.) на р. Зеравшан. В то же время в Ходжикентском уезде в связи со строительством канала в Голодной степи прибывшие из разных мест землекопы образовали восемь небольших русских поселков: Запорожский (1886 г.), Надежденский (1886 г.), Романовский (1886 г.), Николаевский (1892 г.), Обетованный (1896 г.), Нижневолынский (1896 г.), Верхневолынский (1897 г.) и Конногвардейский (1898 г.). К 1902 г. во всех поселках области насчитывалось приблизительно 570 семей, или 2300 жителей[83].

Голодная степь сразу же после присоединения Туркестана к России привлекла к себе внимание краевой администрации, заинтересованной в расширении орошаемых земель. В 1869 г. по указанию туркестанского генерал-губернатора Кауфмана особая изыскательная партия приступила к изучению возможности ее орошения. В 1872 г. началось сооружение так называемого «Кауф-

---

[81] ЦГА УзССР, ф. И-16, оп. 1, д. 354, л. 2.

[82] Гейер И. И. Голод и колонизация Сыр-Дарьинской области в 1891 г. Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. 3. Ташкент, 1893, с. 16.

[83] Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. Самарканд, 1902, с. 13.

манского канала», который должен был взять свое начало на Сырдарье у кишлака Джан-Чухур. К работе привлекались и дехкане из окрестных районов. За 6 лет было прорыто всего 13 км, после чего в 1879 г. работы пришлось остановить. С 1886 г. возобновившиеся оросительные работы в Голодной степи возглавил князь Н. Романов. «Бухарарык» длиной в 27 км строился в течение 6 лет; 9 мая 1891 г. в торжественной обстановке пустили воду, но канал, построенный технически неграмотно, разрушился через три дня. В ноябре 1891 г. приступили к постройке нового канала, меньшего по сечению и большего по длине, берущего начало от селения Бекабад. Строительство канала длиной 84 км, названного именем Николая I, было закончено в сентябре 1895 г. Доведенный до Мирзачуля (ныне г. Гулистан), он оросил 7600 гектаров земли в северо-восточной части Голодной степи.

15 декабря 1899 г. все ирригационные сооружения в Голодной степи, построенные под руководством Н. Романова, перешли во владение краевого управления земледелия и государственных имуществ. Из 7600 гектаров орошенной земли 2100 были отведены князю, 3 380— русским переселенцам, 220— под Голодностепское опытное поле и около 2 000 гектаров получило в аренду местное население[84].

Вопрос об образовании русских селений в Ферганской области возник в 1891 г., когда из внутренних губерний России сюда прибыло большое количество переселенцев. Ввиду того, что вся орошаемая часть Ферганской долины была крайне густо населена, местная администрация решила под селения русских крестьян отвести богарные земли. Однако генерал-губернатор настаивал, кроме богарных, «отвести для переселенцев на каждую семью не менее 2—3 дес. орошенной земли. Последнее условие ставило в сильное затруднение уездных начальников»[85].

Только в 1893 г. администрации удалось в Ошском уезде найти подходящее место для устройства первого в области русского села на 200 семейств, названного Покровским. Переселенцам было отведено свыше 4 000 дес., в том числе и орошенная земля на Куршабе, брошенная киргизами, когда разливами реки была сорвана «голова» арыка, восстановленная затем на земские средства.

В 1897 г. по инициативе Наманганского уездного начальника из Киевской губернии были вызваны 200 семей для устройства их в горной долине р. Чаткала, одного из истоков р. Чирчика. В результате были образованы два русских поселка: Успенский (76 дворов) в северо-восточных предгорьях Наманганского уезда, к северо-востоку от Касана и Наная, и Николаевский (55 дворов) в Андижанском уезде, «на землях, оставшихся не замежеван-

---

[84] Мамедов А. Русские ученые и развитие ирригации Средней Азии. Ташкент, 1965, с. 30—31.

[85] Пален К. К. Переселенческое дело, с. 221.

ными за местным населением, при проведении поземельно-податных работ»[86].

На особом положении находилось Русское село Маргиланского уезда, основанное в 1899 г. на земле трех «мятежных» кишлаков, жители которых за участие в восстании 1898 г. были выселены в другие места. В результате Русское село, рассчитанное на 200 дворов (сюда были переведены и последние остатки переселенцев из Чаткальской долины), получило в свое распоряжение 1 530 дес. удобной земли, расположенной в самом центре хлопкового района, недалеко от большого арыка Шарихансай[87].

В последующие годы администрацией были устроены еще два поселка в Андижанском уезде, к северо-западу от Джалал-Абада: Благовещенский (1899 г.) со 100 дворами и Спасский (1901 г.) с 40 дворами. В Ошском уезде в 1902 г. возникло с. Рождественское с 20 дворами.

Таким образом, в семи старожильческих поселках к началу XX в. насчитывалось 638 дворов, или 3 794 души обоего пола, владевших 8 568 дес. земли[88].

На первом этапе переселенческого движения, когда царизм стремился закрепить свои позиции в Средней Азии, привлечение крестьян происходило на льготных условиях, с освобождением их от воинской повинности. Из-за отсутствия во Временном положении 1867 г. правил о землеустройстве переселенцев и их поземельных правах поселки устраивались почти всецело по усмотрению краевой и областной администрации. По правилам 1872 г. крестьяне-переселенцы получали по 7—8 дес. земли в наследственное пользование и по 15 дес. на мужскую душу в общее пользование. С 1881 г. землеустраивались отставные нижние чины армии с наделом 7—8 дес. на двор в наследственное пользование, без права отчуждения. По правилам генерал-губернатора Черняева (1883 г.), переселенцам отводились участки по 10 дес. земли с правом пользования общими выгонами. Индивидуальные участки могли перейти в собственность при условии беспрерывной их обработки в течение 10 лет. Узаконены эти правила были в 1886 г. и действовали до 1903 г. Но главный вопрос заключался в том, как и откуда взять землю для переселенцев.

В коренных областях Туркестана до издания Закона 19 декабря 1910 г. господствовал взгляд, что земля степей принадлежит кочевникам и может быть занята под русские поселения лишь с их согласия. Следует подчеркнуть, что в Положении об управлении Туркестанским краем отсутствовало постановление аналогичное примечанию к ст. 120 Степного положения (по которому управлялась Семиреченская область), дающее право изъятия у кочевников земельных излишков. В Положении об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 г. предписывалось отводить

[86] Там же, с. 222.
[87] «Туркестанские ведомости», 1899, № 40.
[88] ЦГА УзССР, ф. И-16, оп. I, д. 2а, л. 1.

переселенцам участки лишь из «свободных государственных земель», но не указывалось конкретно, какие площади следует считать не занятыми. Дело в том, что на основании Туркестанского Положения, за оседлым местным населением еще предстояло закрепить состоявшие в его постоянном потомственном владении угодья. После этого можно было передавать в переселенческий фонд «лишние» земли. Что касается кочевых волостей, то, по Туркестанскому Положению, эта территория полностью состояла в пользовании кочевников. Поэтому найти свободные земли для переселенческих участков практически было невозможно, так как для этого потребовалось бы полностью перевести кочевников на оседлый образ жизни. А между тем русские в основной своей массе устремились именно в населенные кочевниками районы.

Таким образом, переселение русских крестьян в коренные области Туркестана зависело от наличия здесь свободных орошаемых земель. Но поскольку в оседлых районах Средней Азии таких земель не имелось, их расширение было возможно только путем строительства большого числа ирригационных сооружений, что требовало огромных капиталовложений.

Как правило, землю для переселенцев добывали путем сделок с местным населением, действуя через баев. «Для устройства каждого русского поселка,— свидетельствует Н. Гаврилов,— входили в соглашение с кочевниками об уступке земли под поселок, при этом иногда за денежное вознаграждение»[89].

Фактически же вопрос решался распоряжением царской администрации, и поэтому требование согласия местного населения не мешало образованию здесь значительного числа русских поселений. И только большой наплыв самовольных переселенцев в 1891—1892 гг. и ограниченность пригодных для заселения земель вынудили администрацию принять меры для прекращения прилива переселенцев в край. Циркуляром Министерства внутренних дел от 20 января 1897 г. коренные области Туркестана так же, как и Семиречье, были закрыты для переселения. Туркестанский генерал-губернатор барон Вревский распорядился поставить в Астрахани и портах Каспийского моря особые заградительные отряды, чтобы не пропускать в Туркестан самовольных переселенцев впредь «до выработки и утверждения общего подробного плана колонизации»[90].

Однако никакие меры не могли приостановить переселенческое движение. Новый генерал-губернатор Духовский 2 июля 1898 г. поручил военному губернатору Сырдарьинской области Королькову подготовить правила колонизации Туркестана. Такие «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Са-

---

[89] Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае. Спб., 1911, с. 6.

[90] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане, с. 180.

маркандскую» были «высочайше» утверждены только в июле 1903 г.

В Закаспии первые пункты русской оседлости появились еще в конце 40-х годов XIX в. В 1846 г. на полуострове Мангышлак у Тюб-Караганского залива было воздвигнуто русское укрепление Ново-Петровское, впоследствии переименованное в Форт-Александровский (ныне г. Шевченко), который становится главным городом Мангышлакского уезда. В 1847 г. на берегу моря было основано рыбацкое поселение Николаевское, в четырех верстах от Форта-Александровского. В 1876 г. на острове Долгом, расположенном в противоположной от северо-западной оконечности полуострова Бузача стороне, возник рыбачий поселок Долгий. С этого времени до начала 80-х годов вопрос о переселении в область русских крестьян оставался открытым. «Существенными препятствиями к развитию колонизации,— писал Пален,— являлось отсутствие достаточного количества свободных орошенных земель, а главное — общее неустройство края»[91].

После присоединения Ахалтекинского оазиса в 1881 г. на основании конвенции, заключенной между Россией и Персией (Ираном), к России отошли находившиеся у самой границы с Хорасаном аулы Гермаб и Кулкулаб с принадлежавшими им земельными угодьями. Жители аулов по приказу шахского правительства были выселены в пределы Персии.

На этих землях администрацией области были основаны русские поселения Михайловка (1888 г.) и Дмитриевка (1891 г.). По поручению начальника области Куропаткина была проведена рекогносцировка Гермабо-Кулкулабской котловины. Были отмежеваны земли для этих поселений из расчета на одну семью: 7 дес. пахотной поливной, 10 дес. богарной земли и 1 дес. под усадьбу. Было принято решение поселить не более 96 семейств в Гермабе и 46— в Кулкулабе; отмежевать для Гермаба 350 дес. поливной и 500 дес. неполивной (по склонам гор) земли, а для кулкулабцев —322 дес. поливной и 400 дес. богарной[92].

В 1891 г. появились несколько семей русских переселенцев в долине р. Кушка. Среди вновь прибывших переселенцев были также запасные чины, отбывавшие действительную службу в области, и бывшие рабочие Закаспийской железной дороги, которые, поселившись вблизи Кушкинского военного укрепления, «посеяли пшеницу и ячмень, завели небольшие огороды и построили жилища». Поселенцам в районе Кушкинского военного укрепления отводилось в бессрочное пользование на каждого работника по 3 дес. поливной земли, а с лугами и участками по горам — не более 10 дес. К 1 января 1893 г. здесь обосновалась 91 семья (415 душ), в основном из Харьковской губернии, и образовано с. Алексеевское[93].

[91] Там же, с. 353.
[92] Там же, с. 362.
[93] Там же, с. 376.

В 1892 г. царским указом было разрешено водворить русских переселенцев в другие «удобные места области», представив им ряд льгот. Так, они освобождались от податей, налогов и всякого рода повинностей, в том числе и воинской (в течение 10 лет). Кроме того, им выделялось пособие в размере 100 руб. на семью «на устройство усадебной оседлости»[94].

В течение 1891—1898 гг. в Асхабадском уезде было основано 10 новых русских поселков (Ванновское, Скобелевское, Курапаткино, Комаровское, Обручево, Рербергское, Романовское, Невтоновское, Яблонка, Тумановское), в Красноводском — 4 (Александровский, Анненковский, Никольский и рыбачий пос. Петровский), в Мервском — Полтавский в долине р. Кушка и рыбачий пос. Завороть в Мангышлакском уезде. Два поселка — Крестовое и Саратовское — были образованы в 1892 г. немецкими колонистами. С 1898 по 1902 г. переселенческое движение в область было приостановлено. Пришлое население оседало главным образом в городах и около железнодорожных станций. По переписи 1897 г., всего в области русских, украинцев, белоруссов насчитывалось 33 273 души обоего пола. В созданных 19 (в том числе двух немецких) земледельческих поселках проживало в 1901 г. 1686 чел. В их владении имелось 1925 дес. орошенной и 4 037 дес. богарной земли[95].

Переселенческим вопросом занималась исключительно местная администрация. Высший надзор возлагался на начальника области, а на местах — на уездных начальников и приставов.

Подводя итоги переселенческой политики царизма в XIX в., следует подчеркнуть, что в основе колонизации лежали соображения военно-стратегического и политического характера, т. е. закрепление завоеванной территории путем привлечения русских крестьян.

К концу XIX в. в крае насчитывалось 116 русских крестьянских поселков с населением 70745 чел. Русское население в Туркестане, *согласно переписи 1897 г., составляло 197 420 чел.* (табл. 1).

Русская колонизация в XIX в. не получила ожидаемого развития; переселение шло главным образом в степную часть Средней Азии (современный Казахстан и Киргизия). Что касается коренных областей Туркестана (Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, а также Закаспийской), то в них переселение за весь период владычества здесь царизма было незначительным в силу ограниченности земель, годных для заселения. В этой связи царское правительство было вынуждено специальным распоряжением официально закрыть Туркестан для крестьянского переселения.

Для устройства первых русских переселенцев не было выраба-

---

[94] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 2, д. 185, л. 10—12.
[95] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 261/911, д. 26, л. 169—170.

Таблица 1*

	Население края, чел.	Русские, украинцы, белорусы		В том числе русское население			
				городское		сельское	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Туркестанский край							
Всего	5 280 983	197 420	3,74	95 941	13,14	101 479	2.23
В том числе область							
Семиреченская	987 863	95 465	9 66	28 730	45,62	66 735	7,2
Сырдарьинская	1 478 398	44 834	3,03	25 789	12,54	19 045	1 5
Ферганская	1 572 214	9 842	0,63	9 168	3,22	674	0.05
Самаркандская	869 021	14 006	1.63	10 530	7,79	3 476	0.48
Закаспийская	382 487	33 273	8,69	21 724	51,88	11 549	3,39

*Составлена по данным переписи 1897 года.

тано единого порядка, не существовало никаких законодательных норм. Лишь в 1886 г. были изданы первые законодательные акты, установившие правила водворения переселенцев в Туркестан, когда было утверждено Положение об управлении Туркестанским генерал-губернаторством.

Правительство не оказывало мер содействия устройству новоселов. Отсутствовали специальные органы для заведования делом образования русских поселков. Правительственные содействия выразились лишь в разрешении использовать суммы — остатки по смете Главного интендатского управления — для выдачи пособий переселенцам. С 1870 по 1895 г. было выдано 10 тыс. руб. в безвозмездное пособие 615 семьям и 25 тыс. в ссуду 897 семьям[96].

Особенно трудно приходилось переселенцам-самовольцам, которые в течение ряда лет не могли получить ни земли, ни какой-либо другой помощи и вынуждены были работать в старожильческих поселках или арендовать у них землю. Большая же часть крестьян возвращалась на Родину.

Переселенческая политика царского самодержавия проводилась не на основе освоения огромных пространств пустующих земель, а за счет вытеснения с обжитых земель местных жителей. Со времен завоевания Средней Азии до 1906 г. было изъято для казачьей и крестьянской колонизации в Семиреченской области 752 197 дес. земли, в Сырдарьинской — 159 561, в Ферганской — 9 925, в Самаркандской — 22 907 и в Закаспийской области — 10 318 дес.[97]

[96] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 1276, оп. 4, д. 428а, л. 149.

[97] Пален К. К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Спб., 1911, ч. II. (таблицы).

Глава вторая

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА И КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В НАЧАЛЕ XX В.

Переход к политике поощрения переселений

В результате сложного исторического развития к рассматриваемому времени в царской России причудливо переплетались военно-феодальный и все более укреплявшийся капиталистический империализм. В России, как отмечал В. И. Ленин, был тогда самый передовой промышленный и финансовый капитализм при самом отсталом землевладении и самой дикой деревне[1]. Всевластие помещиков-полукрепостников с их диктатурой в лице царской монархии совмещалось с экономическим господством капиталистических помещиков и магнатов торгово-промышленного капитала.

Вступление России на рубеже XX в. в эпоху империализма усилило значение Средней Азии как рынка сбыта товаров и источника сырья. Средняя Азия становится хлопковой базой метрополии, выгодной сферой приложения капитала, источником получения финансового дохода и местом размещения крестьянского переселенческого населения.

В. И. Ленин видел в активной колонизации окраин «возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина)»[2]. Это, по его словам, ослабляло остроту противоречия «между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.)»[3].

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы своей основной территории, то многие средневековые пережитки в русском общественно-экономическом строе, в частности в земледелии, были бы уничтожены. Колонизация окраин давала возможность царизму ослаблять противоречия, накапливавшиеся внутри страны, в центральных ее районах. Вновь колонизуемые пространства создавали возможность переселить часть крестьянства на окраины и тем самым ослабить классовую борьбу за землю внутри страны.

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 417.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 596 (примечания).
[3] Там же.

В начале XX в. в результате экономического кризиса 1900—1903 гг., усилился экономический и политический гнет в царской России. Грабительская русско-японская война, начавшаяся в январе 1904 г., и поражение царизма еще больше обострили создавшееся положение.

Экономический кризис серьезно задел и деревню. До 800 тыс. крестьянских хозяйств было разорено. В результате неурожая 1901 г. крестьяне недополучили около полумиллиона пудов хлеба. «Крестьянин,— писал В. И. Ленин,— был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой»[4].

Это привело к обострению классовой борьбы в стране, к росту рабочего и крестьянского движения. Только за 1900—1904 гг., по неполным данным, произошло 670 крестьянских выступлений в 42 губерниях Европейской России: Харьковской, Полтавской, на Черниговщине, в Саратовской, Тамбовской, Ставропольской, Новгородской и т. д., а также на Кавказе (в Гурии).

В обстановке назревания революционного кризиса переселенческая политика царизма, являясь одним из звеньев всей аграрной политики, в начале XX в. вступила в новый этап. Опасаясь «черного передела», царское правительство и помещики обратили самое серьезное внимание на переселение, против которого они так усиленно боролись во второй половине XIX в. В то же время развитие капитализма приводило к расширению миграционных процессов и диктовало необходимость свободы переселения, на которое теперь возлагались особенно большие надежды. Переселение «призвано было, по мысли всех контрреволюционеров,— писал В. И. Ленин,— если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос»[5].

Не случайно, еще в 1903 г. в записке министра внутренних дел Плеве «Современное положение переселенческого дела в России» выдвигалось требование новой аграрной реформы, которая могла бы предотвратить революцию, сохранить помещичье землевладение и приспособить его к требованиям капиталистического развития. Высказывались также предложения о ликвидации общинного землевладения и насаждении частной крестьянской собственности на землю, об уничтожении всяких ограничений на переселения.

Учитывая все обстоятельства, царское правительство вынуждено было искать возможность частично смягчить классовую борьбу крестьян за землю путем переселения и колонизации. С этой целью, наряду с продолжавшейся колонизацией Сибири, оно приступило к усиленному переселению крестьян в Туркестанский край. Как объект для колонизации Средняя Азия стала привлекать внимание царизма и в связи с обострением англо-русских

---

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 431.
[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 325.

отношений во время русско-японской войны. Даже после англо-русского соглашения 1907 г., направленного против русской революции и национально-освободительного движения народов Азии, отношения между «примирившимися» державами оставались натянутыми и Военное министерство России продолжало разрабатывать планы укрепления границ на Среднем Востоке и обороны среднеазиатских владений.

Но прежде чем начать переселение крестьян, необходимо было создать переселенческий аппарат, выявить «излишки» земли у местного населения, образовать переселенческие участки и организовать планомерное переселение. Вместе с тем осуществлению всех этих мероприятий мешали серьезные обстоятельства. В связи с неурожаем 1901—1902 гг. и обострением аграрных противоречий в Европейской России усилилось самовольное переселение крестьян на окраины. В 1902 г. наблюдалось наибольшее количество переселений. Только в Семиреченскую область прибыло 2 228 семей, или 11 687 душ[6]. Основную массу переселенцев составляли выходцы из Полтавской, Воронежской, Черниговской и Западно-Сибирских губерний. Большинство из них поселились на квартирах старожилов, поставляя для их хозяйства дешевые рабочие руки. Часть переселенцев, примкнув к Семиреченскому казачьему войску, была поселена на казачьих участках в Пишпекском и Пржевальском уездах, а на арендованных у киргизов землях возникли и самовольческие поселки.

По примеру ранее образованных самовольческих сел Петровского и Николаевского к западу от с. Беловодского в Пишпекском уезде были образованы на арендованных землях два новых самовольческих поселка: Покровский (под Пишпеком) и Свинячий выселок (ныне с. Садовое) в Беловодской волости. Крестьяне оказались в крайне бедственном положении. «Обманувшись в расчете получить землю,— писал О. А. Шкапский,— значительная часть поселенцев (1 503 семьи) направилась в коренные области Туркестана и Закаспийскую область или же возвратилась обратно в Сибирь. Менее же состоятельные зазимовали, прожили свои запасы и к весне оказались в безвыходном положении»[7].

В Ферганской области, в Кугартской и смежной с ней долине Андижанского и Ошского уездов на арендованных у киргизов землях осело 637 семей —3 452 чел., образовав 8 самовольческих поселков: Кок-Янгак (Ивановка), Джиргитал (Михайловка), Таран-Базар (Дмитриевка), Мирза-Ака, Таш-Башат, Джиланды, Кара-Дехкан, Заргер, которые были «обнаружены» земельной комиссией лишь в 1907 г.[8] В столь же неопределенном положении находились 70 семей, самовольно переселившихся в урочище Кетмен-Тюбе Наманганского уезда[9], поскольку правительство годами не закрепляло за самовольцами земельные участки.

[6] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 3, д. 880, л. 62.
[7] Шкапский О. А. Указ. раб., с. 24.
[8] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 1, д. 75, л. 62.
[9] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане с. 223.

Для выяснения колонизационных возможностей края летом 1903 г. в Туркестан был командирован член ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А. А. Кауфман. Одновременно при военном министерстве была образована особая комиссия, результатом работы которой было издание 10 июня 1903 г. «Правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую». Этим Законом предусматривался отвод переселенцам участков казенной земли по числу мужских душ в размере не более трех орошаемых десятин, выгоны и пастбища выделялись «по необходимости и возможности» (ст. 7). Орошаемые земли отводились в постоянное (бессрочное) подворно-участковое пользование, а неорошаемые — в общественное (ст. 8). В случае, если в течение трех лет со времени водворения, переселенцы не приступали к обработке земель, они отбирались в казну (ст. 9). За отведенные земли переселенцы облагались временной оброчной податью (ст. 10). Каждый переселенческий поселок должен составлять отдельное сельское общество, но при необходимости он «может быть присоединен к соседнему русскому сельскому обществу» (ст. 13). Переселенцы-самовольцы, как правило, не наделялись земельными участками (ст. 17)[10].

Однако вопрос об отводе земельных участков переселенцам практически не был решен. Местной администрации предлагалось довольствоваться «впредь до разрешения вопроса о назначении казенных земель, искусственно-орошенных за счет государственного казначейства в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях, землями, состоявшими в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ». Но такие земли в коренных областях Туркестана отсутствовали. Орошаемые за счет государственного казначейства земли появились в Голодной степи лишь в 1914 г., а в районе оседлого земледелия, там, где заканчивались поземельно-податные работы — в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ отходили лишь небольшие клочки земли.

Следовательно, отсутствие орошаемых земель препятствовало развитию переселенческого движения в коренных областях Туркестана. В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» отмечал, что «многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций, они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве»[11].

---

[10] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, т. XXIII. Спб., 1905, с. 742—743.

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 230.

Переселенческое дело в крае по-прежнему оставалось неорганизованным: не имелось ни специальных средств, ни необходимого земельного фонда для нужд переселенцев. Поскольку Правила 1903 г. на Семиреченскую и Закаспийскую области не распространились, крестьяне считались там «самовольцами», устраивать которых областная администрация не брала на себя обязанности; она даже боролась с ними. Вместе с тем приток переселенцев в край продолжался. По официальным данным, число неустроенных самовольных переселенцев в Семиреченской области возросло с 10 тыс. в 1902 г. до 23 тыс. в 1905 г.; в Сырдарьинской области проживало 2 тыс. самовольцев. Военные губернаторы Семиреченской и Сырдарьинской областей обращались к губернаторам России с просьбой «содействовать прекращению ухода переселенцев» в эти области и в то же время ходатайствовали перед Министерством земледелия и государственных имуществ о необходимости «посылки экспедиции для определения излишков земель, могущих быть использованными для нужд русской колонизации»[12].

6 июня 1904 г. был обнародован новый переселенческий закон, разрешавший свободное переселение «сельских обывателей и мещан-земледельцев в Азиатскую Россию» с предварительной посылкой ходаков для выбора земельных участков. Однако абсолютно свободным явилось лишь переселение без льгот и и какого бы то ни было содействия власти, а претендующие на них, должны были поселяться в районах, заселение которых было выгодным правительству[13].

На основании этого Закона все ранее прибывшие в Туркестанский край самовольцы были узаконены. Туркестан, однако, не был включен в число заселяемых районов. Он формально считался закрытым для переселения, так как правительство по-прежнему не располагало здесь земельными фондами. Разработанный Министерством земледелия и государственных имуществ план изъятия земель у коренного населения Средней Азии не был еще осуществлен. В связи с начавшейся в 1904—1905 гг. русско-японской войной царское правительство, опасаясь дехканских волнений в Туркестане, вынуждено было отклонить проект министра земледелия и государственных имуществ А. Ермолова о дополнении к ст. 270 Положения 1886 г., по которому «излишние для кочевников земли» должны были поступить в распоряжение правительства.

Революция 1905 г. и последовавшее в период реакции столыпинское законодательство окончательно изменили отношение к переселенческому вопросу — царизм стал поощрять движение крестьян в Сибирь и Среднюю Азию.

---

[12] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 2, д.1275, л. 31.

[13] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, т. XXIV, Спб., 1907, с. 603—607.

Переселение в годы столыпинской реакции

К началу XX в. крайне обострился аграрный вопрос в России, сущность которого, по определению В. И. Ленина, состояла в борьбе крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения, за искоренение всех остатков крепостничества в поземельном, а следовательно, и в политическом строе России. Крепостники-помещики имели в своих руках 70 млн. дес. земли, т. е. почти столько же, сколько 10,5 млн. крестьянских дворов[14].

Наличие крупных латифундий в руках помещиков обеспечивало им ведущую роль в политической жизни страны. Между тем развитие капитализма в России исторически обусловило уничтожение средневекового землевладения и всех остатков крепостничества в деревне. Осуществить ломку можно было революционным либо реформистским путем. И в том, и в другом случае решение аграрного вопроса шло по линии капиталистического развития. Первый путь означал уничтожение помещичьего землевладения и всех остатков крепостничества — монархии, сословности — и развитие буржуазного фермерства. Второй, так называемый «прусский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве вел к разрушению крестьянских общин и ускоренному разорению массы малоземельных крестьян в угоду горстке кулаков, оставляя при этом незатронутым главный источник крепостнической кабалы в деревне — помещичьи латифундии.

Как указывал В. И. Ленин, «Борьба крестьянских и помещичьих интересов, которая проходит красной нитью через всю пореформенную историю России и составляет важнейшую экономическую основу нашей революции, есть борьба за тот или другой тип буржуазной аграрной эволюции»[15].

Поражение первой русской революции 1905—1907 гг. оставило аграрный вопрос, являвшийся, по выражению В. И. Ленина, «гвоздем» буржуазно-демократической революции, неразрешенным. Сущность его по-прежнему сводилась к борьбе крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения, за искоренение всех крепостнических пережитков в деревне.

Вместе с тем революция 1905 г. показала, что ломка сложившихся после реформы 1861 г. поземельных отношений, пришедших в непримиримое противоречие с потребностями дальнейшего капиталистического развития страны, не только необходима, но и неизбежна. Чтобы предотвратить эту ломку снизу, силой революционных крестьянских масс, царское правительство решило провести ее сверху, по-крепостнически, за счет одних только крестьянских надельных земель, оставляя в полной неприкосновенности помещичье землевладение.

Этой цели служила провозглашенная 9 ноября 1906 г. столы-

---

[14] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 132.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 218.

пинская аграрная реформа, которая, по словам В. И. Ленина, была последним клапаном, «какой только имеется вообще у Марковых и Пуришкевичей», чтобы несколько ослабить давление накопившегося в деревне «пара» и таким путем спасти земли и доходы помещиков. «Других еще клапанов в распоряжении Пуришкевичей, командующих над буржуазной страной, нет и быть не может»[16].

В отличие от предшествовавшей аграрной политики, направленной на сохранение крестьянства как единого класса — сословия, столыпинская аграрная политика была нацелена на его раскол и воплощала курс на союз крепостников-помещиков с верхушкой крестьянской буржуазии. От прежней политики сохранения полуфеодального общинного землевладения царское правительство перешло теперь к насильственному разрушению общины и насаждению частной собственности на землю.

Столыпинская аграрная реформа, как подчеркивал В. И. Ленин, была после 1861 г. вторым крупным шагом «массового насилия над крестьянством в интересах капитализма. Это — вторая *помещичья* «чистка земель» для капитализма»[17]. Реформа не затрагивала вопроса о помещичьих землях и сводилась в основном к тому, что предоставляла каждому крестьянину право выхода из общины и закрепления своего надела в личную собственность. Согласно указу от 9 ноября 1906 г., каждый крестьянин мог требовать взамен разрозненных участков отруб, т. е. землю в одном месте. Особенно поощрялся выход крестьян на хутора, за пределы села или деревни. Черносотенно-октябристское большинство III Государственной думы одобрило этот указ, усилив те его стороны, которые должны были ускорить разрушение общины в пользу кулаков.

Насильственная ломка общины ускорила классовое расслоение деревни. В выделении крестьян из общины была заинтересована главным образом сельская буржуазия. Имея в личной собственности необходимые средства производства и поддержку со стороны царского правительства, зажиточное крестьянство охотно выходило на хутора и отруба, чтобы увеличить и «округлить» свои владения. Однако среди «новых собственников»— хуторян и отрубников — преобладали «не крепкие хозяйства», а маломощные крестьяне и беднота, которые, по словам В. И. Ленина, бились на хуторах «как рыба об лед». С 1908 по 1915 г. 1,3 млн. домохозяев продали 4,3 дес. земли. В руки кулаков перешла и часть помещичьих земель. В 1916 г. в кулацких хозяйствах, составлявших 15% общего числа крестьянских дворов, было сосредоточено более 80 млн. дес. сельскохозяйственных земель, которые давали 38% валовой продукции зерна в стране и 50% всего товарного хлеба[18].

[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 20—21.
[17] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 254.
[18] Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. М., 1966, с. 310.

Как предвидели большевики, аграрная политика царизма после первой русской революции не уничтожила, а, наоборот, обострила противоречия между помещиками и крестьянством и вместе с тем усилила борьбу между кулачеством и деревенской беднотой. В. И. Ленин указывал, что предпринятые царизмом меры — разрушение общины и «укрепление» надельной земли — не могли изжить кабалу, отработки, крепостнические формы зависимости. Более того, «масса крестьян, за исключением вполне освободившихся от земли пролетариев... и ничтожного меньшинства зажиточных мужиков, осталась в прежнем и еще худшем положении»[19].

Наряду с насаждением хуторов и отрубов, аграрная политика *царизма предполагала массовое переселение крестьян за Урал*, подальше от помещичьих имений. Этим правительство стремилось прежде всего ослабить аграрный кризис в центре страны, отвлечь внимание крестьянства от помещичьей земли, притупить классовые противоречия.

Таким образом, прежняя политика препятствий и прямого запрещения переселений крестьян была заменена политикой поощрения и форсирования переселений. В связи с этим В. И. Ленин писал, что «Революция 1905 года, показавшая помещикам политическое пробуждение крестьянства, заставила их немножечко «при-открыть» клапан и, вместо прежних помех переселениям, постараться «разредить» атмосферу в России, постараться *сбыть* побольше *беспокойных* крестьян в Сибирь»[20]. Вот почему правительство начало усиленно рекламировать среди крестьян идею переселения. Только в 1907 г. среди крестьян центральных губерний страны было распространено более 6,5 млн. экземпляров брошюр и листовок с призывами переселиться в азиатскую часть России.

С целью ускорить переселенческое движение в мае 1905 г. Министерство земледелия и государственных имуществ было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия, в ведение которого из Министерства внутренних дел было передано Переселенческое управление. В его обязанность входили выдача разрешения на переселение, руководство переселенческим движением, устройство переселенцев на новом месте, выдача крестьянам кредитов и т. д.

Вся колонизуемая территория была разделена на особые районы и подрайоны. Во главе районов находились заведующие переселенческим делом, подчинявшиеся, в свою очередь, Переселенческому управлению и местным губернаторам, а также входившим в состав присутствий областных правлений. На них возлагалось общее руководство землеотводными, межевыми, гидротехническими и дорожными работами, водворение переселенцев и организация ссудной, медицинской, ветеринарной и агрономической

---

[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 19.
[20] Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 23, с. 265.

помощи. Во главе подрайонов стояли заведующие водворением. В их обязанность входило исследование местностей, отвод участков и водворение переселенцев; в некоторых же подрайонах они одновременно выполняли функции крестьянских начальников во вновь образуемых русских поселках.

Согласно действующему в то время законодательству переселение за Урал считалось свободным. 10 марта 1906 г. было издано новое положение «О порядке применения Закона 6 июня 1904 г.», которое обязывало местные власти оказывать содействие в переселении всем желающим выйти из общины.

На основании этого положения с 15 марта 1906 г. возобновилось действие льготного тарифа на проезд по железной дороге, что явилось толчком к массовому переселенческому движению. Кроме того, в циркуляре № 1 от 19 февраля 1907 г. на имя губернаторов говорилось о необходимости устранения каких бы то ни было задержек в оформлении документов на переселение[21].

Крестьянам для получения разрешения на переселение необходимо было подать заявление в уездную землеустроительную комиссию, которая после получения требуемых справок о заявителе сообщала о его ходатайстве земскому начальнику или мировому посреднику для выдачи ему документов.

Лица, получившие разрешение на переселение, обязаны были послать ходоков от отдельной семьи (или от нескольких семей) одного и того же сельского общества для выбора и зачисления за ними земельных душевых долей. На каждую мужскую душу полагалась одна доля, размеры которой были не везде одинаковы (от 15 до 6 и меньше дес.). Семейные переселенцы, прибывшие в район водворения с проходными свидетельствами, получали от заведующего водворением удостоверение на право занятия зачисленного за ходоком переселенческого участка. Протокол о водворении направлялся в местную Казенную палату для окончательного закрепления за новоселом переселенческого участка. Что касается самовольных переселенцев, то они, как правило, причислялись к старожительским обществам на правах арендаторов.

Казенные земли предоставлялись переселенцам в общинное или подворное пользование в зависимости от решения сельского схода и областного правления. С 1911 г. отдельным семьям переселенцев отводились отрубные и хуторские участки.

Изменились также и условия выхода переселенцев на новые места жительства. Согласно Правилам 6 июня 1904 г. крестьянам предоставлялось право отчуждать свою надельную землю без всяких действовавших ранее ограничений, и не только подворно-наследственные участки и усадьбы, но и полевые земли после закрепления их в личную собственность. Если земля находилась в подворно-наследственном пользовании, крестьянин имел

---

[21] Сборник указаний и распоряжений правительства, касающихся крестьянского землеустройства и землепользования. Спб., 1907, с. 321.

право продать свой земельный надел обществу или отдельному лицу, если в общинном владении — он мог распоряжаться только усадебной землей.

Указом от 9 ноября 1906 г. каждый домохозяин, владевший надельной землей на общинных правах, мог потребовать от сельского общества передачи в личную собственность причитавшийся ему земельный участок или даже выделения закрепленной за ним земли в отруб. После этого он мог продать свой земельный участок на том же основании, что и подворно-наследственные земли. В условиях разрушения общины даже маломощный хозяин имел возможность за свой проданный надел получить некоторую сумму денег, и это поддерживало его иллюзию о возможности устройства нового хозяйства за Уралом.

По данным Крестьянского банка, десятина надельной земли в черноземных губерниях стоила от 50 до 230 руб., в Харьковской губернии —70—255 руб. и т. д. При средней стоимости надельной земли 100 руб. за десятину бедняцкое хозяйство, имевшее 2—3 дес., могло получить за свой надел 200—300 руб. Дополнительно к этому часть денег выручалась от продажи остального имущества. Следовательно, маломощный крестьянин перед отъездом за Урал располагал суммой примерно 400—500 руб. Кроме того, многие крестьяне забирали с собой домашний скот, земледельческие орудия и т. д.

В Туркестанском крае были созданы два переселенческих района — Семиреченский и Сырдарьинский, а позже — Ферганский. Законом от 14 февраля 1905 г. в Семиречье была организована особая «переселенческая партия», превратившаяся в годы столыпинской реакции в главный переселенческий орган области. Ей поручалось исследование территории кочевников, изъятие у них излишков и образование переселенческих участков. Возглавлял Семиреченский переселенческий район Шкапский, а с 1906 по 1914 г.— его помощник Велецкий.

Для ведения переселенческого дела в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях в 1905 г. была учреждена особая «статистическая партия», на которую возлагалось производство хозяйственно-статистических, агрономических и гидрологических исследований территории областей. В феврале 1906 г. эти области были преобразованы в Сырдарьинский переселенческий район.

В 1907 г. в Сырдарьинском переселенческом районе была введена должность заведующего водворением переселенцев в Ферганской области. Все переселенческие организации были подчинены Переселенческому управлению и находились в общем ведении Главного управления землеустройства и земледелия.

В период столыпинской реакции переселенческое движение достигло небывалых размеров. Если с 1861 по 1885 г. за Урал проследовало около 300 тыс. переселенцев, а за 1885—1905 гг.—

1 520 750 чел., то с 1906 по 1910 г. сюда переселились 2 516 075 душ обоего пола[22].

Следует подчеркнуть, что основной поток переселенцев направлялся в Сибирь, поскольку Средняя Азия официально считалась закрытой для переселенцев. Но несмотря на это, тысячи крестьян устремлялись в степные и кочевые районы Семиреченской и Сырдарьинской областей Туркестанского края. В Семиреченской области число самовольных переселенцев возросло с 23 тыс. в 1905 г. до 65 тыс. к 1910 г.[23] В Сырдарьинской области к тому же времени насчитывалось 7 778 чел. самовольных переселенцев, в Кугартской, Узгенской и Ясинской волостях Ферганской области — 893 семьи[24]. В Закаспийскую область в 1908—1909 гг. прибыла 121 семья[25].

С самого начала колонизации состав переселенцев в Туркестане по месту выхода почти не изменился. Большинство переселенцев (83,3%) составляли природные земледельцы из южной и средней черноземной полосы Европейской России. Однако по имущественному положению этот состав претерпел существенные изменения. Если из переселившихся в Туркестанский край до 1906 г. более половины составляли крестьяне, имевшие на родине не менее 5 дес., то из прибывших после 1906 г. их число уменьшилось до 36%[26].

Вопреки курсу на насаждение кулачества, основную массу прибывших в Туркестан составляло беднейшее сельское население России, которое надеялось получить здесь землю и хозяйственную самостоятельность.

Данные обследования 119 новых русских поселений в 5 уездах Сырдарьинской области, произведенные в 1911 г., показывают, что 20% переселенцев имели у себя на родине до 3 дес. посева, 44 — от 2 до 5,21—10, 10%—10 дес. Остальные 5% были безземельными крестьянами, занимавшимися главным образом сельскохозяйственным наймом[27].

Тяжелые условия перевозки переселенцев привели к тому, что малоимущие крестьяне, приезжая в Туркестанский край, не имели никаких средств к существованию. Более 40% обследованных крестьянских семей прибыли без имущества и без денег (не считая незначительных обиходных средств). Только около 17% водворенных семей были признаны достаточно обеспеченными скотом и сельскохозяйственными орудиями для дальнейшего веде-

---

[22] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906—1910 гг. Спб., 1911, с. 2.

[23] ЦГА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 1503, л. 108—109.

[24] Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. включительно. Ч. 1. (Сост. Н. Турчанинов). Спб., 1910, с. 50.

[25] Драницин Д. М. Колонизационные задачи Закаспийской области.— «Вопросы колонизации». Спб., 1910, № 7, с. 117.

[26] Бартольд В. В. Указ. раб., с. 24.

[27] Яшнов Е. Колонизация Туркестана за последние годы.—«Вопросы колонизации», № 18, 1915, с. 108.

ния хозяйства[28]. По данным ревизии Палена, 124 семьи переселенцев привезли с собой до 50 руб., 33— от 50 до 100, 88— от 100 до 300, 5 семей — свыше 300 руб. Не имели денег 752 семьи. В трех обследованных селениях Ташкентского уезда 43% семей прибыли на новые места без всякого имущества[29]. Вся эта гонимая голодом и нуждой масса разоряющихся или уже разорившихся крестьян претерпевала в пути и на новых местах поселения неимоверные страдания и мытарства.

Движение переселенцев в Туркестанский край шло различными путями. До проведения Оренбургско-Ташкентской железной дороги переселенцы направлялись в Семиречье главным образом по Сибирской железной дороге, построенной в 1896 г., до Омска, оттуда по Иртышу — до Семипалатинска, а затем по почтовому тракту, пролегавшему по Семиреченской области, на лошадях добирались до места назначения.

Со строительством в 1906 г. Оренбургско-Ташкентской железнодорожной магистрали и соединением ее с Закаспийской (Среднеазиатской) железной дорогой ветками от ст. Урсатьевская на Андижан (1898 г.) и от Мерва до Кушки (1900 г.) проезд переселенцев в Среднюю Азию был значительно облегчен. Но тем не менее условия передвижения по железной дороге были весьма тяжелыми: сократились железнодорожные тарифы для переселенцев, медицинская и продовольственная помощь была мизерной, тем более, что на самовольцев вообще никакие льготы не распространялись.

Переселенцев, как правило, перевозили в переполненных товарных вагонах «по накладной вместо билетов, без всякой организации остановок в пути, кормежки, медицинской помощи»[30]. Вместе с людьми помещался багаж, скот; здесь же они готовили пищу, стирали белье и т. д. На протяжении всего пути переселенцы не получали не только горячей пищи, но даже кипятка. «Оренбургско-Ташкентская железная дорога,— писал Велецкий в Переселенческое управление 23 декабря 1909 года,— совершенно не подготовлена для перевозки большого количества переселенцев: нет достаточного количества вагонов, на станциях нет кубов для воды, лавок со съестными припасами, нет медицинских и питательных пунктов»[31].

Удручающая обстановка была и на переселенческих остановочных пунктах. Людей высаживали прямо под открытое небо, в лучшем случае, под специально устроенные палатки. «В Ташкенте,— по сведениям Велецкого,— имеется остановочно-питательный пункт, но он находится в таком положении, что принять и удовлетворить помещением, продовольствием и врачебной по-

[28] Там же, с. 116.
[29] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане, с. 285.
[30] Азиатская Россия. Т. 1. Спб., 1914, с. 481.
[31] ЦГА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 109, л. 33.

мощью хоть сколько-нибудь значительной партии переселенцев он не может»[32].

Газета «Туркестанские ведомости» писала о передвижении переселенцев на новые места жительства: «До последнего времени ежегодно весною по почтовым дорогам Сырдарьинской области можно было встретить самодельные фургоны наших переселенцев. И какой вид они имели! Тощая лошаденка едва тащит неуклюжие низкие телеги, покрытые сверху от дождя и солнца дырявыми плетенками и рогожками; в некоторые повозки впряжены волы или верблюды. Измученный хозяин помогает своим обессиленным коням вытащить повозку из грязи или поднять на гору; исхудалая хозяйка едва передвигает ноги, идя сзади повозки и неся на руках грудного младенца; другие ребятишки, босоногие и оборванные, рассыпались по дороге или сидят на телеге среди беспорядочно наваленных бедных пожитков».

В конце пути переселенцев ждали, как правило, еще большие трудности. Выделенные в их пользование земли были крайне ограничены. По данным Переселенческого управления, во всех пяти областях Туркестанского края насчитывалось 2,8 млн. дес. орошаемой земли (1,8% общей земельной площади), или 0,43 дес. в среднем на душу населения[33]. К тому же вся орошаемая земля уже полностью обрабатывалась местным и частично пришлым русским населением. К началу 1906 г. в Туркестанском крае имелось 140 устроенных селений (108 тыс. человек) с общим наделом более 420 тыс. пригодной земли; 7 тыс. семей «самовольных» переселенцев ожидало своего землеустройства[34].

Как констатировала туркестанская администрация, для нужд переселения из орошаемых земель было использовано все, что можно было использовать. «Пригодных орошаемых земель для колонизации нет и не может быть, и без выселения киргизов из зимовок и пашен, и без создания искусственного орошения на новых местах — надо отказаться от сколь-нибудь серьезной колонизации этого края»[35].

В переселенческом деле и в земельном вопросе из-за совершенно безответственного отношения со стороны царской администрации, как справедливо отмечала ревизия Палена, существовал полнейший хаос. Приезжая на новое место жительства, большинство крестьян не обеспечивалось самым необходимым. Запас казенных земель по-прежнему не был определен, купля и продажа земли оставалась запрещенной, аренда земель кочевников была затруднена. Переселенцам приходилось порой самим разыскивать свободные земли.

Для разрешения обострившегося переселенческого вопроса в апреле 1906 г. туркестанским генерал-губернатором было созвано

---

[32] Там же.
[33] Азиатская Россия. Т. 2. Спб., 1914, с. 244.
[34] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 1276, оп. 4, д. 482, л. 8 и 116.
[35] Там же, л. 12.

особое совещание, на котором были приняты временные меры: разрешить неустроенным переселенцам арендовать землю у кочевников на срок не свыше трех лет и не более двух десятин на каждого члена семьи; поручить уездным начальникам подыскать пригодные земли для образования новых переселенческих селений, с условием уплаты вознаграждения киргизам за добровольную уступку земли; в оседлых районах допустить уступку земли по взаимному соглашению сторон; просить об открытии крестьянского банка в Ташкенте и т. д.

Все указанные мероприятия, связанные со значительными расходами, не позволили широко поставить переселенческое дело в Средней Азии. Царское правительство не останавливалось перед открытым ограблением местного населения путем экспроприации у него годных для колонизации земель. Не считалось оно и с тем, что, присоединяя Туркестанский край, оно обещало сохранить за местным населением все его обычные права, в том числе и права на землю.

Переселенческий вопрос в Туркестане, особенно в Семиреченской области, с каждым годом приобретал все большую остроту. В Семиречье столкнулись интересы трех групп населения: казаков, оседающих и кочующих казахов и русских переселенцев; все они претендовали на определенные участки земли.

С целью создания колонизационного фонда в 1907 г. при Министерстве внутренних дел под председательством тайного советника Лыкошина было созвано междуведомственное совещание, которое признало необходимым установить нормы земельного надела кочевых и полуоседлых казахов и киргизов и «наделить их окончательно землей по возможности на равных с переселенцами основаниях»; на «излишних» же землях устроить переселенцев. В связи с этим требовалось максимально развить деятельность переселенческих организаций.

В годы столыпинской реакции у местного населения области было изъято 1 456 080 дес. земли, из них для «устройства переселенцев предназначалось 318 участков площадью 1 018 182 дес. на 82 689 душевых долей»[36].

Вместе с тем, по подсчетам областного статистического комитета, в Семиречье имелось 4 846 000 дес. «свободной» неорошенной земли, на которой, если ее оросить, можно было, не стесняя коренного населения, водворить около миллиона переселенцев[37].

Однако царское правительство создавало колонизационный фонд и переселенческие участки не за счет расширения культурной территории; оно использовало земли, уже возделанные местным населением, экспроприируя трудящиеся массы Средней Азии.

Говоря о том, как создавался земельный фонд переселенцев

---

[36] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 4, д. 1654, л. 46.
[37] «Туркестанское сельское хозяйство», 1914, № 4.

и о целях этого дела, В. И. Ленин указывал, что «переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «русификации окраин»[38].

Казахи и киргизы оказывали сопротивление чиновникам Переселенческого управления, посылали жалобы в Государственную думу, туркестанскому генерал-губернатору и Столыпину. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные документы[39]. В ответ из Петербурга поступали грозные приказы о том, что всякое сопротивление Переселенческому управлению будет подавлено военной силой.

В коренных областях Туркестана, в отличие от Семиречья, действовало Положение об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 г., в котором не была предусмотрена специальная статья, допускающая изъятие «излишков» земли в переселенческий фонд. Земельные запасы, имеющиеся в распоряжении правительства, были крайне ограничены. Такими землями являлись исключительно «оброчные статьи», но площадь их была невелика: в Самаркандской и Ферганской областях в общей сложности насчитывалось около 38 тыс. дес.[40]

Определить свободную наличность государственного земельного фонда в оседлых районах Туркестана можно было лишь по окончании работ по отмежеванию земель, принадлежавших местному земледельческому населению. Только в 1910 г. земельно-податная работа была закончена. За местным оседлым населением Самаркандской, Ферганской областей и Ташкентского уезда Сырдарьинской области было закреплено 5 202 683 дес. земли, в том числе 1 848 095 (35,4%) орошаемой, 1 159 322 дес. (22,3%) — богарной и 2 195 266 дес. (42,3%) — необработанной земли. В целом на одно хозяйство с 5,5 душами приходилось орошенной земли от 0,5 до 1,1 дес., богарных и необработанных — от 0,4 до 3,5 дес.[41]

Все же остальные земли края, за небольшим исключением («оброчные статьи»), числились в пользовании кочевого населения и могли быть использованы для русской колонизации после разграничения между кочевниками и государством. «Те земли, — писал Пален, — на которых устроены существующие в крае поселки, уступались кочевниками каждый раз на основе особого соглашения с местной администрацией, нередко сопровождавшегося выдачей кочевникам известного денежного вознаграждения»[42].

Вместе с тем и в коренных областях Туркестана, с момента образования Сырдарьинского переселенческого района, началась экспроприация земель кочевников. По официальным данным, только за 1906—1910 гг. у местного населения было изъято 4 432 дес.

[38] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 330.
[39] ЦГА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 186 и посл.
[40] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане, с. 184.
[41] Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. Фрунзе, 1963, с. 183.
[42] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане, с. 183.

и образовано пять переселенческих участков[43]. 19 декабря 1910 г. был принят Закон, дающий право Переселенческому управлению официально изымать у киргизов и казахов «излишки» земли под русскую колонизацию.

Водворение переселенцев на новых местах происходило также в условиях хаоса и произвола. В первую очередь устраивались состоятельные переселенцы. В их руках сосредоточивались большие и самые лучшие пахотные земли и пустующие угодья переселенческого фонда. Бедняки же в течение ряда лет не могли получить земли и вынуждены были работать по найму в кулацких хозяйствах или арендовать у них землю. Часть крестьян возвращалась обратно в Россию.

Переселенческие организации, нарезавшие вначале по 10 дес. на душу, сократили постепенно надел до 4 дес. на мужскую душу. На каждое село выдавались «владенные записи» с указанием количества земли. Устанавливалась общинная, а внутри общин — подворно-участковая форма пользования. В результате уменьшения первоначальных наделов многие селения оставались без запасных фондов для естественного прироста населения. Переделу не подлежали лишь пастбища, что было выгодно крупным скотоводам.

Столыпинская реформа, направленная на создание опоры самодержавия в лице кулаков путем насильственного разрушения общины, частично нашла свое отражение и в Туркестане. Однако и после издания Закона от 9 ноября 1906 г., предусматривавшего выделение для переселенцев хуторских участков, господствующей формой землевладения здесь, как и в России, оставалась все же общинная.

В годы столыпинской реакции в Семиреченской области было водворено 6 087 семей, в которых насчитывалось 18 742 душ мужского пола[44]; создано 54 новых крестьянских селения (сюда входили также поселки, заселение в которых началось, но не закончилось), в том числе в Пишпекском уезде — 14, в Пржевальском — 9 поселков. Вместе с тем остались неводворенными 8 429 семей (около 53,5 тыс. чел.)[45].

В то же время в коренных областях Туркестана администрация и чиновники Переселенческого управления устроили всего 1 419 семей крестьян-переселенцев, из них 1 111 — в Сырдарьинской, 244 — в Самаркандской и 64 семьи в Ферганской областях[46].

Большинство крестьян, водворенных на земельных участках, нуждались в получении ссудной помощи на обзаведение домашним хозяйством. Эти суммы начали отпускаться только с 1884 г., причем их размер не был определенным и выдавались они частями и

---

[43] Переселение и землеустройство за Уралом в 1906—1910 гг., с. 51.

[44] Там же, с. 31.

[45] Румянцев П. Условия колонизации Семиречья.—«Вопросы колонизации», 1911, № 9, с. 213—214; ЦГИА в Ленинграде, ф. 391, оп. 4, д. 1654, л. 46.

[46] Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае (областей Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской). Перес. упр. Спб., 1911, с. 133.

несвоевременно. Никто из переселенцев не знал, на какую сумму он может рассчитывать; все зависело от царских чиновников. Самовольным переселенцам к тому же ссудная помощь не оказывалась. И только в 1909 г. царское правительство утвердило Закон, по которому водворяемой на участке крестьянской семье выдавалась ссуда в сумме 150 руб.[47] «Установившийся порядок выдачи ссуд, — писал В. И. Ленин, — обратил это дело в чистейшую филантропию, обзавестись и прокормиться года два на 150 р. ссудных денег невозможно»[48].

Правительство ассигновало для выдачи ссуд переселенцам Семиречья в 1906 — 1908 гг. 172 тыс. руб., а для переселенцев Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской областей — 93,5 тыс.[49] При выдаче ссуд допускались злоупотребления со стороны чиновников переселенческих организаций. Паленовская ревизия и архивные документы свидетельствуют о том, что ассигнованные правительством ссуды переселенцам не всегда попадали по назначению.

Заведующий Семиреченской переселенческой организацией Велецкий в письме в Петербург дает яркую картину сложившейся обстановки в период переселенческой горячки. «Переселенческое движение было предоставлено самому себе, — писал он 11 апреля 1907 г., — ввиду такого беспорядочного расселения — чрезвычайной разбросанности переселенцев по области, а также полного бессилия и неумения урегулировать и придать характер планомерной деятельности устройству переселенцев; не только переселенцы последних годов, но и прибывшие в 80—90-х годах прошлого столетия до сих пор остаются неустроенными и обессиленными частыми недородами вследствие полного игнорирования вопроса о рациональной ирригации в области и истощенные нищетой, сопутствующей всевозможными болезнями, они влачат самое жалкое существование»[50].

Такой была «новая жизнь» на «привольных землях», к которой так жадно тянулись разоренные крестьяне Центральной России. «И здесь на далекой окраине русской Средней Азии, — писал агроном С. Понятовский, — вопль крестьянина о земле и воде звучит почти так же громко и мощно, как и в Европейской России»[51]. Колонизаторская политика царизма, проводимая в интересах господствующих классов метрополии и игнорировавшая потребности колонизуемого края и его населения, потерпела неудачу.

Всего по Туркестану на русское оседлое сельское население в 1913 г. приходилось 5,3% сельского населения края, не считая неустроенных переселенцев. Но и эти незначительные результаты

---

[47] ЦГА УзССР, ф. И-16, оп. 1, д. 803, л. 55.
[48] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 333.
[49] Паленов К. К. Переселенческое дело в Туркестане, с. 93, 233.
[50] ЦГА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 57, л. 13.
[51] «Туркестанское сельское хозяйство», 1906, № 10.

были достигнуты ценою разорения местного населения, а также гибелью огромного количества переселенцев.

Политику царского правительства в отношении переселенцев гневно заклеймил В. И. Ленин. В статье «Значение переселенческого дела» он писал: «В Россию возвращается беднота, самая несчастная, все потерявшая и озлобившаяся. В Сибири земельный вопрос должен был крайне обостриться, чтобы оказалось невозможным — несмотря на отчаянные усилия правительства — устроить сотни тысяч переселенцев»[52]. Гигантская волна обратных переселенцев «указывает на отчаянные бедствия, разорение и нищету крестьян, которые распродали все дома, чтобы уйти в Сибирь, а теперь вынуждены идти назад из Сибири окончательно разоренными и обнищавшими»[53].

Вскрытый В. И. Лениным антикрестьянский характер переселенческой политики царизма распространялся и на переселенцев Средней Азии. Спад переселенческой волны и рост обратного переселения, наметившийся уже в 1909 г., свидетельствовали о том, что контрреволюционные цели столыпинской аграрной реформы не могли быть осуществлены никакими обманными и насильственными средствами. В. И. Ленин справедливо отмечал, что в 1910 г. определился полный крах переселенческой политики царизма.

Следовательно, борьба царизма с аграрным кризисом 1905 г. посредством переселений отсрочила кризис лишь на короткое время. Разрядить атмосферу крепостникам-помещикам и контрреволюционной буржуазии удалось всего на какие-нибудь четыре года (1906—1909). Вскоре разразился новый кризис, охвативший неизмеримо более широкую арену[54].

«Новый курс» переселенческой политики царизма

Торжество столыпинской реакции оказалось кратковременным. Основные задачи буржуазно-демократической революции — свержение царизма, установление демократической республики, конфискация помещичьей земли — не были решены. Назревал новый революционный подъем. Уже в 1911 г. число стачечников в России превысило 105 тыс., тогда как в предыдущем году их было около 47 тыс. Началом массового подъема революционного движения явилась широкая волна протеста российского пролетариата против злодейского расстрела царскими войсками безоружных рабочих на ленских золотых приисках 4 апреля 1912 г.

Ленские события, по словам В. И. Ленина, «*зажгли* массы *революционным* огнем»[55] и привели к тому, что в России стала подниматься волна массовых забастовок, свидетельствуя о вступ-

[52] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 104.
[53] Там же, с. 266.
[54] Там же, с. 104
[55] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с 341.

лении страны в полосу нового революционного подъема. К 1914 г. стачечное движение по своему размаху достигло уровня 1905 г. Огромную роль в усилении стачечного движения играла большевистская газета «Правда», основанная по инициативе В. И. Ленина 5 мая 1912 г.

Столыпинская аграрная политика, обрекая массу крестьян на разорение, довела до крайней остроты классовые противоречия в деревне. Крестьянство, объединившись вновь с рабочим классом, стало активно бороться за захват помещичьих земель. Гнев крестьян обрушился и на кулачество, обогащавшееся за счет расхищения общинных земель.

Период 1910—1914 гг. с его новым революционным подъемом характеризовался одновременно сокращением переселения крестьян, громадным ростом обратного движения переселенцев и кризисом всей переселенческой политики царизма. Особенно резко обострился кризис переселенческого движения с началом первой мировой войны.

Значительная часть неустроенных переселенцев возвращалась в Россию. *Только в 1911 г. из восточных районов страны возвратилось* 116 308 чел., т. е. более 60% переселившихся в том же году за Урал[56]; по Средней Азии их число достигло 81%[57]. Как подчеркивал В. И. Ленин, «Этот громадный поток вконец разоренных, обратных переселенцев с неопровержимой наглядностью говорит нам о *полном крахе* правительственной переселенческой политики»[58].

Царизм оказался неспособным организовать переселение на окраины и устроить новоселов. Ничего не могла дать крестьянам и столыпинская аграрная реформа. Об этом свидетельствует резкое сокращение числа выходов из общин. Так, в 1907—1910 гг. из общины в Европейской России вышло 1,5 млн. семей (в среднем 375 тыс. семей в год), а в 1911—1914 гг. — 0,5 млн. (125 тыс. семей в год), т. е. в три раза меньше[59].

Большое влияние на уменьшение переселения оказал промышленный подъем 1909—1913 гг., втянувший в свою орбиту значительную часть выходцев из деревни, так же, как и новый революционный подъем в стране, и борьба крестьян против столыпинской реформы в целом. Крестьяне надеялись решить земельный вопрос более желательным для них путем за счет изъятия дворянских латифундий.

Вместе с тем в результате широкого переселенческого движения на окраинах скопилось много «неблагонадежных элементов», представлявших опасность для существующего строя. В Семиреченской области, например, ожидало землеустройства около

---

[56] Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963, с. 390.
[57] Шарова П. Н. Указ. соч., с. 25.
[58] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 266.
[59] Ефремов П. Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1941, с. 99.

40 тыс. самовольных переселенцев[60], в коренных областях Туркестана — 8 340 семей[61]. Учитывая сложившуюся обстановку, царское правительство стремилось расширить и ускорить землеустройство на окраинах и тем самым увеличить прослойку кулачества прежде всего за счет новых переселенцев. В этой связи оно выдвинуло «новый курс» в переселенческой политике. При обсуждении сметы Переселенческого управления в Государственной думе на 1910 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин подчеркивал, что «отныне главнейшей задачей должно *быть не выселение крестьянских масс из Центральной России*», а заселение окраин «крепким элементом», т. е. насаждение там кулачества в качестве социальной опоры царизма[62].

Наиболее ярко «новый курс» переселенческой политики был сформулирован Столыпиным и Кривошеиным в их записке о поездке в Сибирь (1910 г.) и записке Кривошеина о поездке в Туркестанский край (1912 г.). В них основной упор делался на насаждение хуторской и отрубной систем хозяйства и подчеркивалась необходимость опираться на «крепкого мужика»[63]. Одновременно он обращал внимание на развитие хлопководства в Средней Азии, в чем прежде всего была заинтересована буржуазия. Кривошеин стремился по возможности сгладить расхождения между помещиками и буржуазией по вопросу колонизации. «Интересы хлопководства и переселения совпадают, — писал он, — между ними не приходится выбирать: это две стороны одной и той же задачи»[64].

Курс на поддержку и насаждение кулацких хозяйств отчетливо *отразился в послании Николая II Столыпину*: «Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибири — вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неусыпно работать»[65].

Насаждение в крае крепких кулацких хозяйств, создание на окраинах России надежного «оплота русской государственности», упрочение связей между колониями и метрополией стало центральным пунктом переселенческой политики царского правительства. III Государственная дума всячески поддерживала «новый курс». Ее лозунг «заселение важнее переселения» также лег в основу переселенческой политики IV Государственной думы.

В целях осуществления главных положений «нового курса» был издан ряд законов и распоряжений, взятых за основу работы переселенческих организаций. В результате было принято решение об увеличении хуторов и отрубов. В июле 1912 г. был введен новый

---

[60] ЦГА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 309а, л. 1—2.
[61] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 4, д. 1654, л. 16.
[62] «Вопросы колонизации», 1915, № 18.
[63] Кривошеин А. В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край. Спб., 1912, с. 55.
[64] Там же.
[65] «Красный архив», 1924, № 5.

порядок выдачи ссуд переселенцам, которым воспользовались прежде всего крепкие состоятельные хозяйства. Законом от 28 июня 1914 г. право переселения на казенные орошенные земли Туркестана представлялось только «состоятельным людям христианского вероисповедания» при наличии у них имущества стоимостью не менее 1000 руб.[66]

Правительство стремилось ускорить перевод участков единоличного пользования в частную собственность новоселов. В 1912 г. были изданы правила о продаже отдельных переселенческих участков в частную собственность, однако, до 1914 г. они не были узаконены Государственной думой. В годы первой мировой войны этот вопрос оставался открытым.

Важным шагом в развертывании переселенческого дела в Средней Азии стало официальное открытие в 1910 г. Семиреченской области для переселенцев, а также издание в том же году Закона о дополнении к статье 270 Туркестанского положения 1886 г., по которому «излишки» земли у кочевников коренных областей Туркестана (Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской) подлежали, как и в Семиречье, передаче в ведение Главного управления землеустройства и земледелия для использования их под переселенческие участки.

Еще в 1909 г. на совещании под председательством начальника Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ Туркестанского края Пильца был рассмотрен вопрос о привлечении в край как можно большего количества организованных переселенцев с размещением их на поливных землях, где «благодаря благоприятным климатическим условиям возможно успешное развитие хлопководства, плодовых садов, виноградников, риса и других ценных культур». Предполагалось при этом как поливные, так и богарные земли передавать переселенцам в собственность отрубными и хуторскими участками с предварительной арендой земли на пятилетний срок. Причем поливные земли следовало отводить за плату из расчета стоимости сооружения и содержания ирригационной системы[67].

Настойчивые рекомендации Главного управления землеустройства и земледелия повлияли на ускорение проведения мероприятий по отводу переселенцам земельных участков типа хуторов и отрубов. На поливных землях Голодной степи участки выделялись исключительно для индивидуально-подворного землепользования. Единицей наделения признавалась теперь не мужская душа, а крестьянский двор (семья). Норма надела на орошенных казной землях определялась в 8—10 дес.

О стремлении царского правительства заселить Туркестан кулацкими элементами свидетельствуют материалы землеустроительных партий 1911—1916 гг.

[66] Вощинин В. П. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Спб., 1915, с. 123 и посл.

[67] «Туркестанское сельское хозяйство», 1909, № 4.

После издания Закона от 19 декабря 1910 г. Сырдарьинское переселенческое управление запланировало заготовить более 100 тыс. дес. земли и весь этот фонд разбить на участки хуторного и отрубного владения. Уже в 1911 г. в Чимкентском и Аулиеатинском уездах было образовано 88 переселенческих участков на 3,5 тыс. хозяйств, а также сделаны прирезки (4 165 дес.) к десяти участкам, ранее образованным на земле кочевников в Чимкентском уезде, и землеустроено 11 самовольческих поселений в Аулиеатинском уезде[68].

В 1912 г. были продолжены работы по изъятию земель и образованию переселенческого фонда в Чимкентском, Аулиеатинском и Ташкентском уездах. Временные комиссии утвердили изъять 65 238 дес., рассчитанных на образование четырех поселков с 406 хозяйствами. Общая площадь их участков составляла 11 030 дес. Кроме того, 30 участков было выделено в индивидуальное пользование для размещения 1 251 хозяйства на площади 39 878 дес. На прирезки к старым селам было рассчитано 3 440 дес., остальные земли поступали в распоряжение казны как запасные участки, лесные дачи и скотоводческие участки[69].

В 1913 г. в Сырдарьинской области было запроектировано 103 участка на площади 235 377 дес., в том числе 6 общинных — на 9 761 дес., 4 отрубных — на 17 653 дес., 21 хуторных — на 484 дес., 2 запасных — на 3 320 дес., 5 прирезок — на 3 237 дес., 35 казахских — на 90 355 дес. Остальные участки составляли скотоводческие казенно-оброчные земли и лесные дачи. К 1 января 1914 г. оставались свободными 492 душевые доли поселкового пользования и 468 дворовых наделов[70].

В последующие годы отвод земельных участков уменьшился в связи с общим сокращением заготовляемого земельного фонда. Однако для индивидуального пользования отвод участков в общем колонизационном фонде непрерывно возрастал. К 1 февраля 1917 г. в целом по Ташкентскому, Аулиеатинскому, Чимкентскому уездам было землеустроено 5061 хозяйство, из них 2679—на участках единоличного пользования[71]. На поливных землях Сырдарьинской области переселенческие поселки почти полностью перешли к индивидуальному землепользованию, а община сохранилась лишь на богарных землях.

В Самаркандской области переход к индивидуально-подворному землепользованию был проведен почти повсеместно. На землях нового орошения в Голодной степи к 1917 г. было водворено 1250 семей, создано 8 новых переселенческих поселков и свыше 60 хуторов. Под хлопчатником было занято 19 тыс. га, или 55% всей орошаемой площади в Голодной степи[72].

---

[68] ЦГИА в Ленинграде, ф. 391, оп. 4, д. 1654, л. 2 и посл.
[69] Обзор Сырдарьинской области за 1912 г. Ташкент, 1914, с. 156.
[70] Обзор Сырдарьинской области за 1913 г. Ташкент, 1916, с. 117—125.
[71] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 6, д. 671, л. 2.
[72] Там же.

В Ферганской области с 1910 по 1917 г. было заселено 34 участка индивидуального пользования на 1 257 дворов, 11 участков общинного пользования для 174 семейств и 126 самостоятельных хуторов[73]. Землеустроены 4 самовольческих поселка в Ошском уезде: Кара-Тепе (Радко-Дмитревка), Лянгер (Брусиловка), Катта-Талдык (Ивановка) и Гульчинский (Николаевский).

В Семиреченской области за этот период было землеустроено 62 937 душ мужского пола, т. е. в 8 раз больше, чем за предыдущие годы со времени образования Семиреченского переселенческого района. Вместе с тем к 1917 г. в созданных поселках 18 216 семей (56 344 душ муж. пола) остались жить на участках общинного пользования и только 74 семьи (189 душ) — на индивидуальных участках, 4009 семей были неустроенными[74].

Следует подчеркнуть, что политика царского правительства, направленная на насаждение хуторского и отрубного хозяйств, не дала в Туркестанском крае (особенно в Семиреченской области) желаемых результатов.

На долю участков индивидуального пользования в коренных областях Туркестана к 1917 г. приходилось 64,5% общего землепользования переселенцев. В Семиреченской области по-прежнему преобладало общинное (поселковое) землепользование. Как отмечал заведующий Семиреченского переселенческого района Велецкий, бедность водных источников диктует необходимость образования здесь значительной емкости поселков, а не отдельных хуторов.

Необходимо отметить, что переселенцы из бедняцких и середняцких слоев (а таких было большинство) стремились селиться сообща, чтобы самые трудные работы проводить «всем миром». Они предпочитали столыпинскому землеустройству уравнительно-душевое размежевание при сохранении общинного землепользования. Даже зажиточные хозяйства во многих общинах отказывались выделяться на хутора и отруба, так как в условиях Туркестана община не исключала возможности концентрации средств производства в руках меньшинства, а также полукрепостническую и капиталистическую эксплуатацию.

Таким образом, попытка царских властей насадить в Туркестане «крепкие хозяйства» в целом оказалась несостоятельной. Среди переселенцев усилилось классовое расслоение, причем насаждение хуторов и отрубов ускорило этот процесс. Наряду с кулачеством формировалась многочисленная армия переселенцев-бедняков, ставших союзниками в борьбе против самодержавия и капитализма.

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» указывал, что «переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения»[75].

---

[73] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 6, д. 679, л. 2—5.
[74] Там же, оп. 10, д. 19, л. 121—123; оп. 6, д. 671, л. 2.
[75] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 175.

«Новый курс» в переселенческой политике, несомненно, способствовал в некоторой степени развитию капиталистических отношений в Туркестане. Однако буржуазный характер «нового курса» носил следы такой ограниченности, которую накладывало на всю политику царизма господство в стране крепостников-помещиков. Предложенные Столыпиным и Кривошеиным мероприятия не были до конца проведены в жизнь. Вместо введения частной собственности на землю, правительство ограничилось отводом участков в индивидуальное пользование переселенцев.

Не была решена и проблема орошения земель. Кроме ранее построенного канала имени Николая I и ряда других незначительных ирригационных сооружений, осенью 1913 г. было завершено строительство Романовского (Голодностепского) канала. За 52 года царской колонизации в крае было орошено всего 87 тыс. дес, из них 35 тыс. — в Голодной степи. Между тем площадь, пригодная для орошения, в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях Туркестана, в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, в 1913 г. превышала 3 905 тыс. дес.[76]

Правительство выделяло на ирригационные сооружения крайне незначительные суммы. Частный капитал также не обнаруживал большого стремления вкладывать средства в сложное и дорогостоящее дело орошения и водопользования. Орошаемый земельный фонд на 85% обслуживался несовершенной ирригационной системой, издревле существовавшей в крае. Оставался открытым и вопрос об установлении порядка в водопользовании. По-прежнему вода распределялась «по обычаю», что вело к повсеместным спорам и беспорядкам.

Как отмечал В. И. Ленин, «Русскую колонизацию *тормозят* остатки крепостничества в центре России. Иначе как аграрным переворотом в Европейской России, иначе как освобождением крестьян от гнета крепостнических латифундий *нельзя* освободить и урегулировать русской колонизации»[77].

Только победа Великого Октября, построение социализма, утверждение в стране колхозного строя обеспечили радикальное решение аграрного вопроса, внесли коренные изменения в жизнь многомиллионных масс трудового крестьянства. В условиях социалистического общества стало возможным и вовлечение в хозяйственный оборот огромных целинных массивов на востоке страны, в том числе в Узбекистане, освоение которых явилось великим подвигом советского народа.

---

[76] Ризаев Г. Р. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1965 гг.). Ташкент, 1967, с. 20.

[77] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 68—70.

Глава третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Состояние русских поселений в начале XX в.

К 1917 г. русское оседлое население Туркестана, по примерным подсчетам, составляло 750 тыс. чел., т. е. 10% 7,5-миллионного населения края. В городах проживало более 400 тыс. чел. и около 350 тыс. — в сельской местности. Из них 278 тыс. чел. приходилось на русские поселения.

Первое место по количеству переселенцев занимала Семиреченская область (175 тыс. чел.), где помимо 195 крестьянских селений имелись 34 казачьих поселка с населением 58,5 тыс. чел. В коренных областях Туркестана (Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской) насчитывалось 269 русских поселков с 96,5 тыс. жителей, не считая хуторов, железнодорожных и рыбацких поселений. В Закаспийской области русское население сосредоточивалось главным образом в городах и станционных поселках, расположенных вдоль линии Среднеазиатской железной дороги и Кушкинской ветки (более 92 тыс. чел., не считая военнослужащих, или 17% всего населения области). В сельской же местности к 1917 г. в 33 русских поселках проживало около 7 тыс. чел.

Что же касается коренных областей Туркестана, то наибольшее количество поселков и переселенцев приходилось на Сырдарьинскую область. Здесь в 190 поселках насчитывалось 72,5 тыс. жителей. Причем основная масса сосредоточивалась в Аулиеатинском уезде (84 поселка и около 40 тыс. чел.), в Чимкентском, соответственно, 69 и 22 тыс. и Ташкентском — 28 и 8,5 тыс. чел. В Перовском уезде находились семь небольших поселков с 1600 жителями, в Амударьинском отделе — два поселка с 600 жителями русского населения. В Казалинском уезде русские сельские поселения отсутствовали вообще.

В Самаркандской области насчитывалось 20 русских поселков с населением обоего пола приблизительно 8,5 тыс., а в Ферганской области, по данным переписи 1917 г., в сельской местности проживало 17 255 русских крестьян, из них 15 246 чел. размещались в 59 русских поселениях.

Большое количество русских, прибывших в Туркестанский край, оседало в городах. В коренных областях Туркестана русские городские поселения основывались в непосредственной близости с уже существовавшими городами. Это было обусловлено как

торговыми интересами, так и стратегическими и политическими соображениями царского правительства. Вместе с тем русского населения в городах было значительно меньше, чем местного. В «русской» части г. Ташкента при общей численности населения к 1914 г. 271 тыс. чел. русские составляли менее 1/5 (50 тыс. чел.). В Самарканде на долю русских также приходилась 1/5 всего городского населения, насчитывавшего 97 530 чел. В «русских» частях старых городов Самаркандской области — Ходженте (ныне Ленинабад), Ура-Тюбе, Джизаке и Катта-Кургане — из общего числа городского населения 84 757 чел. только 2 200 были русскими. Такие «русские» части возникали также в Туркестане, Чимкенте, Аулиеате[1].

Накануне первой мировой войны в старых городах Ферганской области русских проживало 21 750 чел., из них в Коканде — 14 220 чел. (12% городского населения), Андижане — 4 267 (5,4%), Намангане — 1 874 (2,5%), Старом Маргилане — 298 (0,6%), Оше — 993 чел. (2,1%). в Чусте — 98 чел. (0,5%)[2].

В Туркестанском крае имелись города и «чисто русского происхождения». К ним относились почти все города Закаспийской и Семиреченской областей (здесь сохранились только развалины прежних городов), а также несколько городов Сырдарьинской области (Казалинск, Перовск, Петро-Александровск) и Новый Маргилан Ферганской области. Во многих новых городах, возникших вокруг военных крепостей и железнодорожных станций, русские, однако, составляли незначительную часть населения, если не считать военнослужащих. В Асхабаде, например, из 45,5 тыс. жителей только 12,5 тыс. приходилось на русских, в Мерве, соответственно, 18,2 тыс. и 3 тыс., Красноводске — 7 и 2,6, в Форте Александровске (ныне г. Шевченко) — 840 и 136 чел. Перечисленные города Закаспийской области росли главным образом за счет иммигрантов из Закавказья, Ирана и Афганистана. Туркмен, проживавших в городах, было около 700 чел.[3] Подавляющее большинство составляли русские, сосредоточенные в основном в Новом Маргилане (ныне Фергана), Петро-Александровске (Турткуль), Верном, Пишпеке, Капале, Лепсинске.

Населенные пункты располагались также в районах железнодорожных станций. Только вдоль Оренбургско-Ташкентской магистрали насчитывалось более 160 станций и разъездов, где, по предварительным подсчетам, к 1916 г. проживало более 51 тыс. чел.[4]

---

[1] Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом, изд. Переселенческого управления. Спб., 1914, с. 352—353.

[2] Статистический обзор Ферганской области за 1913 год. Скобелев, 1916 (приложение № 3).

[3] Обзор Закаспийской области за 1911 год. Асхабад, 1915 (приложение № 1).

[4] См.: Асылбеков М. Х. К вопросу о влиянии железных дорог на экономику дореволюционного Казахстана.—«Известия АН Казахской ССР», Серия общественных наук. Вып. 1. Алма-Ата, 1964, с. 55.

Следовательно, появление в крае русского населения сыграло существенную роль в развитии городской жизни. Многие города постепенно превращались из военно-стратегических пунктов в торгово-промышленные и культурные центры. В результате огромная масса туркестанского населения втягивалась в водоворот новой, прогрессивной хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни. Города становились центрами революционного движения в Туркестанском крае.

Переселенческие поселки в Туркестане мало чем отличались по внешнему виду от обычных украинских или русских сел Центральной России. Они состояли, как правило, из одной длинной улицы или ряда улиц, строго параллельных, разбитых переулками под прямым углом и засаженных различными деревьями.

В старожильческих поселках почти повсеместно имелись центральные площади с церковью посредине и торговыми рядами. Вокруг площади группировались сельские учреждения и дома зажиточных крестьян. Однако подобная планировка выработалась далеко не сразу. Первоначально во многих селах застройка была беспорядочной и только по мере их легализации, под давлением Переселенческого управления улицы постепенно выравнивались. Вместе с тем некоторая хаотичность в застройке и разорванность конфигурации селений сохранялась до их реконструкции уже в советское время.

Дореволюционных построек в переселенческих селах Средней Азии сохранилось очень мало. Полное представление о жилищной архитектуре русских поселений дают материалы обследования строительства поселков Сырдарьинской и Самаркандской областей, относящиеся к 1916 г.[5]

Усадьбы переселенцев имели, как правило, форму четырехугольника и разбивались на две части: двор, в котором располагались жилище и все хозяйственные постройки, и огород с плодовым садом и нередко баней.

Жилые дома в русских поселениях различались по внешнему виду, размеру, планировке и внутренней отделке. Тип жилища зависел от экономического состояния и социальной принадлежности владельца. Для бедняцко-середняцких слоев населения характерно однокомнатное жилище с сенями или дом из двух комнат и веранды. Первая комната служила и кухней и столовой. Здесь находились русская печь с «плиткой», имеющие общий дымоход и обогревающие обе комнаты. Таким путем достигалось более полное использование топлива, очень дорогого в Средней Азии.

Следует отметить, что по приезде переселенцы строили себе временные жилища — землянки, в которых семьи ютились до тех пор, пока не накапливалась достаточная сумма для постройки

[5] См.: Обследование строительства в поселенческих поселках Сырдарьинской области. Техническая организация сельского строительства в Голодной степи Самаркандской области в 1916 г.— ЦГИА СССР в Ленинграде, Ф. 391, оп. 6, д. 169.

дома. Строились дома обычно всеми членами семьи. За недостатком леса универсальным строительным материалом служила глина, из которой приготовлялся с примесью соломы кирпич-сырец (саман).

Саманные жилища с земляной или камышовой кровлей, без фундамента и цоколя из обоженного кирпича, с глинобитным полом были характерны для большинства русских поселений Средней Азии. Однако наряду с мазанками строились, хотя и редко, деревянные дома с железными или черепичными крышами. Чаще всего это были крестовики, обшитые снаружи тесом, или трехкамерные дома (сени, кухня, горница) очень больших размеров. Строительство таких домов в безлесных областях было доступно лишь зажиточным крестьянам и кулакам.

В Голодной степи, в районе солончаковых почв, преобладали каркасные жилища, заимствованные переселенцами у местного оседлого населения. В Прииссыккулье после землетрясения 1910 г., когда глинобитные постройки развалились, переселенцы стали строить рубленые дома из сосновых или еловых горбылей[6].

О хозяйственном положении переселенческих поселков можно судить по данным ревизии К. Палена, а также статистическим обзорам областей, материалам сельскохозяйственных переписей и обследований русских поселений и т. д.

В связи с тем, что объем книги не позволяет дать полную характеристику всем русским поселениям, ограничимся данными, касающимися лишь старожильческих поселков Пишпекского уезда Семиреченской области, Ташкентского уезда Сырдарьинской и Ходжентского уезда Самаркандской областей (табл. 2).

Анализ состояния старожильческих поселков показывает, что они были хорошо обеспечены земельными угодьями и водой, имели много скота. Данные о новосельческих поселках, возникших после столыпинской аграрной реформы, дают представление о деревне иного типа. В большинстве своем жители этих сел, наспех устроенных Переселенческим управлением, влачили жалкое существование. Переселенческие участки проектировались без предварительного исследования их пригодности для водворения. В результате посевы переселенцев часто гибли от засухи, опустошались саранчой.

В пределах Ташкентского уезда к 1914 г. было создано 28 русских поселков, в том числе 10 старожильческих, образованных администрацией в 80—90-х годах прошлого века и располагавших накануне первой мировой войны в среднем 17,5 десятинами надельной земли на двор, не считая арендованной, и значительным поголовьем скота (табл. 3).

В Самаркандской области лишь в Ходжентском уезде колонизация сделала значительные успехи, связанные с началом ороси-

[6] См.: Станюкевич Т. В. Поселения и жилища русского, украинского и белорусского населения Среднеазиатских республик и Казахстана.—В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.

тельных работ в Голодной и Дальверзинской степях. Здесь насчитывалось 18 русских поселков, из них 8 старожильческих (табл. 4).

Из новосельческих русских поселений Ходжентского уезда следует отметить поселки, расположенные вблизи железнодорож-

Таблица 2*

Русские старожильческие села Пишпекского уезда

Селение	Год образования	Число дворов	Кол-во жителей	Земля в наделе, дес.	Скот	
					крупный	мелкий
Б. Токмак	1866	510	4 037	11 435	4 032	2 487
Лебединское	1868	278	2 150	4 895	2 689	533
Новотроицкое	1868	155	1 508	4 329	3 272	727
Беловодское	1868	437	4 218	5 550	6 026	3 000
Покровское	1870	115	941	4 188	935	411
Михайловское	1871	49	352	1 918	464	250
Иссыката	1882	48	450	1 160	585	425
Георгиевская	1893	181	1 621	6 357	3 080	650
Ивановское	1893	201	1 149	7 110	1 390	619
Петровское	1902	324	2 462	6 500	1 586	1 918
Архангельское	1907	200	1 466	5 799	1 885	750
Новопокровское	1907	260	2 403	7 185	1 529	1 352
Павловское	1907	151	951	3 761	1 024	347
Вознесенское	1907	135	823	2 973	448	480
Итого	—	3044	24 531	73 160	28 945	13 949

*См.: Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области (по сведениям на 1 января 1913 г.). Сост. В. Е. Недзвецкий. Верный, 1913, с. 23.

ных станций. Еще в 1897 г. около станции Голодная степь образовался поселок в несколько дворов, названный Духовским. Рядом с ним в 1906 г. был создан поселок Спасский. Накануне первой мировой войны в этих уже объединенных поселениях насчитывалось 290 дворов в 1340 жителей[7]. На их месте вырос впоследствии г. Гулистан — центр Сырдарьинской области Узбекской ССР.

В 1909 г. около станции Сырдарья возник одноименный самовольческий поселок. Рядом с ним по другую сторону железнодорожного полотна с 1914 г. начал создаваться торгово-промышленный поселок Самсоново. В годы Советской власти оба они были преобразованы в г. Сырдарью.

В семи старожильческих селах Ферганской области, образованных в конце XIX в., в 1913 г. насчитывалось 803 семьи (5415 душ обоего пола), во владении которых имелось 10 432 дес. земли, в том числе 4756,5 дес. — поливной[8].

[7] ЦГА УзССР, Ф. И-16, оп. 1, д. 352, л. 9.
[8] Статистический обзор Ферганской области за 1913 год. Скобелев, 1916.

Основная же масса переселенцев, прибывшая в Фергану самовольно, устраивалась в предгорных районах на арендованных у

Таблица 3*

Русские старожильческие поселки Ташкентского уезда

Поселок	Год образования	Число дворов	Число душ	Земля в наделе, дес.	Скот	
					крупный	мелкий
Никольское	1881	303	1 742	2 882	1 019	158
Чиназ (русский)	1884	32	184	446	135	87
Троицкое	1886	138	748	1 073	816	241
Черняев	1892	55	383	3 332	481	163
Кауфманское	1892	92	725	2 852	789	195
Богородицкое	1892	69	335	596	488	236
Успенское	1892	6	48	16	51	7
Самарское	1892	63	434	1 648	618	399
Солдатское	1894	105	673	2 728	300	500
Искандер-Волынский	1899	40	192	292	136	45
Итого	—	903	5 464	15 855	4 833	2 031

*Обзор Сырдарьинской области за 1912 год. Ташкент, 1914, с. 163—166

местного населения землях. Зоной размещения русских поселков являлись Андижанский и Ошский уезды. Здесь, как уже отмеча-

Таблица 4*

Состояние старожильческих поселков Ходжентского уезда на 1912 г.

Поселок	Год основания	Число дворов	Число душ	Число скота	Количество земли		
					орошенной	богарной	выгонной
Романовский	1886	121	647	3562	1500	—	3066
Надежденский	1885	109	553	2747	1430	2086	1915
Сретенский	1886	169	860	3062	3464	447	1203
Николаевский	1892	40	205	842	440	103	896
Нижне-Волынский	1896	90	466	728	222	222	2486
Обетованный	1896	40	245	465	122	122	300
Верхне-Волынский	1897	78	322	728	157	157	450
Конногвардейский	1898	28	130	1546	346	254	100
Итого	—	675	3 427	13 680	7 681	3 391	10 416

*Составлена автором по архивным материалам: ЦГА УзССР, Ф. И.-16. оп. 1, д. 352, л. 6—16; ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 6, д. 970, л.1—2.

лось, в 1903—1907 гг. возникло 12 самовольческих поселений. Кроме того, был образован поселок Алексеевка в Кетмен-Тюбинской долине Наманганского уезда. Правительство годами не закрепляло за самовольцами земельные участки. Лишь после издания Закона

от 19 декабря 1910 г. началбсь землеустройство самовольческих поселений и образование новых переселенческих поселков.

В 1913—1916 гг. Переселенческим управлением было создано 39 небольших поселков и 126 хуторов, которые располагались по отрогам гор, окаймляющих Ферганскую долину, густо заселенную местным населением[9]. По своему географическому положению все вновь созданные поселки Ферганского переселенческого района подразделялись на три группы:

Кугартская, к которой кроме самовольческих поселений Андижанского уезда относились семь новых поселков: Гаврилово, Любино, Семихатка, Подгорное, Петропавловское, Покровское и Чан-Абад. Они располагались вдоль дороги на Семиречье, на сравнительно небольшой высоте над уровнем моря (от 750 до 900 м). Все дома в поселках этой группы были отрубного типа, норма надела колебалась от 15 до 25 дес. на двор;

Базар-Курганская, в состав которой входили поселки: Александровка, Воздвиженское, Преображенское, Мариинское, Благодатное, Алексеевка, Шатрак (Ново-Александровка), Балканское. Поселки, разбросанные на большом пространстве в долинах и ущельях гор, состояли как правило из 8—15 дворов. Эта местность была более изрезанной и высота ее над уровнем моря равнялась 1200—1500 м. В состав надельных земель входили и крутые склоны гор, которые использовались как пастбища. Здесь переселенцы наряду с земледелием занимались скотоводством и пчеловодством;

Ирисуйская, располагавшаяся в горах выше всех остальных групп. К ней относились поселки: Архангельское, Скобелевское, Холмы, Багратионовское, Поречье, Новоселье, Черняевка, Бородинское, Бугры, Высокое, Ключи, Отрадное, Кутузовское, Гористое, Крутые Горки, Минино, Юрьево, Захарино, Медвежий Лог, Ипатьевское, Зарайское, Самсоновка, Пожарское, Смоленское и все хутора. Главным водным источником здесь являлась небольшая горная речка Ирису с многочисленными, но очень мелкими притоками. На сильно пересеченной местности заселенные участки были разбросаны мелкими клочками по 5—6 дворов. Норма надела определялась, как и в Базар-Курганском массиве, до 30 дес. на двор[10].

Экономическое положение новоселов Ферганской области было значительно хуже, чем в других областях края. Почти все новосельческие поселки не имели поливной земли. В области, согласно регистрации 1914 г., насчитывалось 580 семей совершенно неустроенных переселенцев[11].

В Закаспийской области из-за отсутствия удобных для занятия сельским хозяйством земель было образовано всего 33 небольших переселенческих поселка. Оазисы предгорий Копет-Дага и долины

---

[9] ЦГА УзССР, Ф. И-163, оп. 1, д. 27, л. 105; д. 195 л. 41 и 67.

[10] См.: Отчет заведующего водворением переселенцев в Ферганской области.—ЦГА УзССР, Ф. И-163, оп. 1, д. 27, л. 105—114.

[11] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 5, д. 1935, л. 137.

рек Амударьи, Мургаба, Теджена и Атрека были густо населены туркменами. Для проведения широкой крестьянской колонизации требовалось орошение новых земель. Однако разрабатываемые проекты по освоению пустынных пространств Закаспийской области так и остались на бумаге. Только на Мургабе были возведены ирригационные сооружения для орошения царского имения, образованного в 1887 г. близ развалин старого Мерва.

Тем не менее военно-стратегическое значение области заставило царское правительство прибегнуть к ее колонизации. Земельные участки переселенцам отводились преимущественно в пограничных с Ираном районах у предгорий Копет-Дага, где находились истоки небольших речек, ручьев, родников.

Русские поселки в Закаспийской области, которые были образованы на поливных землях, были зажиточными. Иную картину представляли поселки, расположенные в горной местности на богарных землях. Многие из них не были обеспечены водой даже для усадебных мест. Питьевую воду получали из родников или из специально построенных кяризов. В таких поселках главной отраслью хозяйства было скотоводство, широко была развита торговля молочными продуктами. Основным занятием жителей поселков Мангышлакского уезда и с. Петровского Красноводского уезда являлась рыбная ловля. В некоторых поселках переселенцы занимались виноделием, пчеловодством и извозным промыслом.

Земля для переселенцев выделялась из фонда бывших арендных земель, ранее составлявших нераздельную общественную землю, изъятую царскими властями из ведения аульных обществ.

Рассмотрев, таким образом, хозяйственное положение русских поселков Туркестанского края, можно сделать вывод, что наибольшим количеством земли располагали русские переселенцы Семиреченской и Сырдарьинской областей. По данным ревизии Палена, у переселенцев в Семиреченской области находилось 60,3% всех земель, Сырдарьинской —31,3%, в остальных трех областях (Ферганской, Самаркандской и Закаспийской) — 8,4%[12]. С 1906 по 1916 г. для переселенцев было отведено: в Семиреченской области 974 участка размером 1 481 558 дес., в Сырдарьинской и Ферганской — 1041 участок, насчитывавший 749 855 дес.[13]

Размеры земельных наделов, нарезаемых русским переселенцам, были не везде одинаковыми. Главное внимание при этом обращалось на поливные земли. Богарные же земли отводились в таком размере, как это допускал земельный простор. По этой причине наблюдалась существенная разница в размерах наделов. Так, по данным Палена, в поселках Голодной степи средний земельный надел равнялся 7 дес. на двор, в Аулиеатинском уезде —

[12] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестанском крае, с. 134.

[13] Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. VI. Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 г. Составил В. А. Тресвятский. Пг., 1918, с. 30.

около 20, в Скобелевском (Ферганском) —10,6, в Андижанском —17,5, в Ошском —20,3 дес. В поселках Ташкентского уезда за норму было принято 7 дес. удобной земли (в том числе 3,84 дес. поливной). В Закаспийской области средняя норма надела составляла 4,5—7,5 дес., но многие семьи имели по несколько наделов в зависимости от числа взрослых работников — мужчин.

Далеко не одинаковое количество земли имели различные категории сельского населения. В 1917 г. в целом по Семиречью на одну мужскую душу приходилось: у казаков около 18 дес., у старожилов —11 и у новоселов —6,7 дес. В селениях более ранних старожилов Туркестана размер хозяйства составлял от 25 до 61 дес.

Как уже отмечалось, в Тукестанском крае существовали в основном две формы землепользования: общинно-передельная и подворно-участковая (индивидуально-подворная). Преобладала общинная форма — к 1914 г. она занимала у русских поселенцев Семиречья 99,8% всей земельной площади, хутора составляли лишь 0,2%.[14]. Во всех селениях Сырдарьинской области, за исключением некоторых поселков Ташкентского уезда (Никольское, Самарское, Солдатское) и двух немецких селений (Николайпольское и Орловское) Аулиеатинского уезда, господствовала общинная форма землепользования. В большинстве земледельческих поселков Закаспийской области также существовала общинная форма. Усадебные же земли находились в подворно-наследственном пользовании, вследствие чего крестьяне распоряжались ими свободно: могли сдать в аренду или продать их.

Русские общины по своему характеру ничем не отличались от сельских общин других оседлых народов. Поэтому подробное их описание было бы излишним. Однако в русских поселениях Туркестана, как и в Западной Сибири, наблюдалась известная замкнутость общины, о чем свидетельствует большое количество неприписных крестьян из переселенцев. Крестьяне-старожилы неохотно выделяли землю новым членам сельского общества и устанавливали чрезвычайно высокую плату за «приемный приговор».

Важнейшим признаком общинной формы землепользования являлись общие периодические переделы. В большинстве селений они производились каждые 2—4 года и лишь в немногих поселках устанавливались более долгие сроки. Распределялась земля почти повсеместно по наличному числу мужских душ. Вместе с тем частые переделы земли, чересполосность, дальнеземелье, принудительный севооборот, принцип круговой поруки тяжело отражались на крестьянском хозяйстве как во внутренних губерниях России, так и на окраинах.

Подворно-участковая форма землепользования господствовала

---

[14] Майнов И. И. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. III. Семиречье. Пг., 1918, с. 36—37.

почти во всех русских поселках Самаркандской и во многих поселках Ферганской областей. Крестьяне получали участки независимо от числа мужских душ или общего числа членов семьи. Подворные участки каждого двора или каждой семьи не подлежали переделу между жителями определенного поселения и переходили в наследственное пользование. Однако и в этих селах имелись угодья, принадлежавшие всему обществу. Например, в пос. Федоровском Самаркандской области, распределив орошаемую и богарную землю между дворами, жители постановили подвергать переделам только богарные земли через каждые 6 лет. В пос. Покровском Ферганской области на двор приходилось 1 дес. усадебной и 8 дес. пахотной земли; богарные поля находились в общинном пользовании. Так же обстояло дело и в с. Успенском: здесь каждый двор имел 1 дес. усадебной и 7,5 дес. орошаемой пахотной земли, а сенокосы и богарные пашни принадлежали общине. Во всех русских поселках Ферганской области крестьяне на свои средства производили внутриразделыное размежевание. Даже сенокосы и камышовые заросли были разделены по дворам на отдельные участки[15].

Несмотря на то, что подворно-участковое пользование орошенными землями и общинное пользование прочими угодьями у крестьян-переселенцев коренных областей Туркестана было определено в ст. 9 Правил от 10 июня 1903 г., на практике это осуществлялось не всегда. При составлении «приговора» о подворном или хуторском пользовании землею водворенные переселенцы руководствовались следующими правилами: подворное и хуторское хозяйство дозволялось лишь на заполненных переселенческих участках; распределение земель должно было исходить от 2/3 домохозяев, имеющих право голоса на сходе. Эти условия не могли способствовать в достаточной степени переходу к хуторскому хозяйству и поэтому во многих старых поселках коренных областей Туркестана преобладало общинное землепользование. Многие сельские сходы отказывались изменить установившийся в их поселках общинный порядок землепользования. Они мотивировали это тем, что «земли в селениях различны по своим качествам, и во многих местах ощущается недостаток воды... При этом надо иметь в виду, что водопользование для крестьян с каждым годом становится труднее, ибо киргизы, познав выгоду землепашества, стали обрабатывать много земли, заводя себе железные плуги и приспособляясь к русской пахоте земли»[16].

Сельское хозяйство русских переселенцев было комплексным, с органическим сочетанием земледелия и скотоводства в рамках отдельной хозяйственной единицы. Основой земледелия являлось зерновое хозяйство со значительным удельным весом богарных посевов. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., у рус-

---

[15] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестанском крае, с. 266—267.
[16] Там же, с. 270—271.

ских поселенцев края имелось посевов: в Семиреченской области на поливных землях 131 744 дес. (50,8%), на богарных — 127 658 дес. (49,2%); в Сырдарьинской, соответственно, 48 766 (36,8%) и 83 451 (63,2%), в Ферганской —6 242 (19,8%) и 25 356 (80,2%); в Закаспийской —2 628 (60%) и 1 352 (40%); в Самаркандской области —13 790 дес. поливной (88,5%) и 1 792 дес. богарной (11,5%). Всего в Туркестанском крае в 1916 г. в русских хозяйствах насчитывалось 442 779 дес. посевов, из них на поливных —203 170 (45,8%) и на богарных —239 609 дес. (54,2%)[17].

Под зерновыми культурами находилось почти повсеместно, за исключением голодностепских и некоторых других поселков, более 80% пашни на поливных и почти 95% на богарных землях. В составе зерновых преобладали продовольственные культуры (пшеница, овес, ячмень и просо). Удельный вес остальных зерновых (рожь, кукуруза, джугара, кунак, гречиха, рис) и зернобобовых (маш, горох, чечевица) составлял лишь несколько процентов.

Зерновое хозяйство в зажиточных семьях носило торговый характер и поэтому являлось более интенсивным. В мелкокрестьянских хозяйствах производство зерна было направлено в основном на удовлетворение внутренних потребностей. У многих из них его не оставалось даже на посев.

Кроме зерновых, возделывались и технические культуры (хлопчатник, подсолнечник, кунжут). Из русских селений, занимавшихся выращиванием хлопчатника, необходимо выделить голодностепские поселки. С 1909 г., когда в Туркестане началась новая (первая была в 90-х годах XIX в.) «белая золотая лихорадка», переселенцы стали больше внимания уделять хлопководству. Если в 1909 г. в Голодной степи сеяли хлопчатник 9,2% хозяйств русских переселенцев, то в 1911 г.— 58%[18]. В пос. Спасском (с присоединенным к нему пос. Духовским) под его посевы было отведено 1 100 дес. из 1 839 дес., а в пос. Велико-Алексеевском —975 из 1 248 дес. К 1914 г. русские поселенцы в Голодной степи засеяли этой культурой 4 960 дес.[19]

Хлопководством занимались также русские переселенцы в Ташкентском (Богородицкое, Троицкое), Ферганском и Андижанском уездах (Русское село, Николаевское и др.) и в поселках Закаспийской области (Скобелевское, Дмитриевское). Из сельскохозяйственного обзора Туркестанского края следует, что в 1915 г. русскими хозяйствами было засеяно под хлопчатником в Сырдарьинской области 1 097 дес., в Закаспийской —442, в Ферганской — 940 и в Самаркандской области —6 865 дес., что вместе состав-

---

[17] Статистический ежегодник. 1917—1923 (под ред. Д. П. Красновского). Т. II. Ташкент, 1924 (табл. 6).

[18] Гинзбург Л. И. В. В. Бартольд и некоторые вопросы переселенческой политики царизма в Туркестане.—«Общественные науки Узбекистана», 1969, № 11.

[19] Михалева Г. М. Бартольд об освоении Голодной степи.—«Общественные науки Узбекистана», 1969, № 11.

ляло 1,8% ко всей площади, занятой под хлопчатником в крае[20].

Другие технические культуры в русских поселениях не получили существенного развития. Посевы их в 1916 г., например в Сырдарьинской области, составили лишь 1,6% всей пашни. В Семиреченской области, кроме масличных и лубяных культур, практиковались посевы хмеля, табака, и опийного мака.

Картофель и овощи (капуста, лук, огурцы, помидоры и др.) выращивались также на очень небольших площадях, преимущественно на усадебных землях, для личного пользования. Высокотоварными и интенсивными отраслями сельского хозяйства являлись садоводство и виноградарство. В 1913 г. под сады в Семиреченской области было отведено 5 970 дес. Садоводством занималось 86,3% переселенцев[21]. Виноградники были сосредоточены главным образом в юго-западных районах Туркестанского края.

Следует подчеркнуть, что культура земледелия в крае находилась на крайне низком уровне. Отсутствие какого бы то ни было севооборота, необходимого сельскохозяйственного инвентаря, а также недостаточное количество применяемых удобрений вело к быстрому истощению почв. К тому же многие хозяйства хлеб сеяли по хлебу, а плодородие почвы восстанавливали путем чередования посева с паром и оставления участка в залеж. Это была переложная (залежная) система полеводства. Такой экстенсивный характер земледелия был возможен лишь при условии наличия огромного количества земли, когда сама земля, по словам К. Маркса, «ничего не стоит возделывателю» или «стоит чрезвычайно дешево». А между тем, являясь впервые распаханной целиной, она «долгое время дает урожай, не требуя удобрения, даже при самой поверхностной обработке»[22].

Как отмечал К. Пален, «в первое время по водворении, пока земля не была еще истощена, пшеница на одном и том же месте сеялась без перерыва по 15 и более лет подряд. Потом этот хлеб сеяли всего лишь два года подряд, затем столько же раз — другие зерновые хлеба и на пятый год земле необходимо уже было давать отдых. Теперь поля в старых селениях до такой степени выпаханы, что не выдерживают более одного посева, так что каждый раз после пшеницы требуется дать отдых земле хотя бы в течение года»[23].

Отсутствие свободных общинных земель заставляло крестьян прибегать к аренде «свежих» земель у киргизов и казахов. Вложение новых капиталов в землю с целью повышения урожаев даже для кулаков было менее выгодно, чем экстенсивное расши-

[20] Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края (Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областей) за 1915 г. По данным текущей статистики. Ч. II. Ташкент, 1916, с. 87.

[21] Майнов И. И. Указ. соч., с. 62.

[22] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 223—224.

[23] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестанском крае, с. 290.

рение запашек за счет аренды или простых захватов и распашек новых земель. Насколько слабо эксплуатировалась крестьянами надельная земля, можно судить по данным обследования хозяйств русских селений. Например, в пос. Кара-Балты крестьяне, владевшие 2 024 дес. пахотной земли, в 1908 г. засеяли только 836 дес., в с. Покровском из 2 120—841, в Ровном из 437—108, в Шаповаловке из 500— только 360 дес. Крестьяне объясняли незначительные размеры посевов на надельной земле тем, что она «выпахана и засорена», «перестала родить»[24].

Однако экстенсивность земледелия была не одинакова в различных районах и в хозяйствах различных категорий. Так, в Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областях, в наиболее заселенных местах, постепенно внедрялось трехполье с удобрением полей, почти повсеместно имелись посевы люцерны, появился большой спрос на сельскохозяйственные орудия, машины и т. д. Но и здесь усиленные посевы зерновых хлебов и недостаток удобрения оказывали свое пагубное воздействие. Более того, навоз, применявшийся в качестве удобрения, в переселенческих хозяйствах находил себе другое применение: из него делали так называемый «кизяк», который использовался как топливо. Минеральные удобрения отсутствовали. Крестьянские хозяйства не знали и протравливания семян. В итоге доходность крестьянских хозяйств падала. Если первоначально урожай пшеницы доходил до 150—200 пудов с десятины, то ко времени паленовской ревизии он в среднем понизился до 60—80 пудов[25].

Техника полеводства также находилась на низком уровне. Вспашку земли производили железным плугом, большей частью однолемешным, марки Сакка, бр. Донских, Аксай. Соха применялась крайне редко. Вспахивали поле на глубину 2—4 вершка, сеяли вручную, бороновали железными или деревянными боронами с 16—20 железными четырехгранными зубьями, вколоченными в деревянную раму.

Недостаток инвентаря и тягла вынуждал крестьян обрабатывать пашню сообща или занимать плуг и тягло у богатых соседей, имевших по шесть и более плугов, за отработки.

Уход за посевами заключался в поливе орошаемых полей и выпалывании сорных трав. Норма полива не была выработана. Но *в связи с возрастающими спорами между отдельными группами* населения администрации пришлось заняться составлением особых инструкций о порядке водопользования, т. е. прежде всего устанавливалась очередность пользования водой, на крестьян налагались натуральные и денежные повинности наравне с местным населением по содержанию арычной системы.

При сборе урожая пользовались серпами и косами-литовками с грабельками, которые значительно облегчали земледельцу его

---

[24] Там же, с. 291.
[25] Там же, с. 364—371.

тяжелый труд по обеспечению скота зимними кормами. Молотили различными способами: прогоном лошадей (волов) по хлебу на току (гумно) или особыми каменными граненными катками, которые тащили за собой животные. Пара лошадей обмолачивала таким способом за день от 600 до 700 снопов. Молотьба цепами не производилась. Даже подсолнух и конопля обмолачивались простой палкой или вальком. Зерно веяли подбрасыванием лопатой на легком ветру, от сорных семян очищали путем просеивания через крупное решето и размалывали затем на водяных мельницах, которые имелись почти в каждом большом селе.

Несмотря на то, что в переселенческих хозяйствах иногда применялись и сельскохозяйственные машины (сеялки, жнейки, веялки, молотилки, триера и др.), общий уровень технического вооружения оставался все еще относительно низким. Особенно слабо были вооружены техникой хозяйства мелких и средних крестьян. Внедрению машин препятствовал мелкий характер подавляющего большинства хозяйств, «бесконечное принижение мелкого земледельца, готового «не считать» своего труда, делающего для капиталиста ручной труд более дешевым, чем машинный»[26].

Наряду с земледелием русские переселенцы занимались животноводством. Обилие пастбищных пространств способствовало развитию здесь этой отрасли хозяйства. Там, где невозможно было заниматься земледелием в силу ряда обстоятельств, занимались скотоводством[27].

Следует подчеркнуть, что переселенцам было выгоднее приобретать изделия русской промышленности за счет продажи продуктов животноводства, чем за счет продажи хлеба. Как свидетельствует В. И. Юферов, в крестьянских хозяйствах продуктивный скот давал крестьянину следующие прибыли: коровы — 12,2 руб., овцы — 3,02, свиньи — 4,26 руб. в год на одну голову[28]. Не случайно поэтому животноводство носило ярко выраженный товарный характер, особенно у зажиточных крестьян. Некоторые русские старожилы в Семиреченской области не уступали в скотоводческом деле кочевникам-казахам и киргизам. Например, в 1912—1913 гг. в Пишпекском уезде 4 377 хозяйств имели 81 759 голов скота. При этом 549 хозяйств насчитывали в среднем по 30 с лишним голов, 285 — по 66, 36 — по 123 и 6 хозяйств — по 180 голов[29].

Главными животноводческими отраслями в большинстве русских хозяйств являлись коневодство, молочное скотоводство, а

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 161.

[27] См.: Скворцов А. Е. Животноводство в Туркестане.—«Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 7, с. 449.

[28] Юферов В. И. Опыт определения нормы надела переселенцев по данным исследования селений Черняевского, Кауфманского и Константиновского Ташкентского уезда. Ташкент, 1907, с. 29.

[29] Румянцев П. П. Материалы по обследованию туземного и старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VI, Спб., 1915, с. 550—560.

также овцеводство и свиноводство. Это подтверждается структурой стад в крестьянском хозяйстве, которая представлена в следующем виде (табл. 5).

Значительное место занимает крупный рогатый скот местной и отчасти голландской, швицкой и симментальской породы не только как рабочий, но и как продуктивный. Молочнохозяйственное направление продуктивности скота получило развитие в районах, расположенных в непосредственной близости к крупным

Таблица 5*

Наличие скота в переселенческих хозяйствах в 1916 г., голов

Область	Всего	В том числе			
		лошадей	крупного рогатого скота	овец и коз	свиней
Семиреченская	803 587	128 045	273 120	330 867	71 249
Сырдарьинская	238 443	35 743	82 810	93 755	25 781
Самаркандская	16 630	3711	8155	2630	2114
Ферганская	26 132	7914	11 652	299	6246
Закаспийская	29 381	1692	6816	19 862	893
Итого	1 114 173	177 105	382 553	447 413	106 283

*Статистический ежегодник. 1917—1923 гг. Составлен под ред. Д. П. Красновского. Ташкент, 1924. Т. II, ч. III, (таблицы), с. 71—73.

городам, а также во многих старожильческих поселках, где специально занимались сыроварением и маслоделием. В каждом большом селе имелись торговцы, которые вели оптовую торговлю скотом, мясом, кожами, шкурами, скупаемыми у населения. В мелких хозяйствах животноводство носило в основном потребительский, нетоварный характер.

В большинстве русских поселений (особенно в Аулиеатинском и Чимкентском уездах Сырдарьинской области и Семиречье) занимались свиноводством. В 1916 г. более 71 тыс. свиней насчитывалось в Семиреченской области, в Аулиеатинском уезде —13 816, в Чимкентском —8 318 голов. Зимой в Ташкент прибывали оттуда транспорт с мороженой и солено-копченой свининой. Однако отдаленность от главных рынков сбыта препятствовала значительному развитию этой отрасли хозяйства в крае.

Овцеводство у переселенцев получило развитие лишь в предвоенные годы. В некоторых районах с успехом разводили мериносовых тонкорунных овец, но дело это не вышло за пределы опыта. Одним из наиболее развитых видов русского предпринимательства было товарное пчеловодство. Начавшись с нескольких колодок, поставленных русскими людьми в крае, оно развилось в товарную отрасль хозяйства многих переселенцев. Этому способствовали наличие громадных пространств, покрытых растительностью, и мягкий климат.

Подспорьем к земледельческому хозяйству явились так называемые подсобные промыслы (охота, рыбная ловля, извозный промысел). Существовали даже специальные рыболовецкие русские поселения на Мангышлакском полуострове Закаспийской области, на нижней Амударье около Аральского моря. Что касается извозного промысла, то он был характерен для многих русских селений Семиречья, расположенных вдоль Ташкентско-Семипалатинского тракта. С обозами ходили бедняки, нанимаясь к зажиточным крестьянам, которые, в свою очередь, являлись подрядчиками специальных транспортных контор.

Кустарные промыслы переселенцев находились на различных стадиях экономического развития. В большинстве случаев это была переработка сырых материалов для собственного потребления. Данный вид промышленности был неразрывно связан с земледелием.

Следует отметить, что, наряду с домашней промышленностью, в русских поселениях Туркестана в начале XX в. получила широкое распространение капиталистическая промышленность. Как подчеркивал В. И. Ленин, «первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»[30]. Если раньше ремесла являлись основной частью городского быта, то теперь они стали развиваться и в деревне. Почти в каждом населенном пункте имелись портные, сапожники, горшечники, мельники, кузнецы, слесари, столяры и другие специалисты. Число ремесленников в русских поселках определить невозможно. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. зафиксировала лишь количество хозяйств, занимающихся различными промыслами. Например, в Сырдарьинской области, включая и Голодностепский район, таких хозяйств насчитывалось 23%.

Работа на дому широко практиковалась в более совершенных промыслах, тесно связанных с производством на рынок. К ним относились ковровое, овчинное, кожевенное и скорняжное производства. В. И. Ленин рассматривал работу на дому как придаток капиталистической мануфактуры и отмечал такие ее черты, как процветание кабалы и связь с прикреплением крестьян к наделу[31].

Несмотря на то, что значение мелкой сельской промышленности в общем балансе переселенческих хозяйств было невелико, она тем не менее сыграла известную роль в экономике русских поселений. На первый взгляд вопрос о мелкой сельской промышленности, так называемой «кустарной», не имеет прямого отношения к сельскому хозяйству. Вместе с тем развитие этой промышленности дополняет картину положения крестьянства, помогает воссоздать процесс проникновения капитала в деревню и расслоения крестьянства.

---

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 329.
[31] Там же, с. 444—445.

Развитие капиталистических отношений в русских поселениях

Научная сессия Института истории АН СССР по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», проходившая в мае 1960 г., подвела итоги исследований советских ученых по аграрному вопросу и поставила перед ними задачу изучения особенностей аграрного строя и уровня развития капитализма на окраинах.

Этот вопрос изучался и продолжает изучаться в нашей исторической литературе в основном на примере кишлака, аула. На эту тему написаны монографии и отдельные статьи, ей уделяется известное внимание в исследованиях, посвященных революционной борьбе туркестанского крестьянства в деревне. Но до настоящего времени отсутствуют специальные работы по исследованию явлений капитализма в русском переселенческом хозяйстве Туркестанского края.

Основоположники марксизма-ленинизма учат, что капиталистическое хозяйство есть та высокая ступень товарного хозяйства, когда объектом купли-продажи становится рабочая сила человека. Этот факт имеет решающее значение для понимания самой капиталистической формации.

В. И. Ленин различал «зачаточный», или «деревенский», капитализм и «городской», или «новейший», т. е. вполне развитой капитализм. В условиях и «зачаточного» и «новейшего» капитализма происходит процесс буржуазного разложения крестьянства. Однако при «зачаточном» капитализме капиталистическая эксплуатация крестьянства осуществляется полукрепостническими приемами и связана с торгово-ростовщической кабалой. «Зачаточный» капитализм — это «тот же капитализм, который не развит и потому уснащен ростовщичеством... в деревне»[32]. В. И. Ленин подчеркивал, что «капитал овладевает сначала производством на старом основании, подчиняет производителя, технически отсталого»[33].

Развитой капитализм характеризуется бурным ростом товарно-денежных отношений, широкой торговлей землей и ее арендой, концентрацией производства и наемной рабочей силы в руках крупных предпринимателей, применением машин, усиленным разложением крестьянства как класса.

Следует подчеркнуть, что в пореформенный период наблюдался рост капиталистического хозяйства не только вглубь, но и вширь. Большую роль в развитии капитализма вширь сыграло переселенческое движение на окраины России. По словам В. И. Ленина, беспрерывная земледельческая колонизация приводила к «образованию новых капиталистических отношений на новой территории»[34].

[32] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 396.
[33] Там же, с. 510.
[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 563.

В переселенческом хозяйстве Туркестана была широко развита первичная, зародышевая форма капиталистических отношений. Феодальные пережитки не могли влиять на степень зрелости капиталистических отношений в деревне, поскольку здесь не было помещичьего землевладения и отработочной системы — прямого пережитка барщинного хозяйства. Основным препятствием на пути развития капитализма являлся военно-феодальный империализм. Вплоть до 1917 г. земледелие и землепользование в Средней Азии сохраняло полуфеодальный характер. Все земли края законодательно признавались собственностью государства и передавались оседлому населению в наследственное общинно-подворное владение. Государственные земли, занятые кочевым населением, предоставлялись ему в бессрочное общинное пользование на основании существующих правил землепользования. Принадлежавшие крестьянам-переселенцам земли также являлись собственностью Российского государства.

Вся политика царского правительства в Средней Азии и в первую очередь касающаяся земельного вопроса, носила отпечаток пережитков крепостничества, сохранившихся в России. Тщательно охраняя помещичье землевладение, оно всячески направляло развитие сельского хозяйства по прусскому реакционно-юнкерскому пути не только в России, но и на национальных окраинах. В. И. Ленин отмечал, что чиновничество всюду вмешивалось и всюду мешало свободному устройству, внося яд крепостнического бюрократизма Центральной России и в окраинную Россию. В этих условиях оказались весьма живучими и насаждавшиеся царизмом общинные порядки в русских поселках Туркестанского края. Попытки администрации создать хутора и отруба, как известно, не имели большого успеха.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Туркестана тормозили неопределенность юридического оформления землепользования, трудности землеустройства и земельных работ, неспособность царского правительства решать коренные вопросы водного хозяйства и орошения новых земель. На состояние сельского хозяйства окраин отрицательно влияли также недостаточно развитая сеть путей сообщения, слабое развитие городов и промышленности, трудности сбыта и распространение кабальных форм зависимости крестьянства, налоговый гнет и бесправие основной массы населения.

Однако было бы неверно переоценивать силу и значение полуфеодальных пережитков в переселенческом хозяйстве Туркестанского края. Не владея землей как объектом собственности, крестьянские семьи фактически владели ею как объектом хозяйства. Крестьяне нередко обменивали между собой участки, продавали или отдавали их в аренду и т. д. Они также имели возможность совершать с местным населением торговые сделки по аренде и продаже земли в порядке капиталистической мобилизации земельной собственности.

Отсутствие помещичьего хозяйства и наличие больших запасов удобных для сельского хозяйства земельных массивов способствовали развитию капиталистических отношений в русской деревне в Туркестанском крае. Крестьянин-переселенец, говоря словами В. И. Ленина, был «несравненно самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен»[35].

Сравнительно быстрое развитие капиталистических отношений в переселенческой деревне зависело в немалой степени и от строительства железных дорог, проникновения в Среднюю Азию финансового капитала, наличия дешевой рабочей силы в лице разорявшегося местного и переселенческого крестьянства.

Необходимо подчеркнуть, что одним из показателей роста сельскохозяйственного капитализма является развитие торгового предпринимательского земледелия. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывал, что «рост торгового земледелия создает внутренний рынок для капитализма»[36], а как первый шаг на пути формирования рынка — специализацию земледелия, которая «вызывает обмен между различными земледельческими районами, между различными земледельческими хозяйствами, между различными земледельческими продуктами»[37].

Русские переселенческие хозяйства Туркестанского края специализировались в основном на производстве хлеба. Преобладающей монорыночной культурой была пшеница. Почти повсеместно, за исключением голодностепских и некоторых других поселков, под зерновыми культурами находилось более 80% поливных и около 95% богарных земель.

Хлеб не только как продукт питания, но и как продукт сбыта начинает занимать важное место в экономическом балансе переселенцев. Наибольшее количество зерна на продажу производили переселенческие хозяйства Семиреченской и Сырдарьинской областей. Об этом свидетельствуют ежегодные областные сельскохозяйственные обзоры. С каждым годом количество предназначенного для продажи хлеба возрастало (за исключением голодных лет) несравненно быстрее, чем все количество производимого хлеба. В 1915 г. в Семиречье, например, размеры излишков на одного человека исчислялись: у казаков — 40,7, у крестьян-переселенцев —22,5 пуда[38].

В. И. Ленин писал: «Широкое развитие торговых посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны — европейскими странами, ввозящими зерно. Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земле-

---

[35] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 89.
[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 309.
[37] Там же.
[38] Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1915 г. Верный, 1916, с. 17.

делия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого»[39].

На развитие товарного земледелия известное влияние оказывал рынок сбыта, который был не одинаков в различных районах края. Сельское хозяйство с развитыми капиталистическими отношениями охватило районы, прилегающие к железной дороге, к крупным торговым центрам. Но постепенно рыночные отношения стали проникать в самые отдаленные места Туркестана, превращая полунатуральное хозяйство в мелкотоварное. На его базе неизбежно развивались капиталистические отношения. «Развитие мелкого хозяйства, — указывал В. И. Ленин, — есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое, раз имеется обмен; это — бесспорная истина, азбучная истина политической экономии»[40].

О росте мелкотоварного производства в сельском переселенческом хозяйстве свидетельствует широкое развитие товарно-денежных отношений. Всего на территории Туркестана в 1917 г. насчитывалось 476 «базарных районов». Из них в Ферганской области — 210, в Сырдарьинской — 66, в Самаркандской — 70, в Закаспийской —67, в Семиреченской —47 и 6— в Амударьинском отделе[41]. Сбывались продукты и на ярмарках. Развивалась и разъездно-меновая торговля, находившаяся преимущественно в руках скупщиков-ростовщиков. В хлопковые районы Средней Азии хлеб привозили не только из ближних предгорных поселений, но и из Чимкентского и Аулиеатинского уездов Сырдарьинской и даже из Семиреченской областей. Ташкентско-Верненский почтовый тракт являлся крупным торговым путем, по которому постоянно двигались обозы с хлебом из Семиречья, обратно — с мануфактурой, металлическими изделиями и прочими товарами.

По мере проникновения в край русского торгового капитала ярмарки и торги постепенно уступили место стационарной торговле, производившейся через оптовые склады, магазины, лавки, скупочные пункты. Однако торговля переплеталась с ростовщичеством и, представляя уродливые формы, служила одним из способов угнетения и закабаления беднейшего крестьянства торговцами, ростовщиками, кулаками и приводила к его обнищанию и пролетаризации.

Кабала охватывала не только область товарного обращения, но и земледельческое производство. Сбыт крестьянской продукции и кредит являлись главными сферами торгово-ростовщического капитала. Учитывая трудности сбыта и острую потребность крестьян в деньгах, торговцы, ростовщики, кулаки покупали у крестьян сельскохозяйственные продукты в два — три раза дешевле или ссужали их деньгами из расчета до 25% и более годовых.

[39] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 253.
[40] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 221.
[41] Вся Средняя Азия. Справочная книга на 1926 хозяйственный год. Ташкент, 1926, с. 222.

Заем на таких тягостных условиях запутывал крестьян, отдавая их всецело в руки кредиторов.

В. И. Ленин, указывая, что ростовщичество отрицательно влияет на развитие капитализма, вместе с тем подчеркивал, что торговый и ростовщический капитал при соответствующих условиях разлагает старый способ производства, ведет к новым капиталистическим отношениям, хотя ни торговый, ни ростовщический капитал не составляют достаточных условий для возникновения производственного капитала. Анализируя положение в русской деревне, В. И. Ленин приходит к выводу, что торговый капитал, несмотря на широко развитые ростовщические операции, не ограничивается только кабалой, а устремляется также к земледелию (покупка и аренда земли, улучшение инвентаря, наем рабочих и т. д.), способствуя тем самым дифференциации крестьянства[42].

Необходимо, однако, подчеркнуть, что самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала сдерживало развитие капитализма в сельском хозяйстве. Только в острой, хотя и не антагонистической, борьбе с торгово-ростовщическим капиталом утверждались развитые формы капитализма в переселенческой деревне.

Вытеснение ростовщического капитала из сферы кредитно-денежных отношений в деревне началось гораздо позже, чем в других областях хозяйства. Этот процесс усилился в период империализма, характерными чертами которого является господство монополий и финансового капитала. Наглядным примером перехода к капиталистической форме кредита в деревне было распространение в Туркестане кредитных товариществ и ссудно-сберегательных касс, работавших почти исключительно на средства Государственного банка.

Учреждения мелкого кредита в Туркестане начали возникать с 1907 г. Но, несмотря на значительный рост самих товариществ и их оборотных средств, они не могли решить проблемы обеспечения крестьян сколько-нибудь дешевым и достаточным количеством средств[43].

Кредитные учреждения предоставляли ссуду главным образом кулакам и сельским предпринимателям; для них мелкий кредит являлся прогрессивной формой капиталистического кредита. Кредитные товарищества сбывали часть излишков крестьянского хлеба, подрывая тем самым монополию ростовщика и скупщика в деревне. Тем не менее для бедноты и середняков вплоть до Октябрьской революции денежные средства ростовщиков оставались основным источником займов.

С развитием товарно-денежных отношений складывается новая форма землевладения — капиталистическая. Вместе с тем запутанность в вопросах землевладения и землепользования в Средней

[42] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 178.

[43] См.: Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1959, с. 232—242.

Азии не могла способствовать быстрому и свободному развитию капитализма в сельском хозяйстве. Но, как указывал В. И. Ленин, для возникновения капитализма в сельском хозяйстве не нужна какая-то особая форма землевладения. Капитализм возникает и развивается при той форме землевладения, которая в данной стране, в данное время существует. Буржуазная собственность на землю складывается в основном через ее куплю-продажу. Сама земля превращается в товар. В. И. Ленин подчеркивал, что с развитием капитализма в сельском хозяйстве крупное землевладение образуется из купленных земель, а не из жалованных или наследственных, как это было при феодализме[44].

Согласно действовавшему в то время законодательству, запрещалась продажа и сдача в аренду земли местного населения и наделов крестьян-переселенцев, поскольку и те и другие считались государственной собственностью. Лишая население прав собственности на землю и внедряя общинные формы землепользования, царизм несколько тормозил развитие капиталистических отношений в крае. Тем не менее продажа земли и особенно сдача ее в аренду широко практиковались. Никакие юридические формальности не могли остановить капиталистическую мобилизацию земельной собственности. Что же касается наличия общинного землепользования, то по этому поводу В. И. Ленин писал: «Вопреки теориям, господствовавшим у нас в последние полвека, русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его»[45].

Статистических данных о размере продажи и покупки земли по краю не имеется. Однако о степени развития этого явления можно судить по данным ревизии К. Палена. Так, из 6,7 тыс.. обследованных крестьянских хозяйств в различных районах Туркестана в течение первого десятилетия XX в. 21% крестьян покупали и продавали землю.

Большое распространение продажа и сдача земли в аренду кочевниками получила в 80-е годы XIX в. Пален отмечал: «переходы земель путем купли-продажи всегда существовали в крае. На это указывает обилие у туземцев так называемых «васик», т. е. актов, совершаемых у народных судей на переуступку земель»[46].

Быстро переходили из рук в руки и земельные наделы переселенцев. «Перепродажа отведенных им участков составляет в Туркестане явление широко распространенное»,— писал Пален. Например, в с. Русском Ферганской области из 200 водворенных хозяев половина продала свои участки новым переселенцам, в с. Богородицком Ташкентского уезда из 60 дворов—47 хозяев, в с. Черняевском из 52—11 и т. д. При этом переходящие из рук в руки

[44] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 310.
[45] Там же, с. 165.
[46] Пален К. К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, отд. 1. Спб., 1911, с. 18.

наделы меняли своих хозяев до 3—5 раз. Официально такие сделки носили характер продажи усадебных построек на снос.

Арендаторами земельных участков являлись, за небольшим исключением, все русские поселки края. Сдавались в аренду и арендовались все виды сельскохозяйственных угодий: пашня, залежь, сенокосы. Основную часть переселенческие хозяйства арендовали у казахских и киргизских обществ. Благоприятные условия для развития арендных отношений сложились в Семиреченской области. По сведениям экспедиции Румянцева, старожильческие поселки Семиречья в 1910—1913 гг. арендовали 49473 дес., в том числе 28634 дес. — у кочевников. Русскими хозяйствами Пишпекского уезда из 20,6 тыс. дес. пашни 14,8 тыс. арендовались у киргизов, 4,2 тыс. — в своем обществе и 1,6 тыс. дес. — в соседних обществах. В Пржевальском уезде из 5 716 дес., соответственно, 2 591, 1 114 и 2 012 дес.[47]

В коренных областях Туркестана арендные отношения получили широкое развитие лишь с 1905 г., когда распоряжением туркестанского генерал-губернатора кочевникам было предоставлено право сдавать землю в аренду, а переселенцам арендовать ее сроком не более 3 лет по 2 дес. на душу. Однако все условия дозволенной аренды игнорировались, арендные сделки, как отмечала ревизия Палена, совершались «не в разрешенных размерах, и по несколько сот десятин одному лицу»[48].

Из трех коренных областей края арендные отношения наибольшее развитие получили в Сырдарьинской области, где местное население, состоявшее преимущественно из кочевых казахов и киргизов, сдавало в аренду в основном богарные земли. По сельскохозяйственной переписи 1917 г., 5590 переселенческих хозяйств области арендовали 96915 дес. земли. В Аулиеатинском уезде крестьяне-переселенцы засевали на арендованной земле более 33 тыс. дес. В Чимкентском уезде прибегало к аренде казахских земель 44% русских хозяйств, в Ташкентском —745 семей арендовали 18 056 дес.[49]

В Ферганской области переселенцы арендовали землю у киргизов в основном в предгорной части. Так, в с. Покровском было арендовано 2670 дес., в пос. Благовещенском около 50 хозяйств арендовали по 4—5 дес. земли у киргизов Кугартской волости. В с. Спасском зажиточные хозяйства арендовали по 30 дес. В Русском селе к аренде не прибегали лишь малосемейные дворы. В с. Успенском арендовали землю более половины хозяйств, в с. Рождественском все семьи арендовали в ур. Кара-Тюбе по 8—10 дес.[50]

---

[47] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и обработанные под руководством П. П. Румянцева. СПб., 1916, т. VI. с. 566—570, 732—735, 738—742.

[48] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестанском крае, с. 302.

[49] Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. 3. Самарканд, 1925 (табл. 1а).

[50] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестанском крае, с. 313—314.

Следует подчеркнуть, что земли арендовали в основном зажиточные крестьяне, а некоторые кулацкие хозяйства — сразу целыми участками. Например, в Пишпекском уезде старожилы с. Беловодского в 1908 г. арендовали 2280 дес., Покровского —2000, Николаевского —1320, Ивановского — около 700 дес.[51]

Для крупных эксплуататорских хозяйств, производивших продукцию на рынок, аренда была выгодна благодаря ее дешевизне. По данным Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ, в 1914 г. плата за 1 дес. пахотной земли не превышала 5, а сенокосов — 3 руб. Эти средние ставки были значительно ниже, чем в Европейской России. Причем за аренду большого количества земли плата за десятину уменьшалась. Кулаки, арендовавшие землю, затем передавали ее в аренду прибывшим переселенцам.

Крестьяне-самовольцы также входили в «незаконные» сделки с казахами и киргизами. Но это была в основном не предпринимательская, а продовольственная аренда. В первое время здесь практиковалась даже испольная аренда. Суть ее состояла в том, что крестьяне обрабатывали киргизские земли своим инвентарем и засевали их собственными семенами; ухаживали за посевом, поливали, косили хлеба и складывали их в скирды киргизы, обмолот производили опять крестьяне-переселенцы. Урожай делили пополам.

Таким образом, значительное количество земли переходило от местного населения к русским переселенцам и частным землевладельцам в порядке капиталистической мобилизации земельной собственности.

Торговля землей и ее аренда способствовали постепенной концентрации землепользования. Процесс концентрации земли с некоторыми различиями, определенным характером хозяйства, степенью вовлечения его в капиталистические отношения происходил у всех народов Средней Азии, в том числе у русских переселенцев.

О росте крупного землепользования в старожильческих селах Семиречья можно судить по данным, собранным экспедицией Румянцева в 1912—1913 гг. Из 2185 учтенных хозяйств в 9 селениях Пржевальского уезда 74,6% имели от 18,7 до 155,3 дес. пахотной земли, 71 хозяйство (3,3%) — по 345,3 дес., а 4 хозяйства (0,2%) — по 971,9 дес. Вместе с тем 479 хозяйств (21,9%) владели участками в 2,18 дес. В 17 селениях Пишпекского уезда было учтено 4387 хозяйств, из них 53,4% владели пахотными землями от 8,96 до 150 дес., 37,1% — от 0,14 до 0,22 дес. земли, 9,5% хозяйств располагали участками в среднем 5,17 дес.[52]

Концентрация земли происходила главным образом за счет

---

[51] Там же, с. 155—156.

[52] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и земледелия в Семиреченской области, собранные и обработанные. П. П. Румянцевым, т. VIII. Вып. 1, с. 722, 780; т. VI, с. 550—572.

арендованной земли. Широкие размеры аренда приняла в связи с развитием торгового земледелия. Но аренда и купля не играли решающей роли в переселенческих хозяйствах Туркестана. Капиталистическое земледелие здесь не стало господствующей формой сельскохозяйственного производства. Основу крестьянского землепользования составлял государственный надел, за право пользования которым крестьянин вносил оброчную и другую подати.

Развитию капитализма в сельском хозяйстве способствовало применение машин. В. И. Ленин писал, что «с одной стороны, именно капитализм является фактором, вызывающим и расширяющим употребление машин в сельском хозяйстве; с другой стороны, применение машин к земледелию носит капиталистический характер, т. е. ведет к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их»[53].

Однако машинная обработка земли в крае внедрялась довольно медленно. Первые склады сельскохозяйственных машин стали появляться в начале 90-х годов XIX в. До 1917 г. машинный сев и обработка земли находились в стадии опытов. В 1914 г. в крае насчитывалось более 100 складов и пунктов продажи машин, функционировало 37 машинопрокатных и зерноочистительных пунктов, из них в Семиреченской —10, Самаркандской — 10, Ферганской — 8, Сырдарьинской — 6, в Закаспийской области — 3.

Главными покупателями сельскохозяйственных орудий и машин являлись русские переселенцы. Только в 1915 г. в Семиреченской области их было продано: переселенцам на 81562 руб. (74,01%), казакам — на 30228 (14,73%), местному населению — на 1381 (3,02%), прочим лицам — на 9262 руб (8,24%). Общая сумма составила 122 433 руб.[54]

Но, несмотря на такое, казалось бы, широкое применение техники, оснащенность машинами переселенческих хозяйств, не говоря уже о сельском хозяйстве Туркестана в целом, все еще оставалась очень низкой. По данным Всероссийской переписи 1917 г., многие крестьянские хозяйства не имели не только машин, но даже плуга, самого необходимого из всех орудий. Некоторые дворы пользовались омачами. Что касается сеялок и косилок, то они были единичны на целые деревни и главным образом в старожильческих зажиточных селениях. Так, в Самаркандской области на 160 переселенческих хозяйств в 1917г. приходилось 140 плугов, 2 сеялки, 37 жнеек и косилок, 60 веялок[55]. В Закаспийской области Асхабадский сельскохозяйственный склад за 1907—1911 гг. смог реализовать населению области только 177 плугов, 37 борон

---

[53] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 223.

[54] Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1915 г. Верный, 1916, с. 89.

[55] Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. 1. Ташкент, 1924, с. 47.

и культиваторов, 61 сеялку, 50 сенокосилок с граблями, 80 сепараторов[56].

В силу ряда причин (непомерная дороговизна машин при крайней дешевизне хлеба, раздробленность земельных участков, наличие дешевых рабочих рук и т. д.) машинная обработка вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции не получила распространения. К. Маркс, открывший закон капиталистического применения машин, писал, что капиталист вводит какую-либо машину в тех случаях, когда ее цена меньше заработной платы рабочих, вытесняемых машиной[57]. Капиталист-кулак был почти не заинтересован в замене дорогой машины дешевой рабочей силой. В конечном счете технический прогресс в сельском хозяйстве тормозился всей системой колониальной эксплуатации.

Перейдем теперь к главному проявлению земледельческого капитализма — употреблению вольнонаемного труда. В. И. Ленин подчеркивал, что степень распространения наемного труда при капитализме имеет «едва ли не наибольшее значение»[58].

В литературе нет точных данных, указывающих на количество нанимающейся рабочей силы и на условия найма в Туркестанском крае. Материалы переписи 1917 г. не фиксируют число хозяйств, прибегающих к найму рабочих. Подсчитано только количество наемных годовых и сроковых рабочих. Например, на каждые 100 хозяйств приходилось годовых и сроковых рабочих: в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области —20, в Чимкентском —14, Ташкентском уезде — 26[59].

Наиболее емким потребителем наемного труда являлись старожильческие русские хозяйства. Так, в Чимкентском уезде Сырдарьинской области 80,8% хозяйств использовали наемную рабочую силу, в Семиреченской области — 54,2%[60]. В обследованных в 1913 г. 119 русских новосельческих селениях Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей 32% хозяйств пользовались наемным трудом[61].

Необходимо заметить, что в Семиречье по сравнению с Сырдарьинской областью наем рабочей силы был развит значительно слабее. «Это объясняется тем, — писал П. Г. Галузо, — что и обнищание местного крестьянства здесь (в Семиреченской области. — *А. Ф.*) было выражено слабее, и состояние хлебного рынка было хуже, чем в Сырдарьинской области (большая отдаленность от железной дороги. — *А. Ф.*). Семиреченский кулак-пересе-

---

[56] Обзор Закаспийской области за 1911 г. Асхабад, 1915, с. 140.

[57] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 404.

[58] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 581.

[59] Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. 3. Самарканд, 1925 (табл. 1а).

[60] Скрыплев П. А. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. II. Русские селения в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1909 (табл.).

[61] Яшнов Е. Колонизация Туркестана за последние годы.—«Вопросы колонизации», 1915, № 18, с. 145.

ленец за невозможностью выгодно сбывать на рынок продукцию своего хозяйства — хлеб, больше, чем кулак сырдарьинский, применял полуфеодальные методы эксплуатации трудового крестьянства и ростовщичество, наряду с эсплуатацией наемного труда»[62].

Пользовались наемным трудом главным образом кулаки и зажиточные крестьяне. В старожильческих русских поселках Чимкентского уезда батраков нанимали от 90,7 до 97,8% указанных хозяйств[63]; в трех поселках Ташкентского уезда к найму прибегали до 74% дворов[64];в северной Киргизии —64%. Здесь в 1913 г. было занято в старожильческих хозяйствах 33 250 поденщиков[65].

Даже среднее крестьянство и бедняки нанимали, хотя и в небольшом количестве, рабочую силу для сельскохозяйственных работ. Объясняется это тем, что крестьянину было выгодно уйти самому на промыслы, даже в страдную пору, а дома вместо себя «поднанять» казаха или киргиза. Но наем этот не являлся капиталистическим.

Во всех русских деревнях применялся вольнонаемный труд: нанимали от 2 до 8 рабочих, иногда и до 20 человек на семейство. Преобладал наем годовых и сроковых рабочих. Работниками были большей частью люди местных национальностей и обедневшие русские крестьяне.

Наряду с капиталистическим наймом в переселенческих хозяйствах применялись также и полуфеодальные методы эксплуатации. Распространенным видом некапиталистической эксплуатации являлась издольная аренда земель. Особенность издольщины и отработок в Туркестанском крае заключалась в том, что здесь они не были связаны с помещичьим хозяйством. Безземельная и малоземельная беднота, лишенная денежных средств, вынуждена была арендовать землю у кулаков на кабальных условиях и платила за это частью своего урожая и отработками в кулацком хозяйстве.

Резервную армию труда составляли все бедняцкие, бесскотные, малоскотные и малопосевные хозяйства. По данным специального обследования русских поселений, произведенного в начале 1912 г., число безземельных русских крестьян достигло 50 тыс. душ[66].

К 1917 г. в отхожих и местных промыслах ежегодно принимало участие от 28 (Самаркандская область) до 54% (Семиреченская область) русских хозяйств. Огромная армия наемных рабочих

---

[62] Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, с. 263—264.

[63] Скрыплев П. А. Указ раб. (табл.).

[64] Юферев В. Н. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. I. Опыт определения нормы надела переселенцев по данным исследования селений Черняевского, Кауфманского и Константиновского Ташкентского уезда. Ташкент, 1907, с. 26.

[65] Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959, с. 33, 42.

[66] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 4, д. 2145, л. 374.

ежегодно отвлекалась от земледелия. В поисках хороших заработков крестьяне растекались по необозримым просторам Туркестанского края: их можно было видеть на фабрично-заводских предприятиях городов, на строительстве ирригационных сооружений, в железнодорожных мастерских, на рыбных и других промыслах. По данным «Обзоров» областей, на 1 января 1913 г. посторонних, временно проживающих в городах и казачьих стани-

Таблица 6

Динамика имущественного и классового расслоения переселенческих хозяйств Семиреченской области

Группа хозяйств по площади посева, дес.	Число хозяйств			Население обоего пола, чел.		
	всего	из них		всего	из них	
		русских	нерусских		русских	нерусских
I—беспосевные	3 322	2 204	1 118	15 316	10 640	4 676
II—до 3 дес.	1 476	1 320	156	7 297	6456	841
III—3—5	1 170	1 103	67	6 483	6089	394
IV—5—10	2 394	2 347	47	15 960	15 664	296
V—10—15	1 548	1 535	13	12 602	12 507	95
VI—15—25	1 418	1 406	12	13 281	13 200	81
VII—25—50	571	562	9	6 832	6 779	53
VIII—50—100	54	50	4	754	727	27
IX—свыше 100	6	4	2	66	46	20
Итого	11 959	10 531	1 428	78 591	72 108	6 483

цах в Семиреченской области насчитывалось 14 740 чел., в Сырдарьинской — 49 435 чел.

В. И. Ленин подчеркивал, что отвлечение населения от земледелия в города и неземледельческий отход представляли явление прогрессивное. Все эти процессы «являются необходимой составной частью капиталистического развития и имеют глубоко прогрессивное значение по отношению к старым формам жизни»[67].

Развитие капитализма в сельском хозяйстве неизбежно сопровождалось обострением экономических противоречий в деревне, совокупность которых В. И. Ленин назвал «разложением крестьянства»[68].

Отсутствие необходимых сведений не позволяет достаточно полно показать динамику имущественного и классового расслоения переселенцев. В нашем распоряжении имеются лишь отдельные данные по группам старожильческих хозяйств Семиреченской области, собранные и обработанные П. Румянцевым (табл. 6).

Распределение земли между указанными группами хозяйств представляет картину непримиримого антагонизма. Посевная площадь бедняцких хозяйств (несеющих и сеющих до 5 дес.) —

[67] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 581.
[68] Там же, с. 165.

почти половина всех хозяйств — не могла идти ни в какое сравнение с посевами зажиточных дворов (VII, VIII, IX групп). Первые сосредоточивали в своих руках лишь 16,66% земельной площади и, конечно, не могли удовлетворить за счет своего хозяйства даже основных потребностей, вторые, — напротив, значительную часть продукции реализовывали на рынке. Особенно ярко проявляется в общем землепользовании неоднородность хозяйств середняцкой группы. К ней относятся V и отчасти VI группы, IV группа больше тяготела к бедняцким хозяйствам, часть VI — к зажиточным.

Результаты анализа землепользования показывают, что в среде переселенческого хозяйства в основном выделялись три группы хозяйств. Бедняцкие хозяйства, по существу, были вне сельскохозяйственного производства. Часть из них тяготилась своей землей и предпочитала сдать ее в аренду, лишь бы получить какой-либо доход. Из всех хозяйств I—III групп 68,28% занимались дополнительными промыслами, 2660 чел. являлись сельскохозяйственными рабочими, 377 работали в промышленности, 2082 были кустарями-ремесленниками. Середняцкая группа крестьян стремилась концентрировать в своих руках основную часть земли, но ее позиции были непрочны. Что касается зажиточных и кулацких хозяйств (VI—IX группы), составляющих 17,1%, то они владели огромными площадями пахотной земли, имели 122 939 голов скота (в среднем по 60 голов на хозяйство), нанимали 2233 рабочих, из них 1151 годовых[69].

Такое же явление наблюдалось и в других областях и уездах края. В нашем распоряжении имеются материалы статистического обследования 4183 хозяйств в 119 новых поселках пяти уездов Туркестанского края (Аулиеатинского, Чимкентского, Ташкентского, Перовского и Андижанского), которые дают возможность сделать определенные выводы о социальном расслоении среди переселенцев-новоселов[70]. 14,8% хозяйств имели более 16 дес. надельной земли, не считая арендуемой. Среди этой группы имелось более 40% (259), засевавших от 20 до 30 дес. земли, и около 30% (172 хозяйства), имевших свыше 30 дес. посевов. Они в больших размерах пользовались наемным трудом.

У зажиточных крестьян насчитывалось по 5 и более лошадей, 7—8 коров и они в бо́льших размерах пользовались сельскохозяйственными орудиями. Что касается хозяйств, прибегающих к промыслам, то следует заметить, что среди крестьянских «промышленников» обычно преобладали наемные рабочие; для беднейших хозяйств промыслы являлись важным источником существо-

---

[69] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого *хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VI. Русские старо*жильческие селения Лепсинского, Капальского, Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов. Пг., 1915, с. 758—769.

[70] См.: Яшнов Е. Колонизация Туркестана за последние годы.—«Вопросы колонизации», 1915, № 18, с. 145.

вания, для зажиточных — лишь необходимым дополнением к доходам от сельского хозяйства.

В отличие от старожильческих поселков в новосельческих селениях преобладала беднота. Процент кулачества был незначителен. Так, в 1912 г. из 1094 хозяйств Пишпекского уезда бедняцких было 832, середняцких — 254 и 8— кулацких[71].

Зачастую целые русские поселения состояли преимущественно из бедноты и находились в тяжелом положении. В подавляющем большинстве новосельческих поселков края, как правило, не было хозяйств, засевавших более 15 дес. и имевших 1—2 головы рабочего скота. Аренда земли была ничтожна, наем рабочей силы почти отсутствовал. Промышленных и торговых предприятий (лавки) насчитывались единицы.

О тяжелом положении бедноты русских поселков Ферганской и Закаспийской областей указывается в донесениях царских чиновников. В 1909 г. Ферганский губернатор жаловался на поведение «пришлого из внутренних губерний беспокойного, крайне самовольного элемента». И это не случайно. Больше половины хозяйств русских поселенцев Ферганской области влачило жалкое существование. О безотрадном положении русских поселков Закаспия сообщалось в «Обзоре Закаспийской области за 1911 г.» В этих поселках имелись и кулацкие хозяйства, специализировавшиеся главным образом на производстве молока и масла.

О классовом расслоении русского переселенческого крестьянства Туркестанского края свидетельствуют нижеприводимые данные по уездам Сырдарьинской области, составленные на основе сельскохозяйственной переписи 1917 г., % к числу наличных крестьянских хозяйств:

Уезд	*Беззе-мельных*	*Без посе-вов*	*Без вся-кого ско-та*	*Без ра-бочего скота*	*Беско-ровных*	*С про-мысла-ми*
Аулиеатинский	13.0	13.8	13,5	24,5	21,1	23,8
Чимкентский	7,5	13,3	10.9	22,5	16.9	18.3
Ташкентский	18.8	32,8	17,2	33,5	27,5	43.8
Голодностепский	13.4	10,1	13.9	21,8	26,7	11,2
Всего	12.0	17,3	13.5	25,1	22,0	23,0

Примерно такая же картина наблюдалась и в других уездах Туркестанского края.

Как и в Европейской России, крестьянская беднота в переселенческой деревне Туркестанского края состояла из сельскохозяйственного пролетариата, или наемных рабочих, полупролетариев, или парцельных крестьян, и мелких малоимущих крестьян-земледельцев. В. И. Ленин в работе «Первоначальный набросок по аграрному вопросу»[72], отмечая все эти три группы

[71] Зима А. Г. Указ. соч., с. 43.
[72] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 170—173.

крестьян, объединил их общим понятием «трудящиеся и эксплуатируемые массы в деревне».

Четвертую группу деревенского населения, по ленинскому определению, составляло среднее крестьянство. Середняки имели на правах собственности или аренды также небольшие участки земли, обработка которых в условиях капитализма давала им возможность не только содержать семью, но и получать иногда известный излишек, способный в лучшие годы превращаться в капитал. Они нередко прибегали к найму рабочей силы. В Туркестанском крае середняки имели довольно большой удельный вес. На их долю приходилось более 1/3 всей посевной площади и примерно такая же часть поголовья скота, машин и наемных рабочих. Они стремились как можно больше средств вложить в свое хозяйство, но возможности их в этом отношении были ограничены. Лишь немногим удавалось осуществить свои намерения. Середняцкие хозяйства, особенно в неурожайные годы, не могли свести концы с концами. Образовавшийся дефицит восполнялся доходами от промыслов. Середняки, как и беднота, страдали «от ростовщичества, гнета податей, от нерациональности своего хозяйства, от истощения почвы, от чрезмерной работы и от недостаточного потребления»[73].

К высшей группе крестьянства относились зажиточные крестьяне и кулачество. «Крупным крестьянством, — пишет В. И. Ленин, — являются капиталистические предприниматели в земледелии, хозяйничающие по общему правилу с несколькими наемными рабочими, связанные с «крестьянством» лишь невысоким культурным уровнем, обиходом жизни, личной физической работой в своем хозяйстве»[74]. Концентрируя значительную часть посева, скота, машин, иногда и торгово-промышленные предприятия по переработке продукции и их сбыту, кулаки производили основную часть товарной продукции, присваивая большое количество прибавочного труда русского и местного беднейшего крестьянства.

Следовательно, крестьянство значительно расслоилось. Из его среды выделились классы буржуазного общества — сельскохозяйственная буржуазия (кулачество) и пролетариат. В Туркестане особенностью формирующейся сельской буржуазии было то, что кулак здесь не являлся капиталистом в полном смысле этого слова. Наряду с эксплуатацией вольнонаемного труда он применял полуфеодальные методы эксплуатации трудового крестьянства и ростовщичество. Такой тип кулака вырос в обстановке колониальной эксплуатации края, господства торгово-ростовщической эксплуатации.

Рядом с буржуазией оформлялся ее антипод — сельскохозяйственный пролетариат. В его состав входило неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельные и бесскот-

---

[73] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 92.
[74] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 174—175.

ные. Но самой распространенной фигурой этого класса в Туркестанском крае был пролетариат с наделом. Даже чины царской администрации признавали, что экономическое положение малопосевных крестьян было намного хуже «свободных» пролетариев. Собственное хозяйство таких крестьян приносило лишь убытки. В каких бы красках не рисовали некоторые историки успехи развития капитализма в земледелии в изучаемый период, факты свидетельствуют, что он был далек от своей полной победы. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции в переселенческой деревне выделялись три уклада: капиталистический, мелкотоварный и полупролетарский. Что касается патриархальных отношений, то в господствующем виде они нигде не прослеживаются.

Капиталистический уклад, захватывая ведущие позиции в экономике деревни, тем не менее продолжал уступать первенство мелкотоварному укладу. С полупролетарским укладом были связаны судьбы не менее 2/5 крестьянских дворов. Но место его в экономике деревни было незначительно.

В отличие от стран развитого капитализма в силу особых черт общественного строя в Туркестанском крае темпы «раскрестьянивания» были замедленными. Элементы развитого капитализма сочетались здесь с элементами первичных капиталистических отношений в виде различных форм кабалы, а также с остатками патриархальщины в сельском хозяйстве. Это сдерживало углубление капитализма и разложение крестьянства как класса. Первоначальное накопление, т. е. отделение непосредственных производителей от средств производства, здесь так и не было завершено. Кулацкие хозяйства в массе своей не превратились в хозяйства предпринимательского капиталистического типа.

Из вышеприведенных данных вполне отчетливо видны оба типа эволюции («прусский» и фермерский) в капиталистическом развитии сельского хозяйства русских поселений края. «Две струи аграрной эволюции имеются, следовательно, налицо повсюду»[75], — писал В. И. Ленин. Свою постановку вопроса о двух возможных путях развития капитализма в сельском хозяйстве В. И. Ленин распространял на всю Азию.

Царское правительство всемерно внедряло в сельское хозяйство окраин «прусский» путь развития капитализма. Об этом свидетельствует мучительный для крестьян характер проведения столыпинских преобразований. В этих условиях перед крестьянами русских поселений, как и перед местным крестьянством, стояла задача революционным путем ликвидировать пережитки феодализма в сельском хозяйстве.

Борьба против царизма не могла не перерасти в борьбу против империалистической буржуазии, байства и русского кулачества. В этом заключались предпосылки интернационального объедине-

[75] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 218.

ния местной бедноты с переселенческим крестьянством и крестьянством всей России под руководетвом рабочего класса в демократической, а затем с беднейшим крестьянством — и в социалистической революции.

Партия большевиков соединила в один революционный поток борьбу рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянскую борьбу за землю, национально-освободительную борьбу угнетенных народов России и направила эти силы на свержение военно-феодального и капиталистического империализма.

Социально-экономические последствия крестьянской колонизации

В. И. Ленин указывал, что исследователь, который видит свою задачу в том, чтобы изучать особенности экономического строя России, «необходимо должен поставить вопрос: какое именно влияние оказывают переселения в России?» Исследователь не может *«не придавать значения ежегодным* переселениям»»[76],— подчеркивал Владимир Ильич.

Русское переселение (колонизация) имело значительные социально-экономические последствия в жизни Туркестанского края. Однако некоторые исследователи недооценивают прогрессивную роль русского крестьянства в этом процессе. Поэтому в отдельных работах встречаются серьезные теоретические ошибки. Одни противопоставляют народы окраин русскому народу, другие рассматривают русский царизм и русский народ как единое целое, называя и тех и других «русскими».

Переселенческая политика царизма в Средней Азии и Казахстане, построенная на захвате и грабеже обжитых земель местного коренного населения, тяжело отразилась на положении трудовых крестьянских масс. Вместе с тем следует отметить, что крестьяне-переселенцы играли объективно-прогрессивную роль в хозяйственном развитии Казахстана и Средней Азии. Переселенцы по сравнению с местным крестьянством применяли более прогрессивные способы ведения хозяйства, шире использовали сельскохозяйственные орудия и технику, возделывали целый ряд малоизвестных народам Казахстана и Средней Азии сельскохозяйственных культур. Развивая свое хозяйство по капиталистическому пути, они во многом содействовали оседанию кочевников и развитию земледелия в крае.

Влиянию крестьян-переселенцев подвергались главным образом казахи и киргизы, находившиеся в стадии перехода к оседлости. Наиболее интенсивно процесс их оседания и переход к земледелию происходил в районах массовой русской колонизации — в Се-

[76] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 629.

мироченской области, в Аулиеатинском и Чимкентском уездах Сырдарьинской области и на юге Ферганской долины.

Переход к оседлому хозяйству — закономерное, прогрессивное явление в жизни кочевых народов, свидетельствующее о социальной перестройке хозяйства, которая ускорялась развитием товарно-денежных отношений и дифференциацией местного крестьянства. Русская колонизация лишь способствовала переходу казахов и киргизов к оседлому земледелию. Причиной этого, в первую очередь, послужило сокращение степных просторов кочевников, лучшие пастбищные угодья которых передавались переселенцам под возделывание сельскохозяйственных культур, а также непосредственное общение крестьян-скотоводов с русскими крестьянами-земледельцами.

Интенсивное оседание кочевников наблюдалось среди середняцко-бедняцких хозяйств. В этом они видели возможность ослабить свою экономическую и политическую зависимость от феодально-байской верхушки. Располагая небольшими посевными участками, разбросанными чересполосно по всей степи, и желая закрепить их за собою путем официального перехода к оседлости, беднота и середняки стремились создать свое независимое от феодалов, мелкотоварное хозяйство, выйти из феодальной кочевой общины, где безраздельно господствовали манапы и баи. К администрации края поступали коллективные заявления с просьбой о землеустройстве и выделении их из кочевой волости для образования отдельного общества на крестьянском положении.

Однако процесс оседания киргизского и казахского населения тормозила вся система классовых отношений в кочевой степи и система царского управления. Сопротивление переходу бедноты на крестьянское положение оказывали манапы и баи, опасаясь потерять определенную часть так называемого «родового» землепользования, а также рабочую силу и власть над букарой (бедняком). Одновременно процессу перехода казахского и киргизского населения к оседлости препятствовали колониальные власти, видевшие в этом опасность для осуществления переселенческой политики. Если царская администрация и выражала готовность устроить кочевников на крестьянское положение, то только для того, чтобы таким способом изъять из их пользования еще больше земель в переселенческий фонд. Одобренная правительством 9 июня 1909 г. специальная инструкция об устройстве на оседлое положение кочевников предусматривала, наряду с изъятием земель у кочевников, наделение их земельными участками по переселенческим нормам и выделение их из кочевых областей. После издания Закона от 19 декабря 1910 г. действие этой инструкции распространилось и на коренные области Туркестана.

Несмотря на усиленный процесс перехода к оседлости, значительно сокративший количество кочевых хозяйств, кочевой образ жизни в отдельных районах Туркестана преобладал даже в 1917 г. В Семиреченской области число кочевников к тому време-

ни составило 986 тыс. чел. (64%), в Сырдарьинской — 40% от общего числа населения. В остальных областях Туркестанского края господствовал оседлый образ жизни. В Ферганской области кочевников насчитывалось всего 135 тыс. чел., а оседлых — 1,9 млн., в Самаркандской, соответственно, 102 и 694 тыс., в Закаспийской — 123 и 345 тыс.[77]

Русские переселенцы не только способствовали переходу кочевников к оседлости, но и оказывали влияние на их образ жизни. В результате возникали полуоседлого или оседлого типа поселки. В северной Киргизии, например, еще в 1899 г. появилось первое киргизское поселение Таш-Тюбе, в 15 км к югу от Пишпека. Вскоре были образованы другие крестьянские селения: Чала-Казак, западнее Пишпека, и Боз-Учук, в предгорьях восточного побережья Иссык-Куля. В Иссык-Кульской котловине появились также киргизские поселения Тепке, Чирак, Таштак, Темировка и Дархан[78].

Аулы строились по образцу русских поселений: дома европейского типа с надворными постройками, обсаженными тополями, с садами и т. д. Начали входить в повседневный обиход местных жителей европейская мебель, одежда, посуда, а тульские самовары очень быстро стали неотъемлемой частью их быта, так же, как часы, швейные машины и т. д.

С приходом русских было внесено много нового и в агротехнику. В Туркестане появились новые сельскохозяйственные орудия — плуги, железные бороны, конные мотыги и грабли, а впоследствии и более сложная техника — сеялки, косилки, молотилки. Эти машины, первоначально применявшиеся в основном в хозяйствах зажиточных русских крестьян-переселенцев, постепенно стали осваиваться местным крестьянством. Широкое распространение получила дотоле неизвестная в Туркестане коса-литовка, пользовавшаяся большим спросом главным образом у скотоводов, что позволило последним заготавливать часть сена на зиму, чего раньше почти не наблюдалось.

Для широкой продажи и распространения сельскохозяйственных орудий и машин были открыты казенные склады в разных городах края — в Асхабаде, Ташкенте, Верном, Пишпеке и т. д. Склады осуществляли продажу не только сельскохозяйственных орудий, но и высокосортных семян и даже минеральных удобрений на льготных условиях с рассрочкой платежа до пяти лет. Покупателями усовершенствованных земледельческих орудий среди местного населения являлись в основном зажиточные люди.

Крупные изменения произошли в составе сельскохозяйственных культур. В Средней Азии издавна возделывались местным оседлым населением весьма ценные культуры — хлопок, рис, джугара, маш. После присоединения края к России посевы этих культур,

---

[77] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967, с. 62—63.

[78] Айтмамбетов Д. О. Влияние России на хозяйственное и культурное развитие Киргизии.—«Вопросы истории», 1971, № 4, с. 60.

особенно хлопчатника, стали увеличиваться быстрыми темпами. Низкорослый местный хлопок («гуза») был заменен тонковолокнистым сортом. В хлопковое хозяйство внедрялись сеялки, пропашники. Возделывание хлопчатника превратилось в ведущую сельскохозяйственную отрасль. К 1916 г. площади под хлопчатником выросли до 523 614 дес., составив в целом 15,9% общей посевной площади (поливной и богарной)[79].

Одновременно начали распространяться сельскохозяйственные культуры, ранее не известные в Туркестане, — кукуруза, овес, гречиха, подсолнечник, сахарная свекла, многие огородные и бахчевые культуры — картофель, помидоры, капуста, смородина, малина, клубника, а также ряд технических культур — лен, конопля, кенаф и др. Получили дальнейшее развитие садоводство и виноградарство. Культивировались новые для Средней Азии древесные и кустарниковые растения — белая акация, различные виды кленов и тополей, кипарис, дуб, липа, сирень и т. д. Большую роль в этом сыграли сады и различные питомники, созданные во всех областях Туркестана[80].

Определенные, хотя и небольшие, изменения происходили в животноводческом хозяйстве. Так, местные скотоводы, несмотря на то, что скот оставался на подножном корму почти круглый год, по примеру русских крестьян-переселенцев начали производить заготовку кормов на зиму и устраивать загоны для скота. Заимствованное у них сенокошение явилось весьма полезным приобретением, содействовавшим большей устойчивости скотоводческого хозяйства.

Были предприняты шаги к улучшению породности скота. Русскими переселенцами были завезены новые породы лошадей (сибирская, рысисто-вятская) и крупного рогатого скота (калмыцкая, голландская, швицкая). Началось скрещивание завезенных животных с местными низкорослыми, так называемыми «киргизскими» породами. Для этой цели были созданы конные заводы, случные пункты, племенные молочные фермы. Возникло в Средней Азии тонкорунное овцеводство (мериносовые овцы), получило дальнейшее развитие каракулеводство, шелководство, пчеловодство.

После вхождения Туркестана в состав России в крае появляются первые сельскохозяйственные учебные заведения по распространению агрономических знаний. В 1871 г. в г. Верном было открыто низшее училище садоводства, а несколько позже низшие сельскохозяйственные школы в Пржевальске, Пишпеке, Джаркенте и Капале Семиреченской области, сельскохозяйствен-

[79] Аминов А. и Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966, с. 74.

[80] Пясковский А. В. Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России.— В кн.: Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959, с. 119—120.

но-гидротехническая школа в Ташкенте, школа садоводства, виноградарства и виноделия в Самарканде, школа садоводства, огородничества и шелководства в Асхабаде и т. д. Были созданы Центральная туркестанская сельскохозяйственная опытная станция под Ташкентом, опытные поля под Андижаном, Катта-Курганом, Асхабадом, Мервом, в Голодной степи и в Амударьинском отделе.

С 1911 г. во всех областях края работали агрономы, в обязанность которых входило оказание помощи местному населению в его хозяйственной деятельности. И несмотря на то, что их было еще очень мало, они тем не менее явились инициаторами устройства повсеместно в крае показательных участков и плантаций для получения доброкачественных семян, организаторами зерноочистительных, машинопрокатных станций и т. д. По инициативе русских специалистов в Средней Азии начало развиваться и парниковое хозяйство.

Одновременно для распространения сельскохозяйственных знаний выпускались брошюры и журналы. В этом отношении особенно велика и почетна роль «Туркестанского общества сельского хозяйства» с его многолетним ежемесячным органом «Туркестанское сельское хозяйство[81]. Некоторые статьи журнала, например «О культуре хлопчатника», «Как выводить пчел», «Как следует применять минеральные удобрения» и т. д., переводились на узбекский язык и издавались отдельными брошюрами для бесплатной раздачи местному населению. С января 1915 г. под редакцией Р. Р. Шредера стал выходить на узбекском языке журнал «Дехкан» («Земледелец»), сыгравший прогрессивную роль в развитии сельского хозяйства Туркестана. В Семиреченской области издавались листки и журналы «Семиречье», «Пржевальский сельский хозяин» и др. Газеты печатались на русском, узбекском, казахском и других языках.

Анализируя последствия переселенческого движения, не следует впадать в крайность, недооценивать или преувеличивать его значение. В 30—40-х годах в советской исторической литературе по переселенческому вопросу преобладали работы, в которых авторы подчеркивали лишь отрицательные стороны переселения и почти не говорили о его объективно-прогрессивном значении. В последнее время появились труды, в которых, наоборот, слишком большое внимание уделяется проблеме переселения, в частности, отмечается исключительная роль русских переселенцев в деле развития земледелия в Туркестане.

Следует подчеркнуть, что Средняя Азия, несмотря на экономические сдвиги, продолжала оставаться одной из самых отсталых окраин России. Однако начало развитию было положено, хотя первые шаги и были сопряжены с тяжелым национально-колониальным гнетом царского самодержавия.

[81] См.: Залкинд М. И. К истории Туркестанского общества сельского хозяйства.—«Труды Среднеазиатского государственного университета». Новая серия. Вып. 6, кн. 8, Ташкент, 1955.

Настоящий переворот в социально-экономической жизни народов Туркестана произошел после 1917 г., с установлением Советской власти.

Народы Средней Азии, в свою очередь, оказывали известное влияние на русских переселенцев. Последние перенимали трудовой опыт и навыки у местного населения: научились методам поливного земледелия, освоили местные сельскохозяйственные культуры, а также приемы возведения построек и типов жилищ, приспособленных к местным условиям, и т. д.

Образование переселенческих поселков рядом с кишлаками способствовало не только хозяйственному сближению трудящихся масс коренного населения с русским крестьянством, но и взаимодействию и взаимообогащению культур. В этом известную роль сыграли созданные для коренного населения в городах и поселках русско-туземные школы. В 1916 г. в Туркестанском крае насчитывалось 212 таких школ, в которых обучались 7000 учащихся[82].

Кроме того, широкое распространение получило медицинское обслуживание русскими врачами местного населения. Не только в городах, но и в некоторых поселках действовали медицинские учреждения. В Сырдарьинском переселенческом районе, например, имелось 16 фельдшерских и амбулаторных пунктов, в которых оказывали помощь и местному населению[83]. Врачи вели борьбу с такими массовыми заболеваниями, как малярия, трахома, оспа. Всего в крае насчитывалось 65 амбулаторий и 64 больницы. Указанных лечебных заведений для удовлетворения нужд населения, естественно, было недостаточно. Но все же и в области здравоохранения были сделаны первые шаги. Большую роль в этом сыграли научные общества и культурно-просветительные учреждения[84].

Под непосредственным воздействием прогрессивной русской культуры складывалось просветительское направление в литературе и общественной деятельности местной интеллигенции. В свою очередь такие писатели-демократы и просветители, как Мукими, Фуркат, Абай Кунанбаев, Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Ахмад Дониш, Аваз Отар, Токтогул Сатылганов, Бердах и другие, вели самоотверженную борьбу за развитие советского образования, активно выступали против феодально-клерикальной идеологии, патриархально-феодальных обычаев, подвергали критике существовавшие общественные порядки, гневно протестовали против произвола, насилия царских чиновников, жесткой эксплуатации и засилия баев, манапов и мулл. В их произведениях находила известное отражение борьба народа против царских колонизаторов и местных эксплуататоров.

Колонизация края не оправдала возлагавшихся на нее ца-

---

[82] Перепелицина Л. А. Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент, 1960, с. 80.

[83] ЦГВИА, ф. 400. Азиатская часть Главного штаба, д. 112, л. 12.

[84] См.: Лунин Б. В. Научные общества и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1962.

ризмом надежд ни в экономическом, ни в политическом отношении, поскольку приобрела черты прогрессивного фактора, все более разрушая реакционные замыслы самодержавия.

Царское правительство, замыслив переселение крестьян ради *спасения помещичьего землевладения в центре страны, в действительности* слепо ускорило свою гибель, ибо объективным результатом этой политики был рост капитализма и дальнейшее обострение классовых противоречий. Будучи одним из проявлений *развития капитализма вширь на окраинах России*, переселение способствовало дифференциации крестьянства и его пролетаризации не только на местах выхода переселенцев, но и на местах их нового водворения[85].

Разорявшаяся беднота явилась одним из существенных источников пополнения рядов пролетариата Средней Азии, которому принадлежала авангардная роль в развитии революционного движения на территории Туркестана.

В начале XX в. в крае возникли первые организации революционной социал-демократии, сеть которых за 1904—1914 гг. расширилась от Ташкента до Пишпека и Верного, с одной стороны, до Красноводска и Челекена — с другой. Здесь работали такие видные революционеры-большевики, как М. В. Морозов, И. Т. Фиолетов, П. М. Виноградов, Н. В. Шумилов, И. С. Свинухов, В. Д. Фигельский, П. Г. Полторацкий, А. А. Фролов и многие *другие. Идеи революционной социал-демократии нашли горячий* отклик и поддержку прежде всего у передовой части русского городского населения края. Вместе с тем пропагандистская работа, распространение революционной литературы проводились и среди крестьян-переселенцев. В городах и на железной дороге работало много выходцев из окрестных поселков, которые часто предоставляли убежище многим политическим и революционным деятелям.

Накануне и во время революции 1905—1907 гг. помимо поступавших в край из России большевистских газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий» выходили и распространялись газеты «Русский Туркестан», «Самарканд», в которых помещались отдельные статьи К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. В ряде тайных типографий Ташкента и Верного печаталась нелегальная литература: листовки, прокламации, воззвания. Так, в типографии газеты «Самарканд» была отпечатана программа партии, принятая II съездом РСДРП.

Деятельное участие в распространении нелегальной литературы среди крестьян-переселенцев и местного населения приняли *ссыльные революционеры и местные социал-демократы: в Вер*ненском уезде — Л. Н. Рума и сын казака Большеалмаатинской станицы А. П. Березовский; в Пишпекском уезде — учитель И. М. Глебов, житель с. Беловодского Е. Романенко, фельдшер Яку-

[85] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 175.

шев; в Олонском уезде Ферганской области — В. В. Особо и Д. Е. Чураков; в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области — А. И. Рувимов, официально занимавший должность арык-аксакала в Меркенском участке; в Закаспии — И. Нестеров, А. Асриянц, Г. Мокеев и многие другие. Все они пропагандировали аграрную программу партии, выступали за ее решение революционным путем. «Я объяснял крестьянам, что для устранения безземелья необходимо принудительно взять казенные земли и наделить ими безземельных крестьян»,—заявил, например, Рувимов на судебном процессе[86].

Русские переселенцы в массе своей не стали опорой царизма, а вступили в борьбу против эксплуататорских классов и аграрной политики самодержавия, превратившись в резерв революционного движения на окраинах. Только в 1906—1911 гг. на территории Азиатской России наблюдалось около 300 революционных выступлений крестьян[87].

Во время революции 1905—1907 гг. крестьянские волнения происходили в Верненском, Джаркентском и Пишпекском уездах Семиреченской области. Крестьяне требовали наделения их землей, самовольные захваты которой распространились в период переселенческой горячки в Средней Азии.

21 августа 1905 г. в газете «Русский Туркестан» была опубликована петиция на имя царя, написанная 6 августа на сходке в Пишпеке неустроенными переселенцами. В ней выдвигались требования:

наделение крестьян землей; взимание налогов в зависимости от доходов хозяйства; уравнение всех сословий; введение местного самоуправления; введение всеобщего бесплатного обучения, свобода печати, слова, союзов и собраний; немедленный созыв собрания народных представителей на основе всеобщего, равного и тайного голосования.

Петицию подписали 262 человека. Судя по донесениям пишпекского уездного начальника об аграрных беспорядках в Пишпеке, их непосредственным руководителем был отставной бомбардир Ефим Семенович Ефремов, который по постановлению областного правления был затем выслан из области[88].

В 1905 г. произошло аграрное движение в Аулиеатинском уезде. Неустроенные переселенцы требовали наделения их землей, а также прирезки земли к имеющимся наделам[89].

---

[86] Цит. по кн.: Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане (1905—1917 гг.). Алма-Ата, 1966, с. 135; Сапелкин А. А. Аграрные отношения в Киргизии в начале XX века (1900—1917 гг.). Фрунзе, 1977, с. 223; Пясковский А. В. Туркменистан в период первой русской революции 1905—1907 гг. Ашхабад, 1955, с. 23—24; Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. (под ред. К. У. Усенбаева). Фрунзе, 1973.

[87] Алферов М. С. Крестьянство Сибири в 1917 году. Новосибирск, 1958, с. 18.

[88] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 2, д. 1550, л. 20.

[89] Зима А. Г. Указ. соч., с. 76.

Об «аграрных беспорядках» в Верненском уезде, происходивших в 1906—1907 гг., сообщал в Петербург заведующий Семиреченским переселенческим районом Велецкий. 21 сентября 1906 г. он писал начальнику Главного переселенческого управления Глинке: «В гор. Верном проживает много неприписанных переселенцев... Эта неспокойная, большей частью голодная, безработная и бесприютная толпа явилась ко мне в Переселенческое управление и, ведя себя самым бурным образом, стала требовать удовлетворения. Положение мое было бесконечно хуже губернаторского»[90]. В другом донесении от 27 июня 1907 г. Главному переселенческому управлению Велецкий отмечал, что «неустроенные переселенцы, потерявшие надежду на устройство, явились 26 апреля 1907 года в Переселенческое управление буйной толпой (300 человек), настоятельно требовали от меня «земли» или «денег», подкрепляя эти требования аргументами в виде угроз «разгромить», «побить» и даже убить меня и других переселенческих чиновников»[91].

Крупные аграрные волнения состоялись также в Лепсинском и Капальском уездах. «В Лепсинске, по сообщению газеты «Русский Туркестан», в 1906 г. крестьяне и мещане готовились разгромить квартиру уездного начальника Федорова и уже обложили дом горючим материалом с намерением поджечь его, но вмешательство военных сил — местной военной команды — остановило разгром... А в селе Гавриловке Капальского уезда 500 чел. крестьян приняли в колья участкового пристава Гусева, который успел благополучно ретироваться, пострадали стражники, есть тяжело раненые»[92].

Бурно вели себя крестьяне и в русских переселенческих поселках Самаркандской и Ферганской областей, издавна страдавших от недостатка воды, и находившихся поэтому в тяжелых экономических условиях. «В 1906 году,— писал в своем отчете граф Пален,— крестьяне Романовского поселка перепрудили канал императора Николая I и не пропускали воду ни в другие поселки, ни на опытное поле Главного управления земледелия. Несмотря на распоряжение ирригационных чинов, романовцы упорствовали, и военному губернатору по телеграфу пришлось поручить уездному начальнику восстановить порядок вооруженной силой. К счастью, начавшаяся прибыль воды устранила возможность кровопролития»[93]. Пален также сообщал о «беспорядках» в Ферганской области, где «некоторые селения Андижанского и Ошского уездов... являются постоянной угрозой общественному порядку и спокойствию»[94].

---

[90] ЦГИА СССР в Ленинграде, ф. 391, оп. 2, д. 277, л. 65, 207.
[91] Там же.
[92] Революция 1905—1907 гг. на национальных окраинах России. М., 1949, с. 606.
[93] Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане, с. 277.
[94] Там же, с. 333.

Следует подчеркнуть, что жестокая борьба велась и среди самих крестьян. Переселенческая беднота боролась с кулачеством за землю и право приписки к сельским старожильческим обществам, выступала за передел земли с целью уравнения пашен и всех угодий по качеству. Стремясь вырваться из тисков нужды и кулацкой эксплуатации, бедняки отказывались от арендной платы, захватывали и распахивали земли, убивали ненавистных кулаков, громили купеческие лавки[95].

Революционные настроения, проникавшие в среду переселенцев, пробивали себе дорогу и в массы коренного населения. «Мы имеем возможность неоднократно убеждаться в том,— писала газета «Русский Туркестан» 6 декабря 1906 г.,— что интерес к революционному движению в России и его проявлениям у нас в Туркестане в туземной среде возрастает с каждым днем». Достаточно отметить что в 1907—1914 гг. только в Семиреченской области произошло 51 выступление с участием более 7 тыс. трудящихся местного населения. Эти выступления были направлены главным образом против феодального байства и местной администрации[96].

Крестьянская беднота, потеряв веру в царя и его сановников, стала обращаться с петициями к русскому народу. В этом отношении характерно обращение «От киргиз — к русским», в котором разоблачается реакционная сущность колонизаторской политики царского правительства, «гибельной не только для киргиз, но и вредной для всей трудящейся России». Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает! Этого можно добиться совместной борьбой русского и национального крестьянства[97].

Аграрные движения не прекратились в Туркестане и после революции 1905—1907 гг. Так, только в 1908—1913 гг. здесь было зарегистрировано более 30 крестьянских выступлений[98]. Особенно обострилась борьба крестьянской бедноты против самодержавия в годы первой мировой войны. Об этом свидетельствуют июльские события 1914 г. и продовольственные «беспорядки» 1916 г.

По общей мобилизации 18 июля 1914 г. по всему Туркестану на военную службу было призвано около 22 тыс. чел., в основном сельского русского населения. В первые же дни войны начались активные выступления призывников и членов их семей на сборных пунктах в Пишпеке, Андижане, Самарканде и других городах. Они носили стихийный, неорганизованный характер, но ярко отражали антивоенные настроения масс.

К началу 1916 г. было мобилизовано 70 тыс. чел. В некоторых русских поселках остались лишь женщины, старики и дети. Мно-

---

[95] Там же, с. 351.

[96] Галузо П. Г. Из истории аграрных отношений дореволюционного Семиречья (конец XIX — начало XX в.).—В кн.: Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962, с. 219.

[97] См.: Сулейменов Б. С. Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах. Алма-Ата, 1977, с. 115—117.

[98] Дубровский С. М. Столыпинская реформа. М., 1925, с. 257.

гие из них, испытывая острую нужду, за бесценок продавали пожитки, инвентарь, скот, а нередко и все свое хозяйство. Не случайно поэтому весной того же года по всему краю — от Семиречья до Каспия — прокатилась волна «голодных бунтов», в которых принимали активное участие женщины-солдатки, требуя выдачи им продовольственных пайков[99]. Самым крупным событием в общественно-политической жизни Туркестана в годы первой мировой войны явилось народное восстание 1916 г.[100]

Анализируя последствия переселенческой политики, нельзя замалчивать многочисленные факты сопротивления коренного населения захвату их исконных земель. Чаще всего конфликты возникали между коренными жителями селений Туркестанского края и старожильческими поселками. Этому способствовала политика царизма. «Проклятая история самодержавия,— писал В. И. Ленин,—оставила нам в наследство громадную *отчужденность рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим* самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием»[101].

Следует при этом заметить, что отношение простого народа коренных национальностей к русскому крестьянину отличалось дружелюбием и взаимопомощью[102]. И те и другие одинаково страдали от эксплуатации. Именно на этой почве происходило сближение эксплуатируемых слоев переселенческого и местного населения. Как ни мешали этому царские колонизаторы и местные светские и духовные феодалы, дружба между русскими и местными трудящимися крепла в совместной борьбе против их общего врага—эксплуататорских классов и царизма. В этом главным образом и заключалось прогрессивное значение крестьянской колонизации Туркестанского края.

Не отрицая теневых сторон во взаимоотношениях между коренным населением и крестьянами-переселенцами, что неизбежно вытекало из самой сущности колониальной и переселенческой политики царизма, советские историки делают упор не на то, что разъединяло народы, а на то, что сближало их трудовые массы и закладывало первые семена грядущей дружбы народов нашей страны.

Реакционная буржуазная историография стремится представить переселение русских крестьян в Среднюю Азию как явление, затрагивающее интересы всего национального крестьянства, а самих переселенцев—верной опорой царского самодержавия в крае.

---

[99] См.: Ковалев П. А. Революционная ситуация 1915—1917 гг. и ее проявление в Туркестане. Ташкент, с. 27—43, 91.

[100] См.: Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

[101] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 242.

[102] См.: Отчет чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел А. А. Половцева, командированного в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. Спб., 1898, с. 84; Трегубов А. Л. По новым местам. Спб., 1913, с. 44.

Это делается с целью «доказать», что крестьянская колонизация явилась основным источником разорения и обнищания дехкан Туркестанского края, которые жили якобы в условиях социального равенства и относительного благополучия, доставшегося им в наследство от «доброго старого времени».

Для всех реакционных буржуазных историков, начиная от А. Парка и В. Вильгельма, признающих социальную дифференциацию туркестанского кишлака, до В. Монтейля, Е. Карра, Р. Пайпса, В. Коларца, Ч. Хостлера, С. Зинковского, О. Кароу и многих других, вообще опускающих этот вопрос, и кончая буржуазными националистами, ярыми врагами народов Средней Азии Б. Хаитом и В. Каюмханом, «доказывающими» отсутствие классовых социальных противоречий, характерна одна общая черта: все они отрицают какие бы то ни было объективные предпосылки революционного движения трудового дехканства против «своих» верхов. Если в Туркестане и были противоречия, считают они, то лишь между коренным населением и переселенцами[103].

Умышленно изображая процесс присоединения Средней Азии к России в самых мрачных красках, империалистические фальсификаторы истории изо всех сил стараются разжечь тем самым национальную вражду и взаимное недоверие между русским народом и народами Средней Азии.

Переселенческое движение при всех его отрицательных сторонах следует рассматривать как объективно-прогрессивный процесс, сыгравший большую роль в жизни народов Туркестанского края.

Взаимоотношения коренного населения с переселенцами создали предпосылки для нерушимой дружбы и подлинного братства, *сложившихся в наши дни между русским народом и народами* Средней Азии и Казахстана. Сбылось предвидение В. И. Ленина о том, что социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития»[104]. У нас утвердилась, стала действительностью новая историческая общность людей — советский народ. Опираясь на ленинские принципы национальной политики, последовательно утверждая их на практике, «мы,— отметил тов. Ю. В. Андропов,— создали могучее государство — Союз Советских Социалистических Республик, образование которого явилось не только крупным шагом в развитии социализма, но и одним из важнейших переломных моментов в ходе всемирной истории»[105].

---

[103] См.: Новоселов К. Против буржуазной фальсификации истории Средней Азии. Ашхабад, 1962.

[104] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 40.

[105] «Правда», 1983 г., 22 декабря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состояние и развитие аграрных отношений в переселенческой деревне Туркестана охватывают один из важнейших этапов колониального периода — начало XX в., когда политика военно-феодального империализма по экономическому освоению Туркестана дала весьма заметные результаты и когда, наряду с царизмом, сюда стали интенсивно проникать империалистическая буржуазия и монополистический капитал, что оказало большое влияние на развитие народного хозяйства края. Определенную роль в этом процессе сыграли образовавшиеся в конце XIX—начале XX в. русские поселения.

Анализ экономического положения переселенцев показал, что в XIX в. их основная масса принадлежала к среднеобеспеченным слоям, которые еще рассчитывали на восстановление и расширение своих хозяйств. В основе колонизации в этот период лежали соображения военно-стратегического и политического характера— правительство пыталось закрепить завоеванную территорию путем привлечения русских состоятельных крестьян. Оно требовало от местных чиновников тщательной проверки материального положения переселенцев с целью не допустить в их число малоимущих крестьян. Однако с каждым годом массовое самовольное движение переселенцев усиливалось, приостановить его царская администрация оказалась бессильной.

Относительно переселенцев начала XX в. факты свидельствуют, что среди них бедноты было значительно больше, чем в XIX в. В этот период Туркестан стал рассматриваться царским правительством как место для выселения «избыточного» населения Европейской России.

Следовательно, на Восток переселялись преимущественно разорившиеся середняки и беднота. Утверждения некоторых советских историков 20—30-х годов о том, что переселенцами в колониях являлись эксплуататорские элементы, не выдерживают никакой критики —обобщения VI конгресса Коминтерна (1928 г.) по колониальному вопросу, построенные на изучении колоний западно-европейских стран, ими механически переносились на колонии Российской империи и, в частности, на Туркестанский край.

В 1911 г. в результате широкого переселенческого движения

на окраинах скопилось много «неблагонадежных элементов», представлявших опасность для существующего строя. В связи с этим царским правительством был выдвинут «новый курс» переселенческой политики, главнейшей задачей которой должно было быть не выселение крестьянских масс из Центральной России, а заселение окраин «крепким элементом», т. е. насаждение там кулачества в качестве социальной опоры царизма. Но, как известно, попытка царских властей насадить в Туркестане «крепкие хозяйства» в целом оказалась несостоятельной. Потерпела крах правительственная переселенческая политика. Уже в годы столыпинской реакции необычайные размеры приняло обратное движение переселенцев.

Из анализа состояния и развития переселенческой деревни следует, что товарно-денежные отношения, проникавшие во все сферы хозяйства переселенцев Туркестанского края, оказывали значительное влияние на интенсивное развитие капиталистических отношений.

В сельском хозяйстве переселенческой деревни отчетливо наблюдались оба типа эволюции («прусский» и фермерский). Элементы развитого капитализма сочетались здесь с элементами первичных капиталистических отношений, а также с остатками патриархальщины.

Наиболее ярким выражением капиталистического развития деревни явилось разложение крестьянства. В. И. Ленин указывал, что переселения усиливали процесс «раскрестьянивания» на местах выхода и на местах вселения[1]. Причем насаждение хуторов и отрубов ускорило этот процесс. Наряду с кулачеством формировалась многочисленная армия переселенцев-бедняков, ставших союзниками пролетариата в борьбе против самодержавия и капитализма.

В Туркестане сельская буржуазия несколько отличалась от фермера-капиталиста, поскольку наряду с эксплуатацией вольнонаемного труда он применял полуфеодальный метод эксплуатации трудового крестьянства и ростовщичество. Что касается сельскохозяйственного пролетариата, то самой распространенной фигурой этого класса в крае был пролетариат с наделом.

Следует подчеркнуть, что переселенческая деревня была многоукладной. Здесь сосуществовали и патриархальные отношения, и простое товарное хозяйство, полупролетарский уклад и капиталистический. К 1917 г. ведущие позиции в экономике деревни занял капиталистический уклад, уступавший первенство лишь мелкотоварному укладу. Полупролетарским укладом было охвачено около 2/5 крестьянских дворов, однако место его в экономике деревни было незначительным.

Большого внимания заслуживает вопрос о социально-экономических последствиях русской крестьянской колонизации в жизни Туркестанского края. Крестьяне-переселенцы способствовали

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 175.

крупным сдвигам в развитии производительных сил края. Развивая свое хозяйство по капиталистическому пути, они во многом содействовали прогрессивному процессу перехода казахов и киргизов к оседлому земледелию.

Царскому правительству не удалось создать из переселенцев верную для себя опору, на которую оно рассчитывало при проведении переселенческой политики. Эксплуатируемые массы переселенческого крестьянства превращались в резерв революционного движения на окраинах.

Колониальные окраины царской России, в том числе Средняя Азия, не были отделены от метрополии океанскими просторами, как это было в Британии, Голландии, Франции и других колониальных империях. Непосредственное личное общение в процессе тяжелого подневольного труда сближало русских рабочих и крестьян с трудящимися других национальностей. Тем самым складывались предпосылки для создания единого фронта освободительной борьбы народных масс метрополии и колониальных окраин. Приобщение к революционной борьбе русского народа служило наиболее ярким выражением исторической прогрессивности присоединения нерусских народов к России. Вполне понятно, что единый фронт освободительной борьбы возник гораздо позднее на основе сплочения трудящихся окраин вокруг русского революционного пролетариата.

В период империализма широко развернулась борьба трудового крестьянства за землю как в метрополии, так и на колониальных окраинах.

Значение аграрного вопроса в общедемократической борьбе значительно возросло с развитием социал-демократического движения. Большевики активно пропагандировали аграрную программу, выступали за ее решение революционным путем. Складывался союз национального и переселенческого трудового крестьянства с российским пролетариатом.

Под руководством Коммунистической партии в тесном союзе с русским рабочим классом и трудящимся крестьянством угнетенные народы колоний боролись против царизма, капитализма и местной феодально-байской верхушки. На почве совместной борьбы происходило сближение между ними, которое в наше время вылилось в нерушимый братский союз и в конечном итоге обеспечило превращение экономически и культурно отсталой окраины царской России в цветущие социалистические республики с высокоразвитой экономикой и передовой культурой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Труды классиков марксизма-ленинизма

Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии, т. 9.
Маркс К. Об освобождении крестьян в России, т. 12.
Маркс К. Предисловие «К критике политической экономии», т. 13.
Маркс К. Капитал, т. 23 — 25.
Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству, т. 46. ч. II.
Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии, т. 12.
Энгельс Ф. О социальном вопросе в России, т. 18.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств, т. 21.
Ленин В. И.** Экономическое содержание народничества, т. 1.
Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, т. 1.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России, т. 3.
Ленин В. И. Аграрный вопрос и «Критики Маркса», т. 5.
Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии, т. 6.
Ленин В. И. К деревенской бедноте, т. 7.
Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе, т. 7.
Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, т. 16.
Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века, т. 17.
Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, т. 20.
Ленин В. И. Переселенческий вопрос, т. 21.
Ленин В. И. Землевладение в Европейской России, т 21.
Ленин В. И. Сущность «аграрного вопроса в России», т. 21.
Ленин В. И. Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы, т. 21.
Ленин В. И. Еще о переселенческом деле, т. 23.
Ленин В. И. Пробуждение Азии, т. 23.
Ленин В. И. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства, т. 23.
Ленин В. И. Значение переселенческого дела, т. 23.
Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу, т. 24.
Ленин В. И. О национальной гордости великороссов, т. 26.
Ленин В. И. Война и российская социал-демократия, т. 26.
Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма, т. 27.
Ленин В. И. О двух линиях революции, т. 27.
Ленин В. И. Статистика и социология, т. 30.
Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу, т. 41.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приведены по Собранию сочинений.
** Произведения В. И. Ленина приведены по Полному собранию сочинений.

Ленин В. И. О продовольственном налоге, т. 43.
В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане. Ташкент, 1958.
В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1960.

Статьи и речи руководителей партии и правительства

Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР.—«Правда», 1982 г., 22 декабря.
Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973.
Брежнев Л. И. Целина. М., 1978.
Кунаев Д. А. Избранные речи и статьи. М., 1978.
Рашидов Ш. Навеки вместе с русским народом (о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России).—«Коммунист», 1959, № 10.
Рашидов Ш. Знамя дружбы. М., 1967.

Книги

Абдуллаев Ш., Зевелев М. В. И. Ленин и исторические судьбы народов Средней Азии. М., 1968.
Абдурасулов М. Т. Из истории ростовщического капитала в сельском хозяйстве дореволюционного Туркестана.—«Известия АН УзССР». Серия общественных наук, 1960, № 2.
Абишев Г. Исторически сложившаяся дружба казахского и великого русского народа. Алма-Ата, 1952.
Аверин Н. Переселенческий вопрос и общественные организации. Спб., 1907.
Азиатская Россия, т. I—III. Спб., 1913—1914.
Айтбаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов (по материалам Иссык-Кульской области). Фрунзе, 1957.
Айтмамбетов Д. О. Влияние России на хозяйственное и культурное развитие Киргизии.—«Вопросы истории», 1971, № 4.
Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). Ташкент, 1959.
Аминов А. М. и Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966.
Аминова Р. Х. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.). Ташкент, 1963.
Анфимов А. М. В. И. Ленин о российском крестьянстве.—В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970.
Асылбеков М. Х. К вопросу о влиянии железных дорог на экономику дореволюционного Казахстана.—«Известия АН Казахской ССР». Серия общественных наук, Вып. 1, 1964.
Афанасьев П. Аграрное перенаселение. М., 1963.
Ахунова М. А., Лунин Б. В. История исторической науки в Узбекистане (краткий очерк). Ташкент, 1970.
Бабаханов М. Предпосылки революционного союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом. Душанбе, 1975
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Сочинения. Т. II. ч. I. М., 1963.
Батуринский Д. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925.
Бейсембаев С. Б. Ленин и Казахстан (1897—1924 гг.). Алма-Ата, 1968.
Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.
Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России.—«Вопросы истории», 1953, № 8.
Брусникин Е. М. Переселенческая политика царизма в конце XIX века.—«Вопросы истории». 1965, № 1.
Бунаков Е. В. К вопросу о русской сельскохозяйственной колонизации. Уз-

бекистана в начале XX в.—«Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института», Т. 13, Вып. 2. Л., 1956.
Ваганов О. А. Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907—1914 гг.)—«Исторические записки», 31, 1950.
Васильев В. В. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915.
Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. I—II. Спб., 1881.
Введенский И. Переселение и аграрный вопрос.—«Вопросы колонизации». Спб., 1909, № 5.
Велецкий С. Н. Семиреченская область и ее колонизация. Итоги работ по колонизации Семиречия за 8 лет (1906—1914 гг.). Б/М., 1916.
Верещагин П. Д. Об объективно-прогрессивном значении переселения крестьян в Среднюю Азию и Казахстан.—«Ученые записки Могилевского Госпединститута». Вып. 2. Могилев, 1966.
Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства (под ред. проф. А. И. Чупрова, и А. С. Постникова). Т. I и II. СПб., 1897.
Воронович А. С. Аграрная программа партии в трудах В. И. Ленина. М., 1971.
Воротников В. Л. Хуторские участки в Семиреченской области.—«Вопросы колонизации». Спб., 1910, № 7.
Вощинин В. П. Очерки нового Туркестана. Свет и тени колонизации. Спб., 1914.
Вощинин В. П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе 3-го созыва. Итоги и перспективы. Спб., 1912.
Вяткин М. П. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962.
Гаврилов М. Туркестаньске украінство з погляду культурного і політичного. Открыте письмо до земляків. Ташкент, 1918.
Галузо П. Г. Туркестан-колония. М., 1929.
Галузо П. Г. Аграрное отношение на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965.
Гейер И. И. Голод и колонизация в Сыр-Дарьинской области в 1891 году. Ташкент, 1893.
Гейер И. И. Туркестан. Ташкент, 1909.
Гейер И. И. Крестьянская колонизация в Сыр-Дарьинской области. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1892.
Геллер А. Б. Переселенческая политика царизма и колонизация Казахстана в XX веке (1906—1916 гг.). По материалам бывшей Семиреченской области. Автореферат канд. дисс. Л., 1954.
Гинзбург А. И. Из материалов о положении крестьян-переселенцев в Туркестане (1890-е годы).— «Общественные науки в Узбекистане», 1967, № 2.
Гинзбург А. И. К вопросу о пополнении рядов пролетариата в Туркестане за счет крестьян-переселенцев.— «Общественные науки в Узбекистане». 1966, № 4.
Глебов А. Что могут дать переселения крестьянству. Спб., 1907.
Грюнберг В. Колонизация восточного побережья Каспия.—«Вопросы колонизации». Спб., 1911, № 8.
Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М., 1889.
Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972.
Данияров С. С. О прогрессивном значении русской культуры в развитии культуры киргизского народа в конце XIX и начале XX веков. Фрунзе, 1964.
Дахшлейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.). Алма-Ата, 1965.
Демидов А. П. Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана. Кн. 3. М., 1926
Джалилов И. Основные черты земельного права дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1960.
Джаманкараев А. Б., Сапелкин А. А., Усенбаев К. У. Возникно-

вение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. Фрунзе, 1973.
Джаманкараев А. Б. Развитие торговли в Киргизии в конце XIX—начале XX веков. Фрунзе, 1965.
Джамгерчинов Б. Д. Важный этап из истории киргизского народа (к столетию присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1957.
Джамгерчинов. Б. Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.
Джунушев К. Развитие товарно-денежных отношений в дореволюционной Киргизии. Фрунзе, 1965.
Джумаев О. М. К истории орошаемого земледелия в Туркестане. Ашхабад, 1951.
Досумов Я. М. Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России.— «Известия АН УзССР». Серия общественных наук. 1959.
Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. М., 1978.
Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.
Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963.
Ерзин Х. А. Присоединение Туркестана к России и развитие национально-освободительного и революционно-освободительного движения. Ташкент, 1959.
Ефремов П. Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1941.
Жемчужников Н. Н. Движение на Восток. К вопросам переселения, землеустройства и колонизации. М., 1927.
Житов К. Е. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1957.
Забиров К. *Переселение и колонизация Северной Киргизии.*—«Ученые записки истфака Киргизского университета». Вып. VI. Фрунзе, 1958.
Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 *года.* М., 1958.
Залкинд М. И. К истории Туркестанского общества сельского хозяйства.—«Труды САГУ». Вып. 67, кн. 8. Ташкент, 1955.
Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959.
Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930.
Зияев Х. Узбекистон — Россия дўстлик алоқалари (Тарихий очерк). Тошкент, 1977.
Зияев Х. Урта Осиё ва Сибир (XVI—XIX асрлар). Тошкент, 1962.
Игамбердыев Р. С. Голодная степь, ее прошлое и настоящее. Ташкент, 1965.
Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX века. Фрунзе, 1963.
Иноятов Х. Ш. *Победа Советской власти в Туркестане.* М., *1978.*
Иноятов Х. Ш. Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов. Критика извращений прошлого и настоящего Узбекистана. Ташкент, 1975.
Исаев А. А. Переселение в русском народном хозяйстве. Спб., 1891.
История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957.
История Киргизии, т. 1. Фрунзе, 1963.
Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно), ч. I (сост. Н. Турчанинов). Спб., 1910.
Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно), ч. II (сост. Н. Турчанинов и А. Домрачев). Пг., 1916.
История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. V—VI. М., 1968.
История Туркменской ССР, Т 1, кн. 2. Ашхабад, 1957.
История Узбекской ССР, Т. 1, кн. 2. Ташкент, 1956.
Каблуков Н. А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России (очерки по экономии сельского хозяйства). М., 1899.
Канода Н. Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX — начало XX вв). Ашхабад, 1973.

Караваев В. Ф. Голодная степь в ее прошлом и настоящем (статистико-экономический очерк по исследованию 1914 г). Пг., 1914.
Каришев Н. А. Крестьянские вненадельные аренды. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики, т. II. Дерпт, 1892.
Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде. Душанбе, 1968.
Кауфман А. А. Переселение и колонизация (Б-ка «Общественной пользы»). Спб., 1905.
Кауфман А. А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906.
Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Спб., 1903.
Ким М. П. Аграрный вопрос и классовая борьба в Казахстане в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1954.
Ковалев П. А. Революционная ситуация 1915—1917 гг. и ее проявление в Туркестане. Ташкент, 1971.
Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Спб., 1900.
Комаров А. И. Правда о переселенческом деле. Спб., 1913.
Кравец А. Н. К истории продовольственных волнений в Туркестане в годы первой мировой войны.—«Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 7.
Кривошеин А. В. Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестанский край в 1912 году. Спб., 1912.
Кузнецов В. К. Русские старожилы в Сибири и Средней Азии.—В кн.: Азиатская Россия. Т. 1. Спб., 1914.
Лаврентьев В. Л. Капитализм в Туркестане. Буржуазная колонизация Средней Азии. Л., 1930.
Лунин Б. В. Ленин и народы Средней Азии. Ташкент, 1967.
Лунин Б. В. У истоков великой дружбы. Ташкент, 1972.
Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX века). Ташкент, 1962.
Лыкошин Н. С. Переселение и переселенцы. Самарканд, 1892.
Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Капитализм. Т. II, М., 1956.
Мамедов А. Русские ученые и развитие ирригации Средней Азии. Ташкент, 1965.
Материалы научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
Масальский В. И. Туркестанский край.—В кн.: Россия (полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского). Т. XIX. Спб., 1913.
Минц И. И. История Великого Октября. В 3-х т. т. I. М., 1977.
Муминов И. М. К объединенной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России.—«Звезда Востока», 1859, № 8.
Мусабеков О. М. От патриархально-феодальных к социалистическим аграрным отношениям. Фрунзе, 1968.
Назаренко И. М. Из истории заселения и сельскохозяйственного освоения территории Казахстана.—«Вопросы географии Казахстана». Вып. 8, 1961.
Недзвецкий В. Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области (по свед. на 1-е янв. 1913). Верный, 1913.
Нежевенко А. Р. Аграрная политика царизма в Узбекистане в начале XX в.—«Ученые записки Ташгосединститута им Низами», Вып. XXIII (исторический). Ташкент, 1960.
Непомнин В. Я. К вопросу об исторических условиях возникновения и развития дружбы между народами Средней Азии, Казахстана и России.—«Труды ТашГУ». Вып. 278. Ташкент, 1966.
Непомнин В. Я. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России.—«Известия АН УзССР», 1954, № 1.
Новоселов К. Против буржуазной фальсификации истории Средней Азии. Ашхабад, 1962.
Нуриддинов З. Р. Голодная степь в прошлом и настоящем. Ташкент, 1957.

Объединенная научная сессия АН СССР и АН Республик Средней Азии, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России.—«Доклады» (отв. ред. Академик АН УзССР И. М. Муминов). Ташкент, 1959.
Описание Семиреченского переселенческого района. Справочная книжка для ходаков и переселенцев на 1911 г. Спб., 1911.
Описание Сырдарьинского переселенческого района. Ташкент, 1914.
Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии Научного Совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», май 1960. М., 1962.
Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 1958.
Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики (под. ред. А. Асаткина). Ташкент, 1921.
Перепелицина Л. А. Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент, 1960.
Першин П. Н. Аграрная революция в России (историко-экономическое исследование). Кн. 1—2. М., 1966.
Плоских В. М. У истоков дружбы. Фрунзе, 1972.
Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане (под. ред. И. И. Минц). Ташкент, 1967.
Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961.
Половцев А. А. Отчет чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел А. А. Половцева, командированного в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. Спб., 1898.
Пясковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России.—«Вопросы истории», 1959, № 8.
Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958.
Раджабов С. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955.
Рзаев Д. А. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. Фрунзе, 1962.
Ризаев Г. Р. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1965). Ташкент, 1967.
Рожков Н. А. Как идет крестьянское аграрное движение в России. Спб., 1906.
Рожков Н. Аграрный вопрос в России и его решение в программах партий. М., 1906.
Рожкова М. Н. Экономические связи России со Средней Азией (40—60 годы XIX в). М., 1963.
Росляков А. А. Революционное движение и социал-демократические организации в Туркменистане в дооктябрьский период (1900 — март 1917). Ашхабад, 1961.
Румянцев П. Условия колонизации Семиречья.—«Вопросы колонизации». Спб., 1911, № 9.
Савицкий А. П. Поземельный вопрос в Туркестане. В проектах и законе. 1867—1886. Ташкент, 1963.
Сапаргалиев Г. С. Карательная политика царизма в Казахстане. 1907—1917 гг. Алма-Ата, 1966.
Сапелкин А. А. Аграрные отношения в Киргизии в начале XX века (1900—1917 гг.). Фрунзе, 1977.
Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). Спб., 1907.
Сидоров А. Л. Ленин о русском военно-феодальном империализме (о содержании термина «военно-феодальный империализм»).— «История СССР», 1961, № 3.
Скалов Б. Основной декрет о земле и земельные вопросы в Туркестане Ташкент, 1922.
Скворцов А. Е. Животноводство в Туркестане.—«Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 7.

Скрыплев П. А. Хлопководство и русские переселенцы.—«Вопросы колонизации». Спб., 1913, № 15.
Слуцкий И. М. О земледельческом кредите в Туркестане.—«Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 6.
Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября (под ред. К. Е. Житова и Х. З. Зияева). Ташкент, 1973.
Справочная книжка для ходоков и переселенцев. Описание Сырдарьинского переселенческого района. Ташкент, 1914.
Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. Самарканд, 1902.
Станюкевич Т. В. Поселения и жилище русского, украинского и белорусского населения среднеазиатских республик и Казахстана.— В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.
Старцев Т. А., Козел Я. К. Ирригация колониального Туркестана и Советских республик Средней Азии. Ташкент, 1932.
Столыпин П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. Спб., 1911.
Сулейменов Б. С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX—начале XX вв. (1867—1907). Алма-Ата, 1963.
Сундетов С. А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана. Алма-Ата, 1970.
Тен К. П. Русское население Средней Азии во второй половине XIX — начале XX вв.—«История СССР», 1970, № 4.
Ташлиев Ш. Борьба за установление Советской власти в Туркестане.—«История СССР», 1957, № 4.
Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. Т. 1. М., 1974.
Трегубов А. Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях. Спб., 1910.
Трегубов А. Л. По новым местам. Спб., 1913.
Тулепбаев Б. А. Аграрные преобразования в республиках Советского Востока. М., 1972.
Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.
Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.
Убайдуллаев С. Революционное движение народов Средней Азии в период реакции 1907—1910 гг. Ташкент, 1967.
Усенбаев К. У. Революционное движение в Киргизии накануне Октябрьской революции. Фрунзе, 1965.
Устинов В. М. Против фальсификации истории Средней Азии и Казахстана. —«Вопросы истории», 1963, № 9.
Усубалиев Т. У. Ленинизм — великий источник дружбы и братства народов. М., 1974.
Федоров Е. Г. Казахстан — колония царизма в конце XIX и начале XX столетия.—«Ученые записки Алма-Атинского пединститута», т. II, 1941.
Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958.
Фомченко А. П. Социально-классовый характер так называемого «нового курса» переселенческой политики царизма в Средней Азии.—«Общественные науки в Узбекистане», 1979, № 2.
Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы). М., 1965.
Хамдамов П. У. Литература о Средней Азии в творчестве В. И Ленина. Ташкент, 1971.
Хасанов А. Исторические корни дружбы народов СССР. Фрунзе, 1954.
Хасанов М. Потребительская кооперация в Узбекистане. Ташкент, 1973.
Хидоятов Г. А. Правда против лжи. Ташкент, 1964.
Чабров Г. Н. Русские поселения между Оренбургом и Ташкентом в начале XX века.— «Труды САГУ им. Ленина». Новая серия. Вып. 90. Исторические науки, кн. 14. Ташкент, 1957.
Чабров Г. Н. Туркестан на всероссийских и всемирных выставках (1867—

1914).—«Труды САГУ». Вып. 142. Исторические науки, кн. 30. Ташкент, 1958.
Чехович О. Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX веков.—«Вопросы истории», 1956, № 3.
Чиркин Г. Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. Спб., 1908.
Чукубаев А. А. О влиянии передовой культуры русского народа на культуру народов дореволюционной Киргизии.—«Ученые записки исторического факультета» (Киргизский ун—т). Вып. 9, 1966.
Шавров Н. Пчеловодство в Туркестанском крае и Закаспийской области. Спб., 1911.
Шалекенов У. Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв. Ташкент, 1966.
Шарова П. Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии.—«Исторические записки». 8. М., 1940.
Шахназаров А. И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. Спб., 1908.
Шерстобитов В. И. Ленин и крестьянство Советского Востока (на материале Киргизской ССР). Фрунзе, 1969.
Шкапский О. А. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области.—«Вопросы колонизации». Спб., 1907, № 1.
Шмачков П. А. Роль русских крестьян-переселенцев в развитии сельского хозяйства в Туркестане.—«Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1961, № 1.
Шоинбаев Т. Историческое значение присоединения Казахстана к России.—«Вестник АН Казахской ССР», 1956, № 10.
Южаков Д. Д. Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем. Спб., 1891.
Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Ташкент, 1969.
Юнусходжаева М. Ю. Из истории землевладения в дореволюционном Туркестане (на материалах хозяйства князя Н. К. Романова). Ташкент, 1970.
Юферев В. И. Опыт исследования бюджетов переселенцев Спб., 1906.
Юферев В. И. Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края. Ташкент, 1911.
Якубовская С. И. Ликвидация фактического неравенства наций (на примере истории народов Средней Азии и Казахстана).—«Исторические записки», 48, 1954.
Якунин А. Ф. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX в. Присоединение Средней Азии к России. М., 1954.
Ямзин И. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912.
Ямзин И. Л., Вощинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.—Л., 1926.
Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Спб., 1891.
Яшнов Е. Колонизация Туркестана за последние годы.—«Вопросы колонизации», 1916, № 18.

Опубликованные документы и материалы

Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. (под ред. К. У. Усенбаева). Фрунзе, 1973.
Вся Средняя Азия. Справочная книга на 1926 хозяйственный год. Ташкент, 1926.
Материалы всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. I—III. Ташкент — Самарканд, 1924—1925.
Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. V. Семиречье (сост. И. И. Майонов, под. ред. Г. Ф. Чиркина). Пг., 1918.
Материалы по земельно-водному вопросу в Азиатской России. Вып. VI. Итоги

переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 (сост. В. А. Тресвятский). Пг., 1918.
Материалы по землепользованию в Закаспийской области, собранные и изданные по приказанию начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта Д. И. Суботича. Асхабад, 1903.
Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области (собранные и разработанные под рук. П. П. Румянцева), Т. Т. II—VIII. Спб., 1913—1916.
Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. Ч. I—II (сост. агроном. В. И. Юферев). Ташкент, 1907—1909.
Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. II. Русские селения в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области (сост. П. А. Скрыплев). Ташкент, 1909.
Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965.
Материалы по истории Средней Азии. Ташкент, 1966.
Обзор переселения и землеустройства за Уралом за 1906—1910 гг. Спб., 1911.
Обзоры Закаспийской области за 1890—1911 гг. Асхабад, 1892—1915.
Обзоры Самаркандской области за 1887—1908 гг. Самарканд—Ташкент, 1888—1910.
Обзоры аЗакаспийской области за 1890—1911 гг. Асхабад, 1892—1915.
Обзоры Сырдарьинской области за 1885—1913 гг. Ташкент, 1906—1916.
Обзоры Ферганской области за 1904—1913 гг. Новый Маргилан (Скобелев), 1889—1916.
Отчет о заселении Голодной степи и связанных с этим делом мероприятий, предпринятых в 1913—1914 гг. Б/м., 1915.
Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором графом К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. Спб., 1910.
Отчет по ревизии К. К. Палена. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. II. Спб., 1911.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897—1899 гг. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, под руководством Н. А. Тройницкого, т. LXXXVII. Закаспийская обл., т. LXXXIII, Самаркандская обл., т. LXXXV, Семиреченская обл., т. LXXXVI, Сыр-Дарьинская обл., т. LXXXIX, Ферганская область. Спб., 1904—1905.
Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений (сост. В. П. Вощинин, под ред. Г. Ф. Чиркина). Пг., 1915.
Переселенческое дело в Туркестанском крае (области — Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская). Отчет о служебной поездке в Туркестанский край осенью 1910 г. чиновника особых поручений при переселенческом управлении Н. Гаврилова, Спб., 1911.
Переселенческое дело в Семиреченской области. СПб., 1910.
Переселение и землеустройство за Уралом в 1906—1910 гг. и Отчет по переселению и землеустройству за 1920 год. Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. Спб., 1911.
Переселение и землеустройство за Уралом в 1910—1915 гг. (погодные издания). Спб., 1911—1916.
Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. IX, XXIV, XXV. Спб., 1891—1907.
Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане (сборник документов под общей. ред. И. К. Додонова). Ташкент, 1947.
Положение об управлении Туркестанским краем 12 июля 1886 г. Полное собрание законов Российский империи. Т. VI. Спб., 1888.
Положение переселенческого дела в коренных областях Туркестана: Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской.—«Вопросы колонизация», вып. 13. Спб., 1913.

Проект всеподданнейшего отчета ген.-адъютанта К. Н. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. Спб., 1885.
Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1917 гг. (Документы и материалы). Под ред. Б. Курбанова и Л. Р. Семеновой. Ашхабад, 1962.
Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-азиатской и Ташкентской (сост. по официальным данным, под ред. А. И. Дмитриева-Мамонтова). 5-е изд. Спб., 1912.
Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 годах. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957.
Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по землеустройству в губерниях и областях Азиатской России. Спб., 1907.
Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1915 год. Верный, 1916.
Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края (Сыр-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская и Закаспийская обл.) за 1915 год. По данным текущей статистики. Ташкент, 1916.
Статистический ежегодник (ТССР) 1917—1923 гг. Т. I—II, Ташкент, 1924.
Туркестанское генерал-губернаторство. Всеподданнейший отчет по Туркестанскому генерал-губернаторству. 1889—1895 гг. Спб., 1985.

Список использованных архивных фондов

ЦГА УзССР — Центральный государственный архив Узбекской ССР
Ф. II-1 — Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора Ф. И.-7 — Управление земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае
Ф. И-16— Управление переселенческим делом в Сырдарьинском районе
Ф. И-17— Сырдарьинское областное правление
Ф. И.- 18— Самаркандское областное правление
Ф. И-19— Ферганское областное правление
Ф. И-25— Управление начальника Андижанского уезда
Ф. И-163— Заведующий водворением переселенцев в Ферганской области— чиновник по сельскохозяйственной и оброчной частям при Ферганском областном правлении, гор. Скобелев.
ЦГИАМ—Центральный Государственный военно-исторический архив СССР
Ф. 400— Азиатская часть Главного штаба
ЦГИА СССР в Ленинграде — Центральный Государственный исторический архив СССР в Ленинграде.
Ф. 391— Переселенческое управление
Ф. 398— Департамент земледелия
ЦГА КазССР—Центральный Государственный архив Казахской ССР
Ф. И.-19— Заведующий переселенческим делом в Семиреченской области
Ф. И-44— Семиреченское областное правление

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава первая. Переселение и крестьянская колонизация в конце XIX в. 17
Причины крестьянского переселения 17
Законодательство по переселенческому вопросу 28
Начало крестьянской колонизации Туркестана 33
Глава вторая. Переселенческая политика царизма и крестьянская колонизация в начале XX в. 47
Переход к политике поощрения переселений 47
Переселение в годы столыпинской реакции 52
«Новый курс» переселенческой политики царизма 64
Глава третья. Социально-экономическое развитие русских поселений . 71
Состояние русских поселений в начале XX в. 71
Развитие капиталистических отношений в русских поселениях . . 87
Социально-экономические последствия крестьянской колонизации . 103
Заключение 115
Список использованной литературы 118

Анатолий Пахомович Фомченко

РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.
(Социально-экономический аспект)

Утверждено
Ученым советом
Ташкентского государственного педагогического института им. Низами
и научным советом Министерства просвещения Узбекской ССР

Редактор *Е. Я. Ялфимова*
Художник *Г. Н. Просвиров*
Художественный редактор *Д. А. Файзирахманов*
Технический редактор *Х. У. Бабамухамедови*
Корректор *Л. В. Финк*

ИБ № 2943

Сдано в набор 3.06.83. Подписано к печати 22.07.83. Р07739. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 1200. Заказ 140. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 1 р. 40 к.

